

Иberoамериканские тетради

Том XIII · № 1 · 2025

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1

Издается с 2013 г.
Периодичность – 4 номера в год:
№1 март; №2 июнь; №3 сентябрь; №4 декабрь.

«Иberoамериканские тетради» — научный рецензируемый журнал об иberoамериканской истории и культуре.

Цель журнала — развитие междисциплинарных исследований в области истории, этнологии, искусствоведения, литературоведения, лингвистики и других дисциплин для раскрытия многообразия и самобытности иberoамериканской картины мира. В журнале публикуются статьи на русском, испанском, португальском и английском языках, что создает уникальную площадку для взаимного познания двух пограничных цивилизационных пространств: иberoамериканского и российского.

Задачи журнала:

- предоставление исследователям открытой площадки для публикации результатов разноплановых научных исследований по истории, этнологии и этнографии, культуре, литературе, искусству, языкам стран иberoамериканского ареала. Приветствуются исследования, имеющие фундаментальное и прикладное значение;
- обзор передовых публикаций (статей, монографий), посвященных региональной проблематике, многообразию и самобытности стран Иberoамерики по указанным специальностям;
- привлечение к сотрудничеству как авторитетных российских и зарубежных исследователей–иberoамериканистов, так и начинающих исследователей, занимающихся изучением и интерпретацией истории, культуры, литературных тенденций, разных видов искусства, лингвокультуры иberoамериканского мира;
- формирование международной дискуссионной площадки для поддержания академического диалога иberoамериканистов по проблемам истории, культуры, искусства, лингвокультуры.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Н.Е. Аникеева, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, профессор, Университет Гранады (Испания)

Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

Н.С. Константинова, кандидат исторических наук, руководитель Центра культурологических исследований ИЛА РАН, член Союза театральных деятелей РФ (Россия)

И.А. Кряжева, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия)

М.В. Ларионова, доктор филологических наук, доцент, МГИМО МИД России (Россия)

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Н.Г. Мед, доктор филологических наук, профессор, СПбГУ (Россия)

Э. Агилар Монтальво, Президент фонда «Народы Америки» (Эквадор)

А.В. Морозова, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, СПбГУ (Россия)

Ю.Л. Оболенская, доктор филологических наук, профессор, МГУ (Россия)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

И.В. Попов, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России, Институт Европы РАН (Россия)

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, заведующая Сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН (Россия)

А. Санчес-Андрес, доктор экономических наук, профессор, Университет Валенсии (Испания)

Л.И. Тананаева, доктор искусствоведения, почётный член РАХ (Россия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap)

Национального института искусств (Мексика)

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ, ИЛА РАН (Россия)

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России, ИНИОН РАН (Россия)

Я.Г. Шемякин, доктор исторических наук, ИЛА РАН (Россия)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Е.В. Астахова, кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России

Заместитель главного редактора

А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН

Научный редактор

Н.А. Ростов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России

Редакторы

А.К. Валовская, RT

А.В. Родионов, МГИМО МИД России

Ответственный секретарь

Е.В. Крюкова, кандидат политических наук, доцент, МГИМО МИД России

Дизайн, верстка

Д.Е. Волков, МГИМО МИД России

В дизайне обложки использован рисунок уругвайского художника Хосе Гурвича из серии *30 dibujos constructivos*, 1952

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МГИМО МИД России

© МГИМО МИД России, 2025
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Cuadernos Iberoamericanos

Vol. XIII · Nº 1 · 2025

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1

Se publica 4 veces al año desde 2013
Frecuencia de publicación – 4 números al año:
Nº1 marzo; Nº2 junio; Nº3 septiembre; Nº4 diciembre.

“Cuadernos Iberoamericanos” es una Revista de Humanidades revisada por pares. Su objetivo principal es desarrollar estudios originales interdisciplinarios derivados de la investigación académica, reflexiones teóricas, debates especializados, ensayos y reseñas críticas en torno a temas relacionados con los estudios en áreas de historia, etnografía y etnología, arte, comunicación, literatura, lingüística y otros para ofrecer una amplia visión sobre la diversidad y la identidad del mundo iberoamericano. Se publican artículos en ruso, español, portugués e inglés lo que crea una plataforma académica privilegiada para el conocimiento mutuo y comunicación intercultural entre las dos civilizaciones especiales — de Rusia y de Iberoamérica.

Tareas de la revista:

- Ofrecer a los investigadores-iberoamericanistas una plataforma abierta para la publicación de diversas investigaciones científicas y reflexiones analíticas sobre la historia, la cultura, la literatura, artes y lenguas de los países del mundo iberoamericano;
- Difundir las publicaciones tanto de investigadores de renombre como de los expertos principiantes (artículos, monografías) en las áreas mencionadas en forma de reseñas críticas;
- Invitar a la colaboración tanto a los expertos rusos como a los iberoamericanistas extranjeros para compartir el diálogo académico y el debate intelectual sobre los estudios y la interpretación de diferentes fenómenos de la historia, la cultura y artes, de las tendencias literarias y lingüísticas presentes en el espacio iberoamericano.

CONSEJO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena Astakhova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander Kozhanovsky, Dr. en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Consejo Editorial

Natalia Anikeeva, Dra. en Historia, catedrática, Universidad MGIMO, Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. en Filología, catedrático, Universidad de Granada, España

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Nicolay Ivanov, Dr. en Filología, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Victor Jefeits, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Serguéy Khenkin, Dr. en Historia, catedrático, Universidad MGIMO, Instituto de Información Científica en Ciencias Sociales de la Academia de Ciencias de Rusia

Natalia Konstantinova, PhD (Historia), Jefa del Centro de Estudios Culturales del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Miembro de la Unión de los trabajadores de teatro de la Federación de Rusia

Irina Kryazheva, Dra. en Artes, Instituto Estatal de Estudios del Arte, Rusia

Marina Larionova, Dra. en Filología, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Boris Martynov, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático, Universidad MGIMO, Rusia

Olga Masalova, PhD (Historia), profesora titular, Universidad Federal de Kazán, Rusia

Natalia Med, Dra. en Filología, catedrática, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Enrique Aguilar Montalvo, Presidente de la Fundación Pueblos de América, Ecuador

Anna Morózova, Dra. en Estudios Culturales, PhD (Historia del Arte), profesora titular, Universidad Estatal de San Petersburgo, Rusia

Yulia Obolenskaya, Dra. en Filología, catedrática, Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

© Universidad MGIMO, 2025
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Ivan Popov, PhD (Historia), profesor titular, Universidad MGIMO, Instituto de Europa de la Academia de Ciencias de Rusia

Irina Prokhorenko, Dra. en Ciencias Políticas, jefa del Sector de Organizaciones Internacionales y Reglamentación de Política Mundial en el Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. en Economía, catedrático, Universitat de València, España

Yakov Shemyakin, Dr. en Historia, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia

Larisa Tananaeva, Dra. en Artes, Miembra Honoraria de la Academia de Bellas Artes de Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

Olga Volosyuk, Dra. en Historia, catedrática de la Universidad Escuela Superior de Economía, Rusia

EQUIPO EDITORIAL

Directora de la revista

Elena V. Astakhova, PhD en Historia, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Vicedirector de la revista

Alexander V. Kozhanovsky, Doctor en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia

Redactor académico

Nikita A. Rostov, PhD en Historia, Universidad MGIMO, Rusia

Redactores

Alexandra K. Valóvskaia, RT, Rusia

Aleksei V. Rodionov, Universidad MGIMO, Rusia

Secretaría ejecutiva

Elena V. Kryukova, PhD en Ciencias Políticas, profesora titular, Universidad MGIMO, Rusia

Diseño, Diseño editorial

Dmitriy E. Volkov, Universidad MGIMO

Imagen en la portada:

José Gurvich (Uruguay). Un dibujo de la serie *30 dibujos constructivos*, 1952

FUNDADOR Y PUBLICADOR

Universidad MGIMO

Cuadernos Iberoamericanos
tiene el certificado registral de los medios
ПИ №. F577-78906 de agosto 7, 2020

Iberoamerican Papers

Vol. XIII · N° 1 · 2025

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1

Established in 2013, Issued 4 times a year
Publication Frequency – 4 issues per year:
№1 March; №2 June; №3 September; №4 December.

“Iberoamerican papers” is a peer-reviewed scientific journal. The Journal’s goal is to develop interdisciplinary research in the field of history, ethnology, art history, literary studies, linguistics and other disciplines to show the diversity and identity of the Ibero-American worldview. The Journal publishes articles in Russian, Spanish, Portuguese and English, which creates a unique platform for mutual knowledge and intercultural communication of two “frontier” civilizations: that of Russia and Ibero-America.

The Journal’s objectives are:

- To provide researchers with an open platform to publish the results of different scientific research on the history, ethnology and ethnography, culture, literature, art, languages of the countries of the Ibero-American world;
- To disseminate the publications of both renowned researchers and junior experts (articles, monographs) in the above-mentioned areas in the form of critical reviews;
- To invite both Russian experts and Ibero-Americanists from abroad to collaborate in order to share academic dialogue and intellectual debate on the study and interpretation of different phenomena of history, culture and the arts, literary and linguistic trends in the Ibero-American world.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Elena Astakhova, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editorial Board

Natalia Anikeeva, Dr. of History, professor, MGIMO University, Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Rafael Guzmán Tirado, Dr. of Philology, professor, University of Granada, Spain

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Nicolay Ivanov, Dr. of Philology, professor, MGIMO University, Russia

Victor Jeifets, Dr. of History, professor, Saint Petersburg State University, Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences, Russia

Sofia Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Sergey Khenkin, Dr. of History, professor, MGIMO University, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Konstantinova, PhD (History), Head of the Center for Cultural Studies at the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation

Irina Kryazheva, Dr. of Arts, State Institute for Art Studies, Russia

Marina Larionova, Dr. of Philology, associate professor, MGIMO University, Russia

Boris Martynov, Dr. of Political Sciences, professor, MGIMO University, Russia

Olga Masalova, PhD (History), associate professor, Kazan Federal University, Russia

Natalia Med, Dr. of Philology, professor, Saint Petersburg State University, Russia

Enrique Aguilar Montalvo, President of the Peoples of America Foundation, Ecuador

Anna Morozova, Dr. of Cultural Studies, PhD (History of Art), associate professor, Saint Petersburg State University, Russia

Yulia Obolenskaya, Dr. of Philology, professor, Moscow State University, Russia

Ivan Popov, PhD (History), associate professor, MGIMO University, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia

Irina Prokhorenko, Dr. of Political Sciences, Head of the Department of International Organizations and Global Political Regulation at the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russia

Antonio Sánchez-Andrés, Dr. of Economics, professor, University of Valencia, Spain

Yakov Shemyakin, Dr. of History, Institute for Latin America, Russia

Larisa Tananaeva, Dr. of Arts, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

Olga Volosyuk, Dr. of History, professor, National Research University Higher School of Economics, Russia

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

Elena V. Astakhova, PhD in History, associate professor, MGIMO University, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Alexander Kozhanovsky, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

Editor-in-Charge

Nikita A. Rostov, PhD (History), MGIMO University, Russia

Associate Editors

Alexandra K. Valovskaya, RT, Russia

Aleksei V. Rodionov, MGIMO University, Russia

Secretary-in-Charge

Elena V. Kryukova, PhD (Political Sciences), associate professor, MGIMO University, Russia

Design, Desktop Publishing

Dmitriy E. Volkov, MGIMO University

Design of the cover:

José Gurvich (Uruguay). A drawing from the collection *30 dibujos constructivos*, 1952

FOUNDER AND PUBLISHER

MGIMO University

© MGIMO University, 2025
www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77-78906 of August 7, 2020

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

В.Е. Бagno, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Россия)

А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор КубГУ, Краснодар (Россия)

А.Х. Верду-ХOVER, доктор экономических наук, профессор, Университет Мигеля Эрнандеса, Аликанте (Испания)

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель ИЛА РАН (Россия)

С. Каменецкая, доктор филологии, Национальный автономный университет, г. Мехико (Мексика)

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, доцент, Национальный университет заочного обучения (Испания)

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, сопредседатель Ибероамериканского центра МГИМО, главный научный сотрудник ИЛА РАН (Россия)

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, доцент МГИМО МИД России (Россия)

Л.К. Рибейру Престес, магистр искусств, журналист, режиссер документального кино, куратор ПЕН Клуба Бразилии (Бразилия)

М.М. Раевская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ (Россия)

М.Л. Рамос Урзагасте, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Боливия)

М.Г. Толоса Санчес, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра истории искусств (Cenidiap) Национального института искусств (Мексика)

Р.Д. Флорес Арсила, доктор филологии, доцент, Национальный университет Колумбии, г. Богота (Колумбия)

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, СПбГУ, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (Россия)

А.В. Шестопап, доктор философских наук, профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), LATINDEX

CONSEJO INTERNACIONAL DE EXPERTOS CIENTÍFICOS

Vsevolod Bagnó, Dr. en Filología, Miembro-Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Director de Investigaciones del Instituto de Literatura Rusa (Casa Pushkin), Rusia

Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, catedrático de la Universidad Estatal de Kubán, Krasnodar, Rusia

Vladimir Davydov, Dr. en Economía, Miembro Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, catedrático, Director de Investigaciones del Instituto de Latinoamérica, Rusia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. en Filología, profesor titular, Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, profesor titular, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España

Lazar Jeifets, Dr. en Historia, catedrático, Universidad Estatal de San Petersburgo, investigador principal del Instituto de Latinoamérica, Rusia

Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México

Ludmila Okuneva, Dra. en Historia, catedrática de la Universidad MGIOM, Copresidenta del Centro Iberoamericano de la MGIOM, investigadora principal del Instituto de Latinoamérica, Rusia

Alexander Orlov, PhD (Historia), profesor titular, Universidad MGIOM, Rusia

Luiz Carlos Ribeiro Prestes, Máster en Artes, periodista, director de cine, curador del PEN Club de Brasil, especialista en economía cultural, Brasil

Marina Raevskaya, Dra. en Filología, catedrática, jefa del Departamento de Español de la Universidad Estatal M.V. Lomonósov de Moscú, Rusia

María Luisa Ramos Urzagaste, Embajadora Extraordinaria y Plenipotenciaria, Bolivia

Alexey Shestopal, Dr. en Filosofía, catedrático, Universidad MGIOM, Rusia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Investigadora Titular C del Centro Nacional de Investigación de Artes Plásticas (Cenidiap) del Instituto Nacional de Bellas Artes y Literatura, México

Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, catedrático, Universitat Miguel Hernández, Alicante, España

Esta revista está incluida en la Lista de ediciones científicas de impacto, revisada por pares, en conformidad con el clasificador de la Comisión Superior de Certificación de Rusia, LATINDEX

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EXPERT COUNCIL

Vsevolod Bagnó, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russia

Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Vladimir Davydov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Director of the Institute for Latin America, Russia

Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. of Philology, National University of Colombia, Bogotá, Colombia

Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History and Geography, National University of Distant Education, Spain

Lazar Jeifets, Dr. of History, Professor, Saint Petersburg State University, Senior Researcher of the Institute for Latin America, Russia

Sofía Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City, Mexico

Ludmila Okuneva, Dr. of History, Professor of MGIOM University, Co-President of the Iberoamerican Centre of MGIOM, Senior Researcher of the Institute for Latin America, Russia

Alexander Orlov, PhD (History), associate professor, MGIOM University, Russia

Luiz Carlos Ribeiro Prestes, Master of Arts, journalist, film director, curator of the PEN Club of Brazil, specialist in cultural economics, Brazil

Marina Raevskaya, Dr. of Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language at Moscow State University, Russia

María Luisa Ramos Urzagaste, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Bolivia

Alexey Shestopal, Dr. of Philosophy, Professor, MGIOM University, Russia

María Guadalupe Tolosa Sánchez, Senior Researcher of the National Research Center for Art History (Cenidiap), National Institute of Arts, Mexico

Antonio Jose Verdú-Jover, Dr. of Economics, Professor, Miguel Hernández University, Alicante, Spain

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia, LATINDEX

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора Астахова Е.В. Представление номера	8
Иberoамерика: Человек. Общество. Язык	
<i>Интервью</i>	
Давыдов В.М. Латиноамериканский парадокс — растущее многообразие на почве уникальной общности	12
<i>Аналитическое эссе</i>	
Шемякин Я.Г. Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа	30
<i>Исследовательская статья</i>	
Fernández Calzada M. «El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre». Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca («Человек человеку не волк, он человек». О сосуществовании народов в ином международном порядке. Франсиско де Витория и школа Саламанки)	56
<i>Особый взгляд</i>	
Садиков А.В. Малинче и покорение Мексики. Попытка исторической реконструкции	75
<i>Исследовательская статья</i>	
Краев О.Л. Трущобы в структуре городов Южной Америки: социальный аспект	103
<i>Исследовательская статья</i>	
Михеева Н.Ф., Попова Е.А. Многообразие испанского общества: ценности через призму экспрессивной номинации этносоциальных групп	125
<i>Особый взгляд</i>	
Cáceres Álvarez L. El sol y la sombra del ruedo: Rostros de la calle en la Plaza de Acho. Reflexiones sobre un libro de perfiles periodísticos y ensayo fotográfico peruano (Солнце и тень: лица улицы на арене боя быков. Размышления о книге очерков о людях, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах)	145
Рецензии	
Мартынов Б.Ф. Фернанду Пессоа: фрагменты общественно-политического наследия	161
ДЛЯ АВТОРОВ	186

ÍNDICE

Editorial

Astakhova E.V. Presentando el número	8
--	---

Iberoamérica: Gente. Sociedad. Lengua

Entrevista

Davydov V.M. Paradoja latinoamericana: diversidad creciente en el suelo de afinidad excepcional	12
---	----

Ensayo analítico

Shemyakin Ya.G. Andrey Kofman: una personalidad creativa de tipo sincrético	30
---	----

Artículo de investigación

Fernández Calzada M. «El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre». Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca	56
--	----

Otra mirada

Sádikov A.V. Malinche y la Conquista de México. Un intento de reconstrucción histórica	75
--	----

Artículo de investigación

Kraev O.L. Asentamientos informales en ciudades latinoamericanas: la dimensión social	103
---	-----

Artículo de investigación

Mikheeva N.F., Popova E.A. La diversidad de la sociedad española: valores a través de la nominación expresiva de grupos étnicos y sociales	125
---	-----

Otra mirada

Cáceres Álvarez L. El sol y la sombra del ruedo: Rostros de la calle en la Plaza de Acho. Reflexiones sobre un libro de perfiles periodísticos y ensayo fotográfico peruano	145
--	-----

Reseñas

Martynov B.F. Fernando Pessoa: fragmentos do legado político-social	161
---	-----

PARA LOS AUTORES	186
------------------------	-----

CONTENTS

Editorial

Astakhova E.V. Presenting the Issue	8
---	---

Ibero-America: Humans. Society. Language

Interview

Davydov V.M. Latin American Paradox: Growing Diversity Based on Unique Unity	12
--	----

Analytical essay

Shemyakin Ya.G. Andrey Kofman: A Creative Personality of the Syncretic Type	30
---	----

Research article

Fernández Calzada M. «Man is Not a Wolf to Man, but a Human». On the Coexistence of Peoples in Another International Order. Francisco de Vitoria and the School of Salamanca	56
--	----

Another view

Sadikov A.V. Malinche and the Conquest of Mexico. An Attempt at Historical Reconstruction	75
---	----

Research article

Kraev O.L. Informal Settlements in South American Cities: The Social Dimension	103
--	-----

Research article

Mikheeva N.F., Popova E.A. The Diversity of Spanish Society: Values Through the Prism of Expressive Nomination of Ethnic and Social Groups	125
---	-----

Another view

Cáceres Álvarez L. The Sun and the Shadow in a Bullring: Faces of the Street in the Plaza de Acho. Reflections on a Peruvian Book of Profile Features and a Photo-Essay	145
--	-----

Book Reviews

Martynov B.F. Fernando Pessoa: Fragments of the Sociopolitical Legacy	161
---	-----

FOR AUTHORS	186
-------------------	-----

Дорогие читатели!

Представляю первый номер «Ибероамериканских тетрадей» за 2025 год — *«Ибероамерика: Человек. Общество. Язык»*. Мы постарались, чтобы статьи, собранные в этом выпуске, отвечали в какой-то мере этой необъятной теме, которая всегда присутствует в центре исследований философов, историков, искусствоведов, лингвистов и других ученых. Назначение человека в реальном мире, его связь с обществом, поиск его места в современных условиях развития науки и техники, цифровизации, искусственного интеллекта — это вопросы, на которые пока нет однозначного ответа. Мир человека перестал быть равным его Дому, в этом глубинная причина кризиса самого человека, которому приходится жить и действовать в новом «постчеловеческом» измерении.

Человек выражает себя через слово. Язык становится тем фильтром, через который люди воспринимают внешний мир и передают свои эмоции. Язык определяет «субъектность» или «объектность» какой-либо нации в международных отношениях. Недаром в любые времена идут идеологические и даже военные битвы за сохранение родного языка, за возможность говорить и мыслить на своем языке. Язык — носитель цивилизации, отражение национального сознания, картины мира любого народа.

Латинская и Карибская Америка представляют в этом контексте уникальную общность, где одновременно присутствуют разные цивилизационные матрицы — от самой простой, где человек связан только с природой, до самой современной, в которой люди живут в оцифрованном глобализованном пространстве.

В интервью с научным руководителем Института Латинской Америки РАН членом-корреспондентом РАН В.М. Давыдовым как раз и идет речь об особенностях латиноамериканского сообщества, которое выступает на планетарной карте как своего рода всемирная лаборатория исторических проб и ошибок, демонстрирует синхронное существование всего набора образцов исторического бытия, пройденных этапов социально-экономической эволюции.

Выдающимся ученым, который ставил в центр гуманитарных знаний именно человека, был А.Ф. Кофман. Его творчеству и взглядам посвящена статья Я.Г. Шемякина, который работал с Андреем Кофманом, был его другом. Открывая читателям и исследователям латиноамериканскую литературу, анализируя причины, ход и последствия встречи двух миров — Старого

и Нового, личности и поступки конкистадоров, А.Ф. Кофман нарисовал художественный образ Латинской Америки, обозначил специфические черты латиноамериканской цивилизации «пограничья», главной из которых стал «включающий дискурс».

Исследователь из Испании Мириам Фернандес Кальсада пишет о человеке как акторе цивилизации и рассматривает конкретный пример: Франсиско де Витория (1483–1546), основатель школы философов, богословов, юристов, миссионеров из испанского Университета Саламанки. Франсиско де Витория в XVI веке разработал теорию отношений между народами, основанную на духовных способностях, которыми каждый человек обладает от природы и «вступающую в лобовое столкновение с доминирующим сегодня видением международных отношений». Автор считает важным вспомнить в наше время ряд основополагающих идей саламанкской школы, которые в корне отличаются от англосаксонского и протестантского понимания природы человека. Кстати, один из залов штаб-квартиры ООН в Женеве назван в память о Франсиско де Витории, а фрески, размещенные в этом зале, были выполнены испанским (каталонским) художником-монументалистом Хосе Мариа Сертом (Josep Maria Sert, 1874–1945) в 1935–1936 гг. по заказу республиканского правительства Испании для Дворца Лиги Наций.

Александр Садиков на основе исторических источников выдвигает собственную гипотезу о том, как проходило покорение Мексики. Именно покорение, поскольку, по словам автора, это был переход власти в Империи ацтеков к испанским завоевателям. В центр своего увлекательного повествования, которое можно назвать исторической реконструкцией, автор ставит личность Малинче, женщины из знатного рода ацтеков. Она стала переводчицей конкистадора Эрнана Кортеса и активной участницей создания коалиции антиацтекских племен, сыгравших ключевую роль в падении Империи Монтесумы и победе испанцев.

Человек в современном обществе, несмотря на технические достижения, уязвим. Это относится ко всем социальным слоям, но особенно касается тех, кто по разным причинам оказался на нижних ступенях иерархической лестницы общества. Историк и культуролог Олег Краев на основе полевых исследований рассматривает такой специфический для большинства крупных городов Южной Америки социальный феномен, как трущобы. Причем это явление интересно как с точки зрения исторических и экономических обстоятельств их возникновения и существования, так и анализа портрета их жителей и особенностей социальных связей внутри сообществ, включая взаимопомощь.

Продолжая тему эмпатии, публикуем эссе перуанского журналиста и антрополога Луиса Касереса Альвареса, где он представляет книгу «Дом для всех» — «*Casa de todos*» и рассказывает об опыте преодоления пандемии и сопереживания тем людям, кто оказался в чрезвычайных обстоятельствах

«в тени» внимания общества. Немалый интерес вызывают особенности подхода к проблеме противостояния двух миров социума — элитарного и маргинального, одиночества человека и степени гражданской и этической зрелости окружающего его общества. В этом антропологическом исследовании большая роль принадлежит визуальному ряду, а также символике места, которое стало «Домом для всех», — историческая, построенная в XVIII веке арена боя быков в Лиме, и неслучайно один из разделов этой статьи назван «Все мы тореадоры в этой жизни».

Испанское общество, в силу исторических, социально-экономических, религиозных и других факторов, демонстрирует яркий поликультурный пример и обладает сложным набором ценностей. Филологи Наталья Михеева (РУДН) и Евгения Попова (МГЛУ) выявляют особенности образования и использования языковых единиц с оценочными коннотациями, участвующих в репрезентации этнических, территориальных и социальных групп Испании с точки зрения их отношения к базовым ценностям. Сквозь призму языка перед нами предстают новые грани многослойного образа испанского социума и его культурных традиций.

В рубрике «Рецензии» мы предлагаем обзор общественно-политических взглядов замечательного португальского поэта и публициста Фернандо Пессоа, о которых размышляет политолог Борис Федорович Мартынов на основе недавно вышедшей в Португалии книги, где собрано политико-социальное наследие поэта. Это мысли о государстве, обществе, патриотизме, свободе и демократии, о различии понятий «народ» и «толпа», о внутренних врагах и внешних. Автор рецензии проводит параллель с современными обстоятельствами и делает вывод, что мир находится в постоянном движении, поэтому и взгляд на человека и общество также должен меняться и не останавливаться в развитии особенно сегодня, когда назрела острая необходимость задуматься о пересмотре многих традиционных представлений в науках об обществе.

* * *

Завершая представление номера, хочу обратить внимание наших авторов и читателей на иллюстрации, которые размещаются в тексте каждой публикации. Редакция придает большое значение визуальному ряду, поскольку он не только привлекает внимание к содержанию статьи, но и служит дополнительным источником информации. Кроме того, мы ставим задачу и просветительскую — ознакомить читателей с творчеством художников ибероамериканских стран.

Надеемся, что журнал «Иberoамериканские тетради» расширяет кругозор и знания читателей об истории, культуре, литературе и языках, искусствах и фольклоре стран ибероамериканского ареала и ждем от научных экс-

пертов новые исследования и размышления. Мы приветствуем зарубежных ученых из Латинской и Карибской Америки, которые сотрудничают с журналом, и рады констатировать, что их интерес к журналу растет.

Следующий номер «Ибероамериканских тетрадей» выйдет в конце июня и будет посвящен теме «Ибероамерика: Пространство и предметный мир». Напоминаем, что статьи принимаются до 15 мая, а всю дополнительную информацию можно найти на веб-странице журнала — iberpapers.org.

Встречаемся на наших страницах!

Елена Астахова,
главный редактор
«Ибероамериканских тетрадей»

Латиноамериканский парадокс — растущее многообразие на почве уникальной общности

© Давыдов В.М., 2025

Владимир Михайлович Давыдов, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, заведующий кафедрой ибероамериканских исследований экономического факультета РУДН.
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21
ORCID: 0000-0002-3053-5087 E-mail: davydov@ilaran.ru

Аннотация. Латино-Карибская Америка (ЛКА) занимает особое место в современном мире в силу ряда причин. Первая связана с тем, что признаки общности в этом регионе намного сильнее и влиятельнее по сравнению с признаками общности других регионов мира. ЛКА также уникальна тем, что она выступает на мировой карте как своего рода всемирная лаборатория исторических проб и ошибок, синхронное существование всего набора образцов исторического бытия, всех пройденных этапов социально-экономической эволюции. Она вбирает в себя разные цивилизационные и культурные потоки, перерабатывает их и обеспечивает плодотворяющий синтез — процесс такой переработки мексиканский философ и политик Хосе Васконселос называл *mestizaje* (в широком смысле).

Но при удивительном доминировании общих черт мы обнаружим в ЛКА ряд существенных расхождений. Если бегло оценить механику процесса *mestizaje* в значении широком, то мы увидим, что в регионе присутствует несколько основных компонентов исторического синтеза. Исходный набор этих компонентов (времен конкисты) в основном один и тот же для разных стран. Но вот комбинация и пропорция их сочетания разные. Кроме того, в Латинской Америке присутствует особая идентичность. Ее принципиальная особенность заключается в том, что она двойственна: и национальная, и региональная. Представляется, что к Латинской Америке можно применить понятие цивилизационной матрицы — это особая, типическая комбинация факторов цивилизационного вызревания; понятие цивилизационной матрицы близко термину «архетип». С цивилизационной точки зрения в Латинской Америке существует несколько ключевых архетипов, при этом в ходе исторического развития происходило наложение цивилизационных матриц друг на друга.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, идентичность, цивилизационная матрица, автохтонные народы, исторический синтез

Для цитирования: Давыдов В.М. (2025) Латиноамериканский парадокс — растущее многообразие на почве уникальной общности. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Paradoja latinoamericana: diversidad creciente en el suelo de afinidad excepcional

© Davydov V.M., 2025

Vladimir M. Davydov, Doctor en Economía, Miembro correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Director Científico del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Jefe del Departamento de Estudios Iberoamericanos, Facultad de Economía, Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos Patrice Lumumba.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21

ORCID: 0000-0002-3053-5087

E-mail: davydov@ilaran.ru

Resumen. La región de América Latina y el Caribe ocupa un lugar especial en el mundo contemporáneo por varias razones. La primera es que los indicios de la unidad en esta región son mucho más fuertes e influyentes que los de otras regiones del mundo. También es única en el sentido de que actúa en el panorama mundial como una especie de laboratorio global de ensayo y de errores históricos, donde existen simultáneamente todos los tipos del ser histórico y todas las etapas superadas de la evolución socioeconómica. Es decir, absorbe diferentes flujos civilizatorios y culturales, los procesa y proporciona una síntesis fructífera. José Vasconcelos, filósofo y político mexicano, denominó este procesamiento como *mestizaje* en el sentido amplio de la palabra. No obstante, junto al sorprendente predominio de los puntos en común, en América Latina y el Caribe hay muchas divergencias importantes. Al evaluar la mecánica del *mestizaje* en el sentido amplio, vemos que en la región hay varios componentes principales de síntesis histórica. El conjunto inicial de estos componentes desde la época de la conquista es básicamente el mismo para distintos países, pero su combinación y proporción es diferente. Es más, América Latina tiene una identidad especial, cuyo rasgo fundamental es que es dual: dicha identidad es a la vez nacional y regional. América Latina es una región donde se aplica el concepto de matriz civilizatoria. Se trata de una combinación especial de factores de maduración civilizatoria; este concepto es parecido al término arquetipo. Desde el punto de vista civilizatorio, existen varios arquetipos clave en América Latina, y en el transcurso de su desarrollo histórico se ha producido una superposición de matrices civilizatorias.

Palabras clave: América Latina y el Caribe, identidad, matriz civilizatoria, pueblos autóctonos, síntesis histórica

Para citar: Davydov V.M. (2025) Paradoja latinoamericana: diversidad creciente en el suelo de afinidad excepcional, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Latin American Paradox: Growing Diversity Based on Unique Unity

© Davydov V.M., 2025

Vladimir M. Davydov, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Ibero-American Studies, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

115035 Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21

ORCID: 0000-0002-3053-5087

E-mail: davydov@ilaran.ru

Abstract. Latin America and the Caribbean plays a special role in the modern world for a number of reasons. The common ground in this region is much stronger and more impactful than that in other regions of the world. Latin America and the Caribbean is also unique since it acts as a kind of a global laboratory of historical trial and error, where all types of historical existence and all the stages of socioeconomic evolution are present simultaneously. It absorbs different civilizational and cultural flows, processes them and provides a fruitful synthesis, which José Vasconcelos, Mexican philosopher and politician, dubbed *mestizaje* in the broad sense of the word. However, alongside the surprising dominance of common features, Latin America and the Caribbean has a number of significant divergences. The mechanics of *mestizaje* in the broad sense shows that there are several major components of historical synthesis in the region. The initial set of these components dating back to the Spanish conquest of America is the same for different countries, yet their combination and proportion is different. In addition, Latin America has a special dual identity, which is both national and regional. It is useful to analyze Latin America through the lens of a civilizational matrix, a special combination of factors contributing to civilizational maturation; this concept is close to the term archetype. From a civilizational point of view, there are several key archetypes in Latin America, and in the course of historical development, there has been an overlap of civilizational matrices in the region.

Key words: Latin America and the Caribbean, identity, civilizational matrix, autochthonous peoples, historical synthesis

For citation: Davydov V.M. (2025) Latin American Paradox: Growing Diversity Based on Unique Unity, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 12–29. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-12-29

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Беседу с доктором экономических наук членом-корреспондентом РАН научным руководителем Института Латинской Америки РАН Владимиром Михайловичем Давыдовым ведет главный редактор «Ибероамериканских тетрадей» Елена Васильевна Астахова.

— Владимир Михайлович, тема этого номера журнала — «Человек. Общество. Язык». Вы, как выдающийся латиноамериканист, имеющий множество междисциплинарных исследований и публикаций, — наилучший собеседник для разговора на эту тему. К тому же вы являетесь создателем новых концепций в цивилизационной теории для понимания национально-культурной детерминации Латинской и Карибской Америки. Ведь именно специфическая социокультурная среда, сложившаяся исторически, определяет многие современные экономические и политические процессы в регионе. Это и выбор экономической модели (конечно, не без влияния внешних факторов), и трудовая этика, и отношение к государству и закону, и электоральное поведение, и поляризация общества, и его нравственные ценности, и многое другое. Расскажите, пожалуйста, для наших читателей, в чем заключается «особость» Латинской и Карибской Америки?

— Латино-Карибская Америка (ЛКА) занимает особое место в современном мире в силу ряда причин. Первая связана с тем, что признаки общности в этом регионе намного сильнее и влиятельнее по сравнению с признаками общности других регионов мира. Это легко обнаруживается: ведь речь идет о доминировании одной лингвистической семьи, о единой конфессиональной принадлежности, о похожести исторической судьбы — пути формирования национальной государственности и нации в каждой из стран ЛКА в общем-то смыкаются прерванностью цивилизационной преемственности. Но «особость» Латинской и Карибской Америки этим не исчерпывается. Не исчерпывается она и периферийным характером экономического развития, и периферийным расположением в мировой геополитике. ЛКА уникальна тем, что она выступает на мировой планетарной карте как своего рода всемирная лаборатория исторических проб и ошибок, синхронное существование всего набора образцов исторического бытия, всех пройденных этапов социально-экономической эволюции.

В этой связи уместно вспомнить выдающегося мексиканского мыслителя и политика революционной поры Хосе Васконселоса¹, который выдвинул тезис «космической расы» [Vasconcelos, 1948]. Он верил в то, что за Латинской Америкой огромное будущее. Она вбирает в себя разные цивилизационные

¹ Хосе Васконселос (José Vasconcelos, 1882–1959) — мексиканский историк, философ и политический деятель, первый в истории Мексики министр образования (1921–1924).

и культурные потоки, перерабатывает их и обеспечивает плодотворящий синтез. Процесс такой переработки он называл *mestizaje* (в широком смысле). Этот процесс ведет к тому, что Латинская Америка производит сочленение мировых культур в планетарном масштабе. Наши ученые (Я.Г. Шемякин прежде всего) используют термин «цивилизационное пограничье» для дефиниции этого сочленения [Шемякин, 2023а: 60; Шемякин, 2023б].

Вернемся к образу всемирной лаборатории по проверке жизненной силы укладов, пройденных всемирной историей. То, что история человечества прошла поэтапно, на протяжении многих веков, в ЛКА присутствует одновременно. Это и родо-племенной строй, и община, но община не производящая, которая созидает и даёт большой прибавочный продукт и кормит большую социальную пирамиду, а присваивающая. То есть речь идёт о самых примитивных укладах жизни в сельве, в гуще тропической природы. И наряду со стадией грубого присвоения природного продукта гамма укладов доходит до цифровизированной финансовой системы в последних модификациях, до структуры, обеспечивающей включенность в мировое глобализированное транснациональное хозяйство. Иными словами, по нынешнему состоянию социумов Латинской и Карибской Америки, как по учебнику, можно изучать, если хотите, дорогу человечества.

Хосе Васконселос

Давид Альфаро Сикейрос. Мурал «Марш человечества» в Полифоруме им. Сикейроса, Мехико

Идеи Хосе Васконселоса перекликаются с другим символическим образом — маршем человечества в Полифоруме великого муралиста Давида Альфаро Сикейроса (David Alfaro Siqueiros, 1896–1974). Пафос того и другого взаимодополняются по глубинному смыслу.

Но при удивительном доминировании общих черт мы обнаружим в ЛКА ряд существенных расхождений. Если бегло оценить механику процесса *mestizaje* (не в смысле биологическом, а, повторим,

в значении широком), то мы увидим, что в регионе присутствует несколько основных компонентов исторического синтеза. Исходный набор этих компонентов (времен конкисты) в основном один и тот же для разных стран. Но вот комбинация и пропорция их сочетания разные. Это во-первых. Во-вторых, природная среда ставит свою печать.

Возвращаясь к общим детерминантам, скажу: в Латинской Америке присутствует ее особая идентичность. В чем ее принципиальная особенность? Она двойственна: и национальная, и региональная. Отнюдь не во всех регионах мира существует феномен раздвоения идентичности. Каким образом выясняется эта двойственность? Очень простым. Когда вы встречаетесь с латиноамериканцем, логично спросить: откуда вы, кто вы? Ответ, предположим, — перуанец. Но если вы просите уточнить и повторяете свой вопрос, то услышите слово «латиноамериканец». Подобное психологическое восприятие самого себя присутствует в большинстве случаев. Но в то же время — и в этом мы можем убедиться сами, если есть возможность попутешествовать по странам региона, — и по внешнему облику, и по национальному варианту испанского языка местные жители часто демонстрируют контрастные различия.

Итак, можно сказать, что у нас есть примерно один стандартный набор «кирпичей» для возведения монументального здания под названием Латинская и Карибская Америка, но этот один набор «кирпичей» латиноамериканской макрокультуры складывается по-разному, и сами «кирпичи» имеют разный удельный вес.

— *В чем сущность понятия «цивилизационная матрица», которое вы ввели в научный оборот? И какие «цивилизационные матрицы» сложились в Латинской Америке?*

— В начале 2000-х гг. я обратился к возможностям цивилиографии, чтобы проследить, как она проявляет себя на материалах ЛКА. У меня на этот счет есть одна публикация [Давыдов, 2006]. В этой работе я ввел понятия цивилизационной матрицы и цивилизационного ареала. Что имелось в виду? Разобраться в противоречивой композиции латиноамериканских социумов вполне посильно в рамках цивилизационного подхода. Для пояснения ситуации обратимся к Самуэлю Хантингтону [Хантингтон, 2003]. Пытаясь определить цивилизационную принадлежность ЛКА, он зашел в тупик. Впрочем, в науке случаются подобные тупики. Так бывает, когда не хватает каких-то показателей для объяснения действия какого-то механизма, какого-то биологического организма, какого-то социального массива.

Хантингтон задался вопросом: Латинская Америка — это отдельная самобытная цивилизация или дочернее ответвление христианской Европы? Дилемма отдана на суд читателя. Впрочем, и я не берусь выносить окончательный диагноз. Согласен с Хантингтоном в том, что возраст в пять веков

слишком мал для цивилизационной зрелости. Подождем еще результата мутации на пути трансплантации. Перед нами особый, цивилизационный вид *mestizaje*. Хантингтон имеет право не ставить точку над «i».

Но для того чтобы всё-таки внедрить в наше научное поле нечто однозначное, я и ввёл понятие цивилизационной матрицы. Это особая, типическая комбинация факторов цивилизационного вызревания. Понятие цивилизационной матрицы близко термину «архетип», который в ходу у литературоведов. Скажу, что с цивилизационной точки зрения в Латинской Америке существует несколько ключевых архетипов.

Но что важно! Помимо социально-экономических детерминант, присутствуют многообразные этнические детерминанты. Вот мы привыкли говорить «индейцы Латинской Америки». Нет индейцев Латинской Америки! Есть много разных автохтонных этносов и народов. Есть многомиллионные нации, такие как аймара, кечуа, гуарани.

Народ аймара

Кроме того, нельзя забывать и природу. Природная среда играет системообразующую роль. Латинская Америка — огромная часть мировой суши, 15% или 17% в зависимости от учета или неучёта в знаменателе Антарктиды. Вспомним о количестве природных зон, от Рио-Гранде до Огненной земли, учтем разницу в ресурсной обеспеченности, степени климатического благоприятствования. Природа и история — два, скажем так, ключевых обстоятельства.

Цивилизационный архетип складывается в русле истории, истории конкисты. Нет конкисты одномоментной, конкиста реализовывалась пошагово в пространстве и времени. Ушедший от нас замечательный латиноамериканист Андрей Федорович Кофман очень красочно об этом писал и очень доказательно. Его художественная проза служит инструментом (эффективным инструментом!) для познания непридуманной истории. В латиноамериканском обличье она через талант Кофмана раскрывается в двух версиях, через черную и белую легенды.

Итак, первичная матрица складывалась в зоне высоких цивилизаций — там, где утвердились протоимперские государства ацтеков, инков. Исключение из этого «правила» — зона популяции майя, родивших систему городов-государств. Вот так на почве высоких цивилизаций возникает гибридное образование — государственно-общинный строй.

Кофман очень ярко описал ход событий. Образно и документально показал, что кучка конкистадоров, пусть вооруженная мушкетами, пусть на лошадях, не могла долго противостоять массе лучников, которая со временем отходила от эффекта шоковой терапии (если говорить современным языком, то конкиста была своего рода шоковой терапией для местных этносов). Но потом они поняли, что пришельцы не так уж всемогущи. Их десятки против миллионов. И это же поняли конкистадоры, резко изменив свое поведение. Они стали интегрироваться с тем самым протоимперским социумом. Верхушку социальной пирамиды они заменили собственными персонами, усевшись на освобожденные троны, а остальное оставили без особых изменений. Всю пирамиду продолжала кормить индейская община [Кофман, 2017].

— *Владимир Михайлович, в историографии под влиянием «черной легенды», которая распространялась экономическими, политическими и религиозными соперниками Испании, сложилось мнение, что на новых землях творились только зверства и беззакония. В современном латиноамериканском политическом дискурсе эта идея активно эксплуатируется. Но одновременно появляется всё больше научных публикаций, в которых рассказывается о просветительской деятельности миссионеров, о законах испанской империи, охранявших права коренных народов, об образовательных проектах...*

— Было и то и другое. И в литературе, и в преданиях утвердились две легенды: «черная» и «белая». Андрей Кофман на эту тему много писал. Объяснял: всякое было. Были и жуткие преступления против автохтонных народов, но было и просветительство. Вспомним иезуитов, которые «прославились» в «черной» легенде. Но история говорит о том, что они одновременно учили медицине и изготовлению музыкальных инструментов. Спрашивается, почему вдруг у парагвайских индейцев гуарани арфа стала национальным музыкальным инструментом? Католический клир основал несколько университетов в Новом Свете еще в XVI в. Часть из них дожила до нашего времени, получив статус «папских». Мудрость испанской короны проявилась тогда в том, что она объявила запрет на обращение в рабство индейского населения. Индейцы были объявлены подданными короны [Fernández Calzada, 2023: 28].

— *В XVII–XVIII вв. конкиста, исчерпав завоевательные функции, приобретает другие формы, что привело к новым моделям хозяйства. Рождается другая матрица?*

— Да, в Латинской Америке в XVII–XVIII вв. формируется второй архетип социума и хозяйства — плантационное рабовладельческое хозяйство, питавшееся принудительным переселенчеством. Плантационное рабство

образовывало экономические и социальные ядра, мало связанные с окружающей средой социума. На пространстве колонизированной Америки сформировалось анклавное общество, анклавное хозяйство. Квинтэссенция образа жизни в таком хозяйстве — абсентеизм. На месте распоряжаются приказчики-мулаты. Индейцев нет. Негры живут сами по себе. У них разные языки, они из разных этносов и друг друга не понимают. (Заметим, что поэтому поднимать восстание черных масс было очень сложно. Только когда французская революция уничтожила монархическое государство, тогда негры Гаити восстали и всех малочисленных белых перерезали.) Коммуникации между неграми

Висенте Альбан. *Благородная дама со своей темнокожей рабыней.* 1783

ослаблены, они боятся внешней среды. Сельва для них враждебна. Поэтому они не бежали в сельву. А индейцев удержать нельзя было, они в сельве как у себя дома. И пропитание было под рукой, и скрыться они могли, и защититься.

Испанцы внедрили новую модель управления — «энкомьенду», доверительное управление, которое осуществляли креолы, но они не имели прямого доступа к основным средствам производства — собственности на землю. Контролировать, помогать взимать десятину и другие поборы они могли. Но распоряжаться правом частной собственности не могли. Выражаясь современным языком, плантации находились на дистанционном управлении — из Мадрида, Севильи и Кадиса (или из Лондона и Бристолья в английских колониях). Поэтому в Латинской Америке вызревание капиталистических структур было деформировано, заторможено. В Англии крупные собственники использовали экспроприацию мелких земельных собственников для первоначального накопления. А в Латинской Америке этого не было. Были барьеры и в аграрной экономике, и во внешней торговле. Торговая деятельность вообще была ограничена колониальной администрацией.

В то же время земли Нового Света мощно втягиваются в мировой рынок, пусть и опосредованно. Основными товарами мирового рынка становятся колониальные товары. Лавки колониальных товаров появляются в Петербурге, в Нижнем Новгороде, Ярославле. Россия вообще-то к этому не имела прямого отношения, но мировая торговля не оставляла «белых пятен».

— Вы сказали, что природная среда сыграла огромную роль в формировании множества моделей хозяйства, в появлении разных архетипов. Как происходило зарождение и наложение цивилизационных матриц?

— Первая матрица — государственно-общинная — наложилась на платформу высоких доколумбовых культур. Когда начали исчерпываться возможности конкисты с ее ориентацией на добычу драгметаллов на рудниках и приисках, Мексике, Боливии, Перу потребовались другие стимулы и другой природный ресурс.

Позже рождаются новые цивилизационные матрицы, причем на пока не освоенном пространстве, где не было ни серебра, ни золота. Кругом сельва или прерии (степи), которые в то время не представляли непосредственно хозяйственного интереса. Так, Аргентину и Уругвай сначала заселил не пришлый люд, а пришлый скот. На эти территории мигрировали коровы и быки, которые брели из Боливии, где они появились с приходом второй волны конкисты. Потом уже на тучные земли пришли переселенцы — туда, где богатые травы, где земельный ресурс (черноземный) оказался удивительно плодотворным. Кстати, только две зоны в мире обладали такими почвами: это юг России/Украины и аргентино-уругвайская пампа.

Волна свободного переселенчества в бассейне Ла-Платы прокатилась в конце XIX – начале XX в. Принудительное переселенчество XVII–XVIII вв. сменилось свободным переселенчеством XIX–XX вв. И посредством *mestizaje*, вот того самого *mestizaje*, о котором говорил Хосе Васконселос, появились квазиевропейские государства — Аргентина и Уругвай. Частично к этой категории примыкает Чили. Ареал распространения этого *mestizaje* захватывает и Бразилию, штат Риу-Гранди-ду-Сул. Это очень близко не только территориально и географически, но и по стилю жизни, по типу хозяйствования и даже по социокультурным характеристикам. В какой-то мере эта «квазиевропейскость» предстает в широком смысле слова, захватывает быт и нравы. Партийно-политическая структура во многом воспроизводится по стандартам Южной и Восточной Европы.

Новую перспективу развития, новую матрицу нужно увязывать с рывком мирового технологического прогресса — с появлением парового двигателя, ростом морского судоходства, появлением холодильных установок. Тогда появилась возможность массовых поставок на далекие дистанции не только зерна и шерсти, вывозимых из районов пампы, но и продукции скотобоев.

— В странах Латинской и Карибской Америки признается или оспаривается первичное европейское влияние?

— Мы говорили о разных компонентах, о разных «кирпичах» здания, представленного латино-карибским сообществом. Но есть один «кирпич», который находит свое место независимо от желаний индивидуумов, политических партий, каких-то движений, научных школ и т.п. Он остается в фундаменте латиноамериканской общности. Это иберийский компонент культуры в широком смысле. Сюда включаются и язык, и экспансия культуры католицизма с его минусами и с плюсами.

— Когда-то Марио Сангинетти², выдающийся уругвайский политик, говорил мне, что есть три Латинских Америки — индейская Америка, негритянская Америка и европейская Америка.

— Да, она была такая. Но сейчас она в той или иной мере испытала последствия *mestizaje*. Чистого материала на практике нет, он возможен на почве химии, но не в реалиях общественного процесса. Индейцы, будь то

в Эквадоре или в Боливии, стали другими. Они строят свою политическую практику по законам партийной организации. Европейский опыт они усваивают в прямой или косвенной форме. Они давно не строят жизнь по родо-племенному принципу, пусть община и является долгоживущим общественным институтом, что и к нам относится. Но сейчас уже настало время, когда община не

Эхидо в муниципалитете Куаутемок, Мексика

способна адаптироваться к современной жизни. Пример — эхидо³ в Мексике. Там долго берегли эхидо, в том числе на законодательном уровне, а потом (лет 30 назад) поняли, что эхидо имеет и свои минусы в современной практике. В данном случае я не имею в виду апелляцию к «свободе личности». В объяснении сложившейся ситуации я ближе стою к критериям экономической целесообразности и технологического прогресса. Но и они, разумеется, вписываются в соответствующий цивилизационный контекст.

² Хулио Мария Сангинетти (*Julio María Sanguinetti*, р. 1936) — уругвайский политик, юрист и журналист, президент Уругвая (1985–1990; 1995–2000). — *Примеч. ред.*

³ Эхидо (исп. *ejido* от лат. *exitum*) — в Мексике сельскохозяйственная община и принадлежащие этой общине земли. Член эхидо — эхидатарий. — *Примеч. ред.*

— Можно ли говорить сейчас об «индейском ренессансе» или это политический популизм?

— И то и другое. Политического популизма в Латинской Америке хватает. И сейчас на этом играют. Есть пример бывшего президента Боливии Эво Моралеса (Evo Morales, 2006–2019), этнического аймара. Другой пример — президент Мексики Клаудия Шейнбаум (Claudia Sheinbaum, 2024 – наст. вр.), корни предков которой ведут в Литву. Она публично осуждает колонизаторскую конкисту, то, что ее жертвой пали автохтонные народы Мексики. При всем при том важно понимать, что Мексика — величайший образец воспроизводства народной, традиционной культуры, интеграции ее в национальный проект, причем удачный. Индеец интегрирован в пантеон национального проекта той же Морены⁴, если хотите. Предыдущий президент страны Лопес Обрадор по своим корням кантабриец. Его семья эмигрировала из Испании в годы гражданской войны. Так республиканская Испания спроецировалась на мексиканскую почву. Там работало испанское правительство в изгнании. В Мексике испанская эмиграция обрела благодатнейшую среду. Они вошли в науку, они развивали университеты. Мексиканская философия связана с притоком философии испанской в республиканском исполнении. Вот такой *mestizaje* получился плодотворный. Прав Васконселос. Хочешь не хочешь, нравится тебе или не нравится, но история вершит свой *mestizaje*. И в этом *mestizaje* присутствует базовый элемент — иберийский.

Мексиканцы ассимилировали испанскую культуру. С другой стороны, не поддались разрушительной вестернизации (ассимиляции с Севера). В настоящее время мы имеем обратный эффект, сопровождающийся демографическим реваншем. Южные штаты США воспроизводят кухню мексиканскую, мексиканский фольклор. Диаспора рождает в США свою литературу, во многих штатах процветает двуязычие.

Мурал «Латинская Америка»,
созданный коллективом женщин-муралистов
в Сан-Франциско. 1974

⁴ Морена (исп. *Morena*) — правящая политическая партия левого толка в Мексике. Её основатель — бывший президент страны А.М. Лопес Обрадор (Andrés Manuel López Obrador, 2018–2024). — *Примеч. ред.*

— *То есть страны Латинской Америки не поддались глобализации?*

— В наше время глобализация во многом уже свершилась. Мы, правда, можем её релятивизировать. Ее оппонентом в условиях геополитической конфронтации стала регионализация. А если говорить об «индейском ренессансе», то в нынешних условиях он неизбежен. Хотя бы по одной причине — по демографической. Ведь раньше долго шло уменьшение численности индейского населения. Так фактически было в XIX и в начале XX в. А ныне происходит увеличение индейского компонента. Произошла демографическая инверсия. В силу большей доступности медицинских препаратов по противодействию массовым заболеваниям, повышения санитарной культуры, снижения детской смертности, доступа к образованию автохтонные этносы воспроизводят себя в расширенном масштабе. И в связи с этим политика в странах ЛКА, особенно в индейском поясе, приобретает новое измерение. Появились ассоциации, движения, политические партии с индихенистским уклоном (от исп. *indígena*). То есть автохтонным. Мы уже видим такие проявления в целом ряде стран. Это идет через спады и, наоборот, подъемы — локальные ренессансы. Все это объективный процесс. Если сейчас в Европе и в США испытывают воздействие иноцивилизационной миграции, то в ЛКА иммиграция собственная, «родная», иммиграция изнутри. Её не нужно привносить. Она имеет местные корни, она просто меняет темпы и пропорции демографического воспроизводства.

— *Естественно, новые массы идут и в политику.*

— Причем мощно. Политика отражает тот демократический транзит, который случился в Латинской Америке в конце прошлого века. Об этом писали многие наши политологи. «Индейский ренессанс» — один из основных результатов. Коренные народы получили права и их реализуют. Но вот в Чили с новой чилийской конституцией произошел явный сбой. Не настолько уже демократическим оказался профиль сложившегося общества, как предполагалось. Обыватель стал чесать в затылке: и что же мы теперь будем, как мапуче, что ли? Нет, мы не хотим, чтобы мапуче здесь командовали. Такова была расхожая реакция. И таким образом потерпел поражение прогрессистский проект президента Чили Борича (Gabriel Boric, 2022 – наст. вр.).

— *Сейчас мы говорим, что дихотомия левые — правые не годится для объяснения нынешней действительности. Что означает этот тезис?*

— Это означает, что мы проигнорировали мощный промежуточный поток — прогрессистский. Он частично «съел» левых, частично правых. Образовалась новая взрывчатая смесь. Вот она, в частности, сейчас проявилась

в раздоре, который произошел между республиканцами и демократами в США. Это одно из проявлений. С другой стороны, не зря в ЛКА сейчас говорят, что левые, в общем-то, не совсем левые, а правые не совсем правые. Потому что левые остались левыми, а правые остались *правыми*. Только у них внутренняя дисперсия произошла. Налицо огромный диапазон разновидностей: то есть нельзя левых мазать одной красной краской, а правых — одной черно-коричневой краской.

Посмотрим внимательно на две волны левого поворота, которые мы с А. Агаповой описали в статье журнале «Iberoamérica» [Davydov, Agárova, 2024]. Первая волна была более однородная и более понятная. А вот вторая волна, которая ассоциируется с победой Лулы, принесла не только воодушевление, но и разочарование для правоверных левых, для правоверных коммунистов. И мы, Россия, наша история, наши повороты стали для левой традиционной политической культуры Латинской Америки камнем преткновения и яблоком раздора.

И мне жалко моих латиноамериканских товарищей, которые разочарованы, не имеют четких ориентиров в этой современной политической жизни. Но в то же время они находятся в той стадии, когда обретают собственное лицо, начинают реализовывать собственные проекты. Это нашло отражение в мексиканском варианте. Реализовался мощный прорыв партии Морена. Она вышла на авансцену, после семи десятилетий господства Институциональной революционной партии. Восхождение Морены — редкий феномен.

— *Важна ли самоидентификация для латиноамериканского общества? Важно ли «латиноамериканскому человеку» чувствовать себя именно латиноамериканцем?*

— Если мы будем искать один диагноз, мы ошибемся. Но мне кажется, что самоидентификация важна. Потому что все-таки общность продолжает доминировать. И такой общности нет ни в одном регионе мира. Единственное, это арабы могут как-то соперничать с испаноязычной и португальскоязычной Америкой с точки зрения наличия каких-то объединительных мотивов. Но там цивилизационная преемственность сохранялась, там она окончательно не была нарушена. В Латинской Америке она была нарушена и появилось *mestizaje* в широком смысле слова. В то же время *mestizaje* по-разному реализуется. Нельзя Латинскую Америку одной краской мазать. Нельзя говорить: латиноамериканская идентичность есть. Она в разных пропорциях присутствует. Сейчас налицо благоприятствующие обстоятельства для общности. Впервые на политической сцене сошлись в своей ориентации Мексика и Бразилия. До сих пор они были на разных

полюсах. Либо правая Мексика, а Бразилия левая. И наоборот. Но сейчас и взаимопонимание, и чувство солидарности появляется. Они чувствуют, что могут играть определяющую роль на авансцене ЛКА.

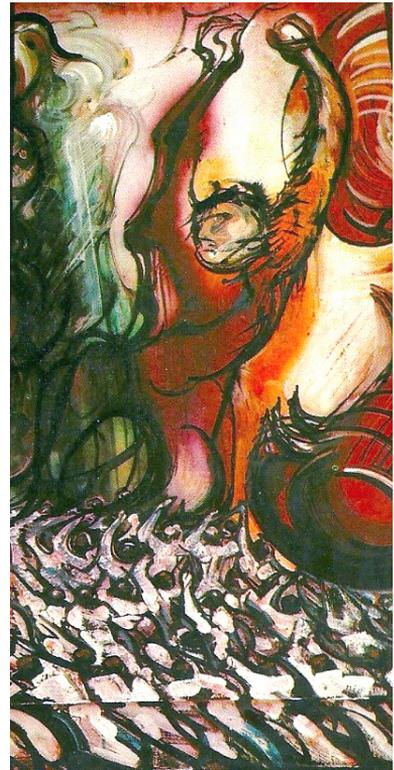
— *И в мировых делах тоже?*

— Это уже следующий шаг. Они пытаются. В годы правления администрации Байдена они получали «щелчки по носу». Когда они предлагали свои миротворческие проекты и реагировали как-то не так, как хотели в Вашингтоне. Сейчас они хотят реализовать свой большой заряд пацифистской энергии. Это отличительная черта. Самый мирный регион на самом деле в XXI веке.

— *Интересно, после всех военных диктатур теперь это самый мирный регион...*

— Да. Потому что мы говорим о чем? О межгосударственных конфликтах. Сколько погибших было в межгосударственных конфликтах? 30 тысяч в Латинской Америке за столетие. За это же столетие десятки миллионов погибли в Европе, в Африке, в Азии. Чилийско-аргентинский территориальный конфликт был в конечном счете урегулирован, позднее перуанско-эквадорский. Но на региональном пространстве еще остались, конечно, раздражители для некоторых стран.

В то же время Латинская Америка может гордиться Договором Тлателолко (1967–1968 гг.) — первым в мире договором о безъядерных зонах. Другой пример — договор о режиме Южной Атлантики 1980-х гг.⁵, который стал серьезным препятствием для интересов НАТО в южной проекции. Договор также стал серьезным аргументом для Аргентины в защите прав на Фолклендский (Мальвинский) архипелаг. Напомним и о роли Бразилии в БРИКС. Еще в 2003 г. она вместе с Индией и ЮАР создала IBSA. Трехстороннее объединение среди первых мероприятий избрало периодические

Давид Альфаро Сикейрос.
Фрагмент мурала
«Марш человечества»

⁵ Решение о создании зоны мира и сотрудничества в Южной Атлантике (англ. *South Atlantic Peace and Cooperation Zone*) было принято по инициативе Бразилии посредством одобрения резолюции ГА ООН в 1986 г. Членами данной инициативы являются 24 государства Южной Атлантики. — *Примеч. ред.*

совместные военно-морские маневры. Тогда члены IBSA начали стучаться в двери Кремля, рассчитывая на присоединение Москвы. Там, правда, не стали тогда спешить, хотя была уже на «столе» примаковская идея треугольника Китай — Индия — Россия. Но все же Бразилия времен первого мандата Лулы заслуживает титул одного из инициаторов рождения БРИКС. Лула да Силва оказался прозорливым в своем стратегическом мышлении.

— *А на сегодняшний день, в условиях прихода к власти в США новой администрации, насколько существенно поменялась внешняя среда для стран Латинской Америки?*

— Обращаясь к современности, включая феномен трампизма и его воздействие на глобальный контекст, в котором реализуется современное развитие ЛКА, уместно вспомнить трактовки Фукуямы [Fukuyama, 2022]. По его убеждению, грубые просчеты вашингтонских властей при доминировании либерал-глобалистских тенденций проистекали от игнорирования растущего разнообразия американского социума, которое «либерал-глобалисты» хотели настроить на свой лад, подстричь под свою гребенку. Глубинная Америка, продолжавшая разделять консервативные ценности, приняла сторону Д. Трампа (Donald Trump, 2017–2021, 2025 – наст. вр.) и его команды. Причем приняла электорально убедительно. Хотелось бы верить, что это поможет восстановить здравый смысл и в США, и на мировой арене. А в ЛКА мы обязаны, учитывая преобладание доминант региональной общности, отдавать себе отчет в способности исходных цивилизационных матриц существенно корректировать коридор развития, очерченный общерегиональными детерминантами в обновленном русле с учетом своих реалий, заданных соответствующей цивилизационной матрицей.

Стремление к унификации столкнулось с очень сильными препятствиями, которые коренятся в социальной психологии, в религиозном сознании и так далее и тому подобное. Надо отдавать себе отчет в том, что в каждом случае речь все же идет о сложившейся нации.

— *Владимир Михайлович, я думаю, что всем читателям интересно ваше мнение, сможет ли Латинская Америка сопротивляться давлению новой администрации США, подчинится ли? Сможет ли ответить на грубые вызовы или ответы будут на уровне простой риторики?*

— Полагаю, что речь идет о серьезных раздражителях для общественного сознания латиноамериканцев. Очень серьезных. Я надеюсь, что это издержки начального этапа. Перевод взаимоотношений в дипломатическое русло умерит пыл Вашингтона. Страны ЛКА уже слишком далеко зашли по пути перехода от роли объекта международных отношений к роли субъекта. Потуги гегемонии рано или поздно провоцируют действия

контргегемонии. Но истина, конечно, конкретна. Реакция в странах ЛКА не будет однозначной. Если Вашингтон будет усердствовать в навязывании латиноамериканцам своей дисциплины, то может проиграть в долгосрочном плане, имея в виду шансы геоэкономической и геополитической переориентации, шансы мобилизации резервов сотрудничества на региональной и субрегиональной основе.

С другой стороны, нужно быть реалистом. Страны ЛКА объективно заинтересованы в сохранении доступа на рынок США, рынок высокой платежеспособности [Давыдов, Кодзоев, 2025]. Разумеется, будет сказываться политическая ориентация власти в каждом конкретном случае. Отсюда в конечном счете будет определяться равнодействующее позиционирование. И не забывайте: политика — искусство возможного.

Одна из серьезных тенденций в Латинской Америке (будь то левая, будь то правая сторона) — это прагматизм. Они ищут наиболее приемлемый для себя вариант. Они хотят сохранить доступ на самый платёжеспособный рынок мира. А поэтому у них в приоритете договоры о свободной торговле. Одни завязаны на США, другие на ЕС. Ну и правильно поступают. Они, в общем-то, для своей экономики резервируют дополнительные ресурсы. Мы не можем походя осуждать кого-то, скептически говорить о латиноамериканской политике. Мы как партнеры должны учитывать это и в свою очередь становиться прагматиками в наших отношениях со странами из ЛКА, не отступая от здравого смысла, ценностей гуманизма и исторической солидарности.

Список литературы / References

Давыдов В.М. (2006) *Цивилиография и цивилизационная идентификация Латинско-Карибской Америки*, Москва, ИЛА РАН, 52 с.

Davydov V.M. (2006) *Tsivilioografiya i tsivilizatsionnaya identifikatsiya Latino-Karibskoi Ameriki* [Civiliography and Civilizational Identification of Latin Caribbean America], Moscow, ILA RAN, 52 p. (In Russian)

Давыдов В.М., Кодзоев М.А. (2025) Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 69, № 1, с. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52>

Davydov V.M., Kodzoev M.A. (2025) *Latinskaya Amerika v usloviyakh menyayushchegosya miroporoyadka* [Latin America in the Context of a Changing World Order], *World Economy and International Relations*, vol. 69, no. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52> (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург, Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenitykh konkistadorov* [Under the Patronage of Santiago. The Spanish Conquest of America and the Fate of the Famous Conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Хантингтон С. (2003) *Столкновение цивилизаций*, Москва, АСТ, 603 с.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations], Moscow, AST, 603 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023а) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Иberoамериканские тетради*, № 1, с. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67>

Shemyakin Ya.G. (2023a) «Velikie geograficheskie otkrytiya»: smysl i istoricheskoe sodержanie termina v svete opyta vzaimodeistviya tsivilizatsii v Novom Svete [«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67> (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023b) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения, *Иberoамериканские тетради*, № 4, с. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61>

Shemyakin Ya.G. (2023b) O formakh organizatsii lingvisticheskoi real'nosti tsivilizatsionnogo «pogranich'ya»: Latinskaya Amerika, Iberiiskaya Evropa i Rossiya v kontekste sravneniya [On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared], *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61> (In Russian)

Davydov V.M., Agápoва A.E. (2024) Dos oleadas de izquierda. Rasgos generales y específicos [Two Leftist Waves. General and Particular Features], *Iberoamérica*, no. 1, pp. 49–70. DOI: [10.37656/s20768400-2024-1-03](https://doi.org/10.37656/s20768400-2024-1-03) (In Spanish)

Fernández Calzada M. (2023) ¿OCCIDENTE? ¿QUÉ OCCIDENTE? Reflexiones sobre Occidente desde la idea de la Hispanidad [THE WEST? WHICH WEST? Reflections About the West From the Perspective of Hispanidad], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 15–35. DOI: [10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35](https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-15-35) (In Spanish)

Fukuyama F. (2022) *El liberalismo y sus desencantados. Cómo defender y salvaguardar nuestras democracias* [Liberalism and its disenchanted. How to defend and safeguard our democracies], Barcelona, Deusto, 176 p. (In Spanish)

Vasconcelos J. (1948) *La raza cósmica. Misión de la raza Iberoamericana* [The Cosmic Race. Mission of the Iberoamerican race], Mexico-Buenos Aires-Madrid, Espasa-Calpe Mexicana S.A., 210 p. (In Spanish)

Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа

© Шемякин Я.Г., 2025

Яков Георгиевич Шемякин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Аннотация. А.Ф. Кофман — выдающийся представитель российской гуманитарной мысли, творческая личность синкретического типа, совмещающая в себе ипостаси ученого и художника (в самом широком смысле этого слова). В своей научной деятельности владел двумя основными используемыми человеком интеллектуальными стратегиями: «правополушарной», нацеленной на познание объекта исследования как целостности, и «левополушарной», предполагающей аналитическое «расчленение» данного объекта, успешно применяя их как по отдельности, так и в органическом сочетании. На примере творчества А.Ф. Кофмана, опираясь на концепцию М.М. Бахтина, можно изучать специфику гуманитарного знания как такового. Значение трудов ученого выходит далеко за рамки того предмета исследования, которым он занимался

непосредственно и который изучил досконально, а именно — латиноамериканской литературы. Наиболее значимые произведения Кофмана являют собой глубокое исследование специфики Латинской Америки как цивилизации «пограничного» типа, которая характеризуется специфическим сочетанием структурообразующих начал единства и многообразия: доминантой многообразия, обусловленной, в свою очередь, «включающим» дискурсом, при парадоксальном сохранении единства *sui generis*, проявившегося в особом типе социокультурной системности, качественно отличном от классических образцов. Труды А.Ф. Кофмана могут служить развернутым на тысячи страниц подтверждением тезиса о том, что именно «включающий» дискурс определил главные черты латиноамериканской цивилизации, в первую очередь характер идентификационной сферы и специфику процессов формообразования.

Ключевые слова: творческая личность синкретического типа, «правополушарная» интеллектуальная стратегия, «левополушарная» интеллектуальная стратегия, диалогическая основа социальности, «другой», «включающий» дискурс, «исключающий» дискурс, цивилизационное «пограничье»

Для цитирования: Шемякин Я.Г. (2025) Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Andrey Kofman: una personalidad creativa de tipo sincrético

© Shemyakin Ya.G., 2025

Yákov G. Shemyakin, Doctor en Historia, Investigador Jefe del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Resumen. Andrey Kofman, destacado representante del pensamiento humanitario ruso, es una personalidad creativa de tipo sincrético, que combina las hipóstasis de un «científico» y un «artista» en el sentido más amplio de la palabra. Dominaba dos principales estrategias intelectuales: la «de hemisferio derecho», encaminada a comprender el objeto de investigación como una integridad, y la «de hemisferio izquierdo», que implica el «desmembramiento» analítico de este objeto. Andrey Kofman las aplicaba con éxito tanto por separado como en combinación orgánica. La obra de A.F. Kofman, examinada desde el prisma del concepto de M.M. Bakhtín, puede servir para estudiar las particularidades de las humanidades en general. El impacto de sus investigaciones va mucho más allá de la literatura latinoamericana, un tema en que trabajó y que estudió a fondo. Las obras más importantes de Kofman exploran la idiosincrasia de América Latina como una civilización «de frontera», que combina la unidad y la diversidad. Es decir, se caracteriza por una diversidad dominante que se atribuye, a su vez, al discurso inclusivo. No obstante, mantiene paradójicamente su unidad sui géneris, que se manifiesta en un carácter sistémico único de su realidad sociocultural, muy diferente a otros tipos de civilizaciones. La obra de A.F. Kofman corrobora en miles de páginas que fue el discurso inclusivo el que definió los rasgos principales de la civilización latinoamericana, sobre todo el carácter de su identificación y las particularidades de su formación.

Palabras clave: personalidad creativa de tipo sincrético, estrategia intelectual «de hemisferio derecho», estrategia intelectual «de hemisferio izquierdo», base dialógica de la socialidad, «el Otro», discurso inclusivo, discurso exclusivo, civilización «de frontera»

Para citar: Shemyakin Ya.G. (2025) Andrey Kofman: una personalidad creativa de tipo sincrético, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Andrey Kofman: A Creative Personality of the Syncretic Type

© Shemyakin Ya.G., 2025

Yakov G. Shemyakin, Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences.

115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Abstract. Andrey Kofman, a prominent Russian researcher in the field of humanities, can be described as a creative personality of the syncretic type, as he was both a researcher and an artist, in the broad sense of the word. A.F. Kofman used two fundamental intellectual strategies in his research, successfully applying them separately and in combination. He mastered the right hemisphere strategy, which seeks to study the object of the investigation as a whole, and the left hemisphere strategy, which implies «splitting» the object for analytical purposes. A.F. Kofman's work can be used to study the particulars of the humanities in general, especially through the lens of M.M. Bakhtin's concept. The importance of Kofman's work goes far beyond the study of Latin American literature that he researched and explored in depth. Kofman's most significant work centers around Latin America as a «frontier» civilization, which is a peculiar amalgam of unity and diversity. Diversity, which stems from inclusive discourse, is dominant, yet unity *sui generis* prevails, making this type of civilization uniquely systemic from a socio-cultural point of view and different from other types. Andrey Kofman's work confirms the idea that inclusive discourse defined the key features of the Latin American civilization, especially influencing how it took shape and what it identified with.

Key words: creative personality of the syncretic type, right hemisphere intellectual strategy, left hemisphere intellectual strategy, dialogical basis of sociality, «the Other», inclusive discourse, exclusive discourse, civilizational «frontier»

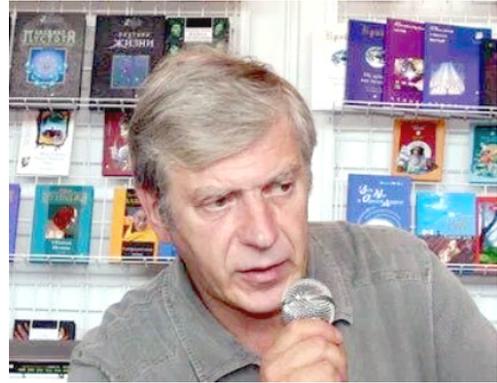
For citation: Shemyakin Ya.G. (2025) Andrey Kofman: A Creative Personality of the Syncretic Type, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Начиная работу над этой статьей, посвященной памяти Андрея Федоровича Кофмана, я задумался над вопросом: как можно охарактеризовать эту поистине масштабную творческую индивидуальность в двух словах? И пришел к выводу, что словесная формула, адекватная этому масштабу, — «творческая личность синкретического типа».

Понятие синкретического типа творческой личности появилось в научном дискурсе в ходе и в результате работы над самым масштабным проектом творческого коллектива ИМЛИ во главе с выдающимся ученым В.Б. Земсковым — «Историей литератур Латинской Америки», а конкретно говоря, — над вторым и третьим (главным образом) томами этого труда, в подготовке которых большую роль сыграл А.Ф. Кофман, который написал значительную часть третьего тома. Только личность данного типа могла найти решения для всего комплекса задач, связанных с процессом становления в Латинской Америке новой цивилизации, что было бы невозможно без максимальной мобилизации всех интеллектуальных и духовных сил. Синкретический тип творческой личности совмещал в одном лице мыслителя, литератора, общественного деятеля (что оказалось типично для Латинской Америки), во многих случаях — ученого. Здесь можно проследить линию исторической преемственности, которая протягивается от деятелей латиноамериканского Просвещения XVIII в. к мыслителям и общественным деятелям XIX–XX вв. самых различных направлений, начиная с С. Боливара (Simón Bolívar, 1783–1830), А. Бельо (Andrés Bello, 1781–1865), Д.Ф. Сармьенто (Domingo Faustino Sarmiento, 1811–1888) и далее — к Х. Марти (José Martí, 1853–1895), Х.Э. Родо (José Enrique Rodó, 1871–1917), А. Рейесу (Alfonso Reyes Ochoa, 1889–1959), Х. Васконселосу (José Vasconcelos, 1882–1959), Х.К. Мариатеги (José Carlos Mariátegui, 1894–1930), В.Р. Айя де ла Торре (Víctor Raúl Haya de la Torre, 1895–1979), Р. Гальегосу (Rómulo Gallegos, 1884–1969), О. Пазу (Octavio Paz, 1914–1998), Г. Гарсиа Маркесу (Gabriel García Márquez, 1927–2014), М. Варгасу Льюсе (Mario Vargas Llosa, р. 1936), Ж. Амаду (Jorge Amado, 1912–2001), П. Неруде (Pablo Neruda, 1914–1973), Э. Карденалу (Ernesto Cardenal, 1925–2020), Ж. Сарнею (José Sarney, р. 1930). И многим, многим другим — список, безусловно, неполон, к нему можно добавить еще много имен.

Одни из этих представителей латиноамериканской истории и культуры были в большей мере политиками, другие — литераторами и философами, но само синкретическое соединение различных функций и творческих

А.Ф. Кофман

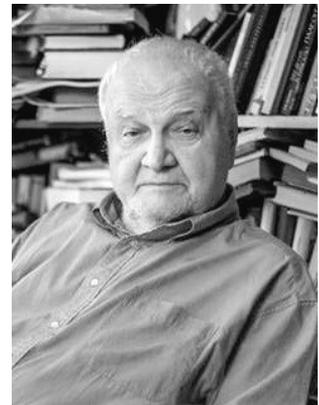
ипостасей в рамках одной личности характерно для всех них и является отличительной чертой латиноамериканской цивилизационной общности по сей день [Шемякин, 2001: 178–179].

В ходе сравнительного цивилизационного исследования выяснилось, что здесь обнаруживаются прямые параллели с Россией/Евразией, обусловленные принадлежностью к одному и тому же, «пограничному» цивилизационному типу.

Две главные интеллектуальные стратегии в процессе освоения и познания мира

Условием возникновения синкретического типа личности являлось сочетание двух разных стратегий, которые, по словам Вяч. Вс. Иванова (1929–2017), «каждый человек использует при решении основных интеллектуальных задач. Одна из них связана с использованием логически определяемых абстрактных, правильных грамматических и логических конструкций, натурального ряда чисел, отдельных деталей воспринимаемых предметов и построения их чертежных схем; у большинства нормальных людей она связана с левым полушарием головного мозга и оттого для краткости может называться “левополушарная”» [Иванов, 2009: 141]. Она является по своему характеру «абстрактно-словесной», типичными примерами ее реализации «могут служить тексты отвлеченного или научного характера» [Иванов, 2009: 143]. Напротив, «правополушарная» стратегия ориентируется «на целостные образы», а не на последовательность «дискретных символов» [Иванов, 2009: 149]. Подобные образы дают «охват целостной картины мира, а не логические схемы, включающие лишь отдельные детали» [Иванов, 2009: 149].

Ориентация на познание мира через создание целостных образов является доминантой в таких проявлениях человеческого духа, как художественное творчество во всех видах, в очень значительной мере — религия и философия.

Вяч. Вс. Иванов

Ученый, писатель, художник. «Не точность познания, а глубина проникновения...»

В принципе обеим познавательным стратегиям соответствуют различные «идеальные типы» творческой индивидуальности: «левополушарной» — тип ученого, «правополушарной» — тип художника (в самом широком смысле), человека искусства. Синкретический тип творческой личности совмещает ипостаси ученого и художника в одном лице. Именно такое сочетание определяет творческий облик А.Ф. Кофмана. Анализ его текстов

убедительно свидетельствует о том, что он прекрасно умел как сочетать обе стратегии, так и использовать каждую из них по отдельности — в зависимости от характера исследовательской задачи.

А.Ф. Кофман. *Поклонение волхвов*. 2009

Впрочем, применяя одну из стратегий, Андрей никогда не замыкался в ее рамках. В преимущественно «левополушарных» текстах отчетливо видно стремление познать объект изучения через посредство целостных образов, в текстах с «правополушарной» доминантой столь же ясно прослеживаются элементы научного анализа. На мой взгляд, наиболее яркие примеры блестящего научного анализа (но с включением элементов «правополушарной» стратегии) — книга 1997 г. «Латиноамериканский художественный образ мира» [Кофман, 1997] и недавно увидевшая свет в «Ибероамериканских тетрадах» статья, которой Андрей Федорович, со свойственным ему остроумием, дал очень своеобразное название: «“Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...” Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира» [Кофман, 2023].

«Правополушарная» ипостась творческой личности А.Ф. Кофмана нашла свое отражение в принадлежащих его перу художественных текстах. Кофман — прекрасный писатель и замечательный стилист. На меня лично наибольшее впечатление произвела его книга «Тьерра аделанте». К текстам с «правополушарной» доминантой, помимо его художественных произведений, относится весь цикл его книг о конкистадорах [Кофман, 2007а; Кофман, 2007b; Кофман, 2009; Кофман, 2012; Кофман, 2017].

А.Ф. Кофман.
Тьерра аделанте. 2003

Столь органичное сочетание обеих главных интеллектуальных стратегий, как и доведенное почти до совершенства владение каждой из них, были бы невозможны без четкого понимания специфики гуманитарного дискурса. Думаю, по работам Кофмана можно изучать эту специфику. По моему убеждению, ее суть наиболее четко и ясно сформулировал М.М. Бахтин. Согласно Бахтину, в гуманитарном знании «критерий не точность познания» (в смысле естественно-научном), а «глубина проникновения» [Бахтин, 1997: 7]. Однако здесь есть свой критерий точности — «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое» [Бахтин, 1986: 392]. Именно такое преодоление является мерилем «глубины проникновения». И обусловлено подобное понимание точности тем, как трактуется Бахтиным метафора глубины. Последняя понимается как основа, на которой происходит создание человеком его собственного, человеческого мира. И эта основа — не что иное, как диалогическое общение. С точки зрения бахтинской диалогистики все виды человеческой деятельности во всех сферах предстают как разновидности диалога человека с самим собой, с другими людьми, с собственным прошлым и т.п. Цивилизация в этом ракурсе может быть интерпретирована как форма диалога с иными культурами, со своим природным и социальным окружением, с собственной традицией.

Необходимая «глубина проникновения», в свою очередь, может быть достигнута, если будет обеспечена максимальная полнота охвата изучаемого материала. Если оценивать труды Кофмана с точки зрения бахтинских критериев, то есть все основания утверждать, что и «глубина проникновения» в объект исследования (т.е. в латиноамериканскую культуру), и полнота его охвата близки к максимально возможным.

Цивилизация как текст и как дискурс

После «лингвистического поворота» в философии и историографии второй половины XX в. стало очевидно, что с семиотической точки зрения цивилизация может быть рассмотрена как текст. В развитие этой линии интерпретации позволим себе добавить следующие соображения. В когнитивном горизонте семиотики цивилизация, воспринимаемая как диалог, предстает в двух ипостасях: как текст и как дискурс. Цивилизация как текст — это сложная система взаимосвязи определенных ценностей, принципов и установок поведения. Цивилизация как дискурс — это она же как текст во взаимодействии с внетекстовой (экстралингвистической) реальностью. Цивилизация как дискурс — это единство основополагающих для нее ценностей, принципов и установок и форм и способов их реализации во всех видах социальной практики во всех сферах человеческой жизни. Культурно-исторический облик цивилизации определяется тем, какие из них приняты в качестве духовной основы и тем, каким образом они реализуются в действительности.

Цивилизация как диалог в своей текстуальной ипостаси предстает как смыслоструктура, центральная ось которой — принцип отношения к «Другому», то есть иному участнику диалогического общения, утверждаемый как основополагающая ценностная ориентация поведения. Именно отношение к «Другому» определяет структуру диалогической основы социальности того или иного человеческого мира.

Обобщение опыта мировой истории позволяет выделить два противоположных по своему характеру подхода к проблеме «Другого», воплощенных в двух принципиально отличающихся друг от друга видах дискурса: «исключающем» и «включающем». Суть первого заключается в следующем.

«Другой» признается как необходимое условие осуществления процесса самоидентификации, но при этом рассматривается осуществляющим этот процесс социокультурным субъектом как нечто абсолютно ему чуждое, стоящее на неизмеримо более низкой ступени в иерархии бытия, он не допускается в собственное жизненное пространство данного субъекта.

«Включающий» дискурс основан на противоположном подходе: «Другой» включается в собственное жизненное пространство в качестве его неотъемлемой составляющей (причем вне зависимости от отношения к нему), воспринимается как естественная данность, неотделимая от этого пространства.

Следует особо отметить, что в обоих случаях речь идет о преобладающих тенденциях, которые сформировались исторически, пробивали и пробивают себе дорогу в борьбе с контртенденциями. Любая конкретная цивилизация, рассматриваемая как дискурс, предстает как противоречивое, конфликтное единство тенденций «включения» и «исключения» «Другого». Преобладание той или иной из них определяет способ формирования диалогической основы социальности и, тем самым, тип цивилизации.

«Включающий» дискурс цивилизационного «пограничья»

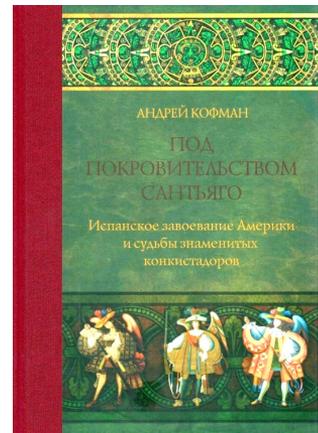
Доминанта начала многообразия (при парадоксальном сохранении единства *sui generis*), определяющая структурная характеристика цивилизаций «пограничного» типа, в свою очередь, обусловлена способом формирования диалогической основы социальности на основе «включающего» дискурса, который пробивал (и пробивает) себе дорогу через преодоление логики исключения. В недавно увидевших свет работах мы обозначили основные стадии становления «включающего» дискурса в Латинской Америке [Шемякин, 2023а: 48–60].

Работы А.Ф. Кофмана, особенно труды последних лет, позволяют наглядно увидеть, как происходило это становление — от постепенного утверждения логики «включения», начиная с буллы папы Александра VI 1493 года (в которой признавалось, что жители только что открытого континента — настоящие люди, способные воспринять христианское

благовестие, поэтому целью и оправданием конкисты становилась христианизация, т.е. включение индейцев в христианскую ойкумену), продолжая процессом трансформации сознания конкистадоров в ходе взаимодействия с индейским миром и заканчивая многочисленными примерами, характеризующими особенности сознания героев латиноамериканской литературы. Чтобы не быть голословным, приведу в качестве наиболее ярких, на мой взгляд, иллюстраций, несколько развернутых цитат из наиболее значимой, по-моему, книги Кофмана последних лет [Кофман, 2017] и из самой содержательной из появившихся в этот же период его статей [Кофман, 2023]. Как мне уже приходилось писать, пожалуй, самое убедительное доказательство преобладания в Латинской Америке «включающего» дискурса — тот факт, что основу ее цивилизационной идентичности определил процесс метисации, и в рамках этого процесса, особенно на первых этапах, особое значение приобрела специфическая разновидность диалогического общения — общение невербальное. По-видимому, слова, особенно первоначально, играли меньшую роль, чем «язык тела». А.Ф. Кофман совершенно справедливо отмечал в этой связи, что «эротическая конкиста» отнюдь не сводилась к грубому насилию. Достаточно вспомнить только один из приведенных Кофманом примеров, касающийся завоевателя Мексики Э. Кортеса, у которого было 5(!) детей-метисов [Шемякин, 2021: 121].

«Разговор о метисном потомстве Кортеса имеет полное право фигурировать под рубрикой “созидательная деятельность” — так созидалась будущая метисная мексиканская нация, и Кортес, можно сказать, личным примером стимулировал этот процесс. Важен, впрочем, не столько сам факт смешения кровей — куда важнее отношение нашего героя к своим внебрачным детям и индейским “женам”... Кортес не только их признает, но и демонстрирует отеческое к ним отношение... Когда Кортес, а вслед за ним другие испанцы признавали метиса своим ребенком, они совершали, по сути, глубоко символический культурный акт, означавший, с одной стороны, признание собственной принадлежности Новому Свету, а с другой — признание человеческой полноценности индейцев. То был первый шаг на пути сотворения будущей латиноамериканской культуры» [Кофман, 2017: 208].

Констатируя, что тексты конкистадоров переполнены сравнениями реалий Нового Света с реалиями Испании, Кофман особо подчеркивает: «Поразительно то, что среди нескольких десятков зафиксированных сравнений подобного типа нет ни одного, в котором американская реалья

А.Ф. Кофман.
*Под покровительством
Сантьяго. Испанское
завоевание Америки
и судьбы знаменитых
конкистадоров. 2017*

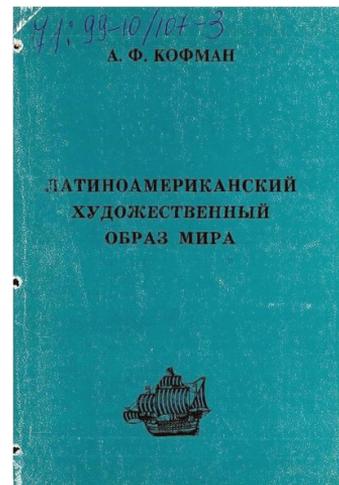
ставилась бы ниже испанской. Формула “испанское лучше” как бы начисто отсутствует в сознании конкистадоров; все оценочные сравнения “работают” исключительно на американскую реальность» [Кофман, 2023: 36].

Кофман выделяет три основных варианта таких сравнений, которые выражают формулы: «не хуже, чем в Испании»; «лучше (больше), чем в Испании»; «в Испании нет ничего равного». Причем сопоставления последнего, третьего типа «встречаются даже чаще, чем отмеченные ранее варианты» [Кофман, 2023: 36]. Перед нами впечатляющая картина формирования социально-психологических предпосылок «включающего» дискурса.

«Обратная» стратегия

Приведенные Кофманом и выделенные нами оценки — лишь немногие в ряду многочисленных примеров того феномена, который рассматривается Андреем Федоровичем в упомянутой статье. А именно — «обратной» стратегии выстраивания национальной картины мира. Выделение и анализ этой стратегии (наряду с «прямой», преследующей ту же цель), на мой взгляд, являют собой новый шаг в разработке темы цивилизационной идентичности Латинской Америки. Новый, после появления книги «Латиноамериканский художественный образ мира», где эта тема исследована очень глубоко и подробно. Содержание данной книги значительно шире названия: это одна из лучших работ, посвященных изучению цивилизационного кода Латинской Америки. Поэтому позволю себе остановиться на анализе упомянутой концепции несколько подробнее.

В отличие от «прямой» («когда автор непосредственно, то есть “без посредников”, обращается к национальной действительности, осмысляет ее...» [Кофман, 2023: 19]), особенность «обратной» стратегии «состоит в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли. Главное в этой стратегии — неперемное присутствие в сознании автора различных картин мира, своей и чужих; нередко выходит так, что свою культуру автор исследует и оценивает глазами иностранца, внедряя в повествование соответствующего героя. Лапидарным выражением этой стратегии является русская поговорка “что русскому здорово, то немцу смерть”» [Кофман, 2023: 19–20].

А.Ф. Кофман.
Латиноамериканский
художественный образ мира.
1997

По оценке Кофмана, неоспорим факт «очень основательного и очень широкого и многообразного присутствия» «обратной» стратегии «при выстраивании картины мира» [Кофман, 2023: 20] латиноамериканскими писателями и мыслителями. Этот тезис подтверждается обращением к богатому и разнообразному конкретному литературному материалу. Автор доказывает обоснованность своих суждений, анализируя творчество А. Карпентьера (Alejo Carpentier, 1904–1980), К. Фуэнтеса (Carlos Fuentes, 1928–2012), М. Отеро Сильвы (Miguel Otero Silva, 1908–1985), Р. Гуиральдеса (Ricardo Güiraldes, 1886–1927), Г. Гарсиа Маркеса, Т. Карраскильи (Tomás Carrasquilla, 1858–1940), М. Анхеля Астуриаса (Miguel Ángel Asturias, 1899–1974), Ф. Аинсы (Fernando Aínsa, 1937–2019), Б. Линча (Benito Lynch, 1880–1951), Р. Гальегоса, Х. Эустасио Риверы (José Eustasio Rivera, 1888–1928). Обратная стратегия подразумевает взгляд латиноамериканского писателя «на сторону» либо взгляд на латиноамериканскую действительность глазами постороннего. Причем «такая оптика, как в первом, так и во втором варианте, переполняет латиноамериканскую литературу» [Кофман, 2023: 21], а «взгляд на сторону» отчетливо проявляется в той константе латиноамериканской литературы, которую еще в книге 1997 г. [Кофман, 1997: 27–31] Андрей Федорович охарактеризовал как «инаковость», то есть глубокая убежденность в том, что «латиноамериканский мир коренным образом отличен от европейского и североамериканского» [Кофман, 2023: 21]. Особенно ярким свидетельством того, насколько латиноамериканское сознание предрасположено именно к обратной стратегии идентификации, является, по мнению Кофмана, «широчайшее распространение» в латиноамериканском духовном космосе знаменитой концепции «чудесной реальности» Алехо Карпентьера, которая оценивается как «замечательный образец» обратной стратегии выстраивания картины мира [Кофман, 2023: 23].

Поиск «своего» в «чужом»

В моей системе понятий «обратная» стратегия выстраивания картины мира — очень яркое и убедительное проявление «включающего» дискурса как главного способа структурирования диалогической основы латиноамериканской социальности. Я согласен со всеми основными тезисами Андрея Федоровича. Есть только один (но достаточно существенный) пункт в его концепции, который хотелось бы уточнить. Рассматривая проблему заимствования латиноамериканской культурой европейских по происхождению форм, Кофман пишет, что эти заимствования «обладали одной существенной особенностью. Форма подобна сосуду: его можно наполнить разным содержимым. Заимствованные художественные формы латиноамериканцы всегда старались приспособить для отражения собственной действительности — так накапливались новые содержательные элементы. Этот особый способ развития литературы можно определить формулой: поиск “своего”

в “чужом”» [Кофман, 2023: 33]. Активная роль латиноамериканской традиции в процессе взаимодействия с европейской несомненна. И тем не менее... Приведенное суждение Кофмана заставило меня вновь обратиться к моему собственному тексту, посвященному завершению работы авторского коллектива ИМЛИ над пятитомником «Истории литератур Латинской Америки» и анализу его главного научного содержания [Шемякин, 2006].

Трактовка формы

Рассматривалась там и проблема соотношения формы и содержания в процессе межкультурного взаимодействия. Позволю себе повторить сформулированные тогда мной основные положения, поскольку это имеет принципиальное значение в контексте данной статьи.

Уже тогда, в ходе работы над пятитомником, А.Ф. Кофман сформулировал ту же самую мысль, которая только что была приведена выше: что в ходе взаимодействия с европейскими формами имеет место проекция «заемного» на «свое» и его наполнение новым содержанием [Кофман, 2004: 117].

На первый взгляд, это представляется очевидным. Однако за этой очевидностью кроется проблема, связанная с перипетиями и закономерностями функционирования языка науки. В данном случае речь идет о том, что термин «форма» многозначен: чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любое энциклопедическое издание. Его значения тяготеют к двум основным смыслам: **внешнее очертание** тел (предметов, процессов) и **принцип построения** той или иной системы, структурирующий природную и/или социальную материю. Первое из значений восходит к Р. Декарту (René Descartes, 1596–1650). Именно он свел представление о форме к «внешнему очертанию тел» [Гайденко, 1987: 162]. Вторая трактовка разработана еще в античности Платоном и Аристотелем. Они рассматривали форму или идею (эйдос) как единственную подлинную реальность, духовную по своему характеру, в которой «участвуют» (всегда неполно) вещи мира, данного нам в непосредственном чувственном опыте. Подобная интерпретация формы, выдержанная в духе античной традиции, опирается на мощные архаические основания. Так, М.М. Маковский, характеризуя мифологическую символику индоевропейских языков, отмечал, что в рамках архаического мировосприятия «форма», «образ» непосредственно соотносятся со значением «звук», «издавать звуки». Между тем, «согласно языческим мифологическим представлениям, звук, слово было символом божественного творения. Слово рождало Вещи» [Маковский, 1996: 378].

Обе трактовки на протяжении веков сосуществовали и в обиходном, и в научном языке. Они присутствуют и в теории цивилизаций. Пониманию формы как внешнего очертания соответствует введенное О. Шпенглером и использованное А. Дж. Тойнби (Arnold J. Toynbee, 1889–1975) понятие «хабитуса», характеризующее специфику внешнего проявления основных черт

цивилизации, ее стиль [Тойнби, 1991: 290–291]. В то же время форма часто понимается в цивилизационных исследованиях как некое системообразующее начало, структурирующее действительность.

Проблема состоит в частом смешении обеих выделенных трактовок формы, что ведет к путанице. В зависимости от того, как трактуется исходное понятие, формообразование может пониматься либо как **стилеобразование**, либо как становление **системы принципов**, в соответствии с которыми организуется человеческая жизнь.

Если проанализировать под этим углом зрения труд латиноамериканистов ИМЛИ, то станет очевидным, что в тексте пятитомника можно обнаружить обе выделенные трактовки понятия формы. Причем вот что интересно: когда речь заходит об общих принципах взаимодействия западной и латиноамериканской традиций, на первый план выходит понимание формы как «внешнего очертания», наполняемого местным содержанием. Формы европейского происхождения трактуются в этом случае как нечто пассивное или, во всяком случае, существенно менее активное, чем латиноамериканские бытийственные реалии. В случае же, когда В.Б. Земсков рассуждает об особой «демиургической» роли Слова (причем имеется в виду именно человеческое Слово создателей новой традиции), речь идет о процессе созидания форм самовыражения, структурирующих духовную основу новой, становящейся цивилизации [Земсков, 2004: 5–30].

Учитывая сложившуюся семантическую реальность, закономерно, что в столь капитальном труде наличествуют обе охарактеризованные выше интерпретации понятия формы. По моим наблюдениям, исследовательская интуиция во многих случаях помогает авторам различать эти трактовки. И все же это не всегда удается, в результате чего в некоторых случаях теряется четкость изложения. Это — прямое следствие того, что на теоретическом уровне различие двух основных интерпретаций понятия формы не было отражено.

Тезис о «наполнении» европейских форм местным содержанием не следует абсолютизировать: все-таки в нем не учитывается (или недостаточно учитывается) активность этих форм. Если бы они не обладали в достаточной мере подобным свойством, то никогда не смогли бы укорениться на латиноамериканской почве. Самый яркий пример здесь — позаимствованные первоначально у Запада формы демократической политической организации и гражданского общества. Конечно, эти формы в определенной мере

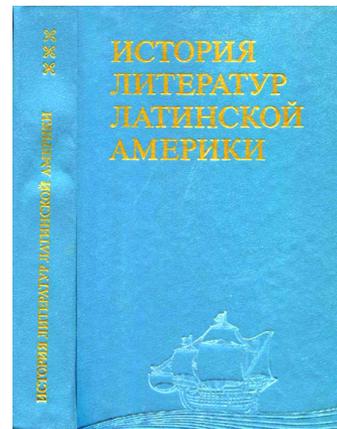
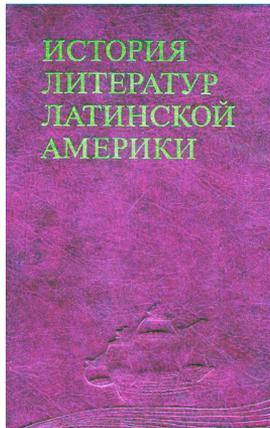
В.Б. Земсков

трансформируются, что свидетельствует, в свою очередь, об активности латиноамериканского цивилизационного «содержания». Но все же не до такой степени, чтобы исчезла «печать» их западного происхождения [Шемякин, 2006].

О латиноамериканском «содержании» по отношению к европейской «форме»

В том, что касается литературы (как и вообще духовной культуры), можно, по-видимому, сказать, что здесь местное онтологическое «содержание» более активно проявляет себя в рамках рассматриваемой дуальной оппозиции, чем в политической сфере, не говоря уже об экономике, где институциональные формы западного происхождения и характера доминируют (хотя и не могут полностью «стереть» местные архаические и традиционные бытийственные реалии). Тем не менее формы европейского происхождения отнюдь не пассивны и здесь, в тех областях, на которые латиноамериканский дух наложил наибольший отпечаток. В любом случае парафраз, травестию и т.п. нельзя понимать как односторонний процесс, где европейская традиция выступает как пассивный объект, различные «детали» которого чисто произвольно комбинируются латиноамериканским творцом; западные формы оказывали и оказывают обратное воздействие (порой очень сильное) на тех, кто пытается с ними «играть». Концепция парафразы, представляющая собой важную часть теоретического инструментария пятитомника, имеет смысл лишь в том случае, если она предполагает именно **взаимодействие** качественно различных традиций, а не одностороннее воздействие одной из них на другую. Между тем в тексте пятитомника в ряде случаев можно проследить тенденцию к восприятию европейской традиции как пассивного (или, во всяком случае, относительно пассивного) объекта воздействия носителей латиноамериканского творческого импульса [Шемякин, 2006].

Вынужден процитировать мои слова: «На мой взгляд, в данном случае речь идет о неизбежных, по-видимому, издержках при выполнении той сверхзадачи, которую ставили перед собой авторы: показать Латинскую Америку как самостоятельный творческий субъект мировой истории, преодолеть отношение к ней преимущественно как к объекту воздействия глобальных процессов и тенденций.

История литератур Латинской Америки. Т. 2 и 3

При такой общей установке вполне закономерно сосредоточение внимания на активности латиноамериканского “содержания” по отношению к европейской “форме”. Однако при этом неизбежно остается в тени онтологическая активность самой этой формы. Определение степени этой активности в каждом конкретном случае, изучение европейской составляющей процесса парафразирования и характера ее воздействия на латиноамериканскую сторону — это, как мне представляется, может стать одним из главных направлений будущих исследований» [Шемякин, 2006].

На мой взгляд, попытки решения этой задачи сохраняют свою актуальность. Так что в любом случае уподобление западной формы сосуду, который, будучи пассивной стороной взаимодействия, заполняется латиноамериканским содержанием, вряд ли можно признать удачной метафорой.

Пожалуй, это единственный пример моих разногласий с Кофманом. В статье, посвященной творчеству В.Б. Земскова, в той ее части, где я констатировал существенное различие наших позиций по некоторым важным вопросам, я привел цитату С.С. Аверинцева, который, предваряя свою полемику с М.М. Бахтиным по поводу феномена смеха, сказал: «Выходя из согласия с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации — потеряешь» [Аверинцев, 2005: 342]. Затем следует мой вывод: «То же самое можно сказать и о Земскове. Для меня лучший способ почтить его память — продолжить наш творческий диалог-спор» [Шемякин, 2016: 81]. Абсолютно то же самое могу сказать и о Кофмане. С той лишь разницей, что, в отличие от Земскова, с которым мы много и ожесточенно спорили, наши с Андреем позиции по основным принципиальным вопросам практически полностью совпадают (за тем единственным исключением, о котором только что шла речь).

Об исследовании темы идентичности латиноамериканского «мира миров»

В рассмотренной статье, как и в книге 1997 г., Кофман на литературных примерах исследует не только художественные образы латиноамериканской реальности. Фактически перед нами разворачивается впечатляющая галерея образов латиноамериканской цивилизации. По сути дела, речь идет об исследовании темы идентичности латиноамериканского «мира миров» (М.Я. Гефтер, 1918–1995). В ходе работы над этим текстом мне пришла в голову мысль, что все творчество Кофмана можно охарактеризовать в двух словах, используя название замечательной книги Ф. Аинсы (к анализу содержания которой Андрей Федорович многократно обращался) «Культурная идентичность Ибероамерики в ее прозе» [Ainsa, 1986].

По-моему, для того чтобы оценить работы Кофмана в полной мере, недостаточно просто констатировать наличие той впечатляющей галереи образов, которая была упомянута выше. Более глубокий смысл его исследований

в этом аспекте выявляется, если учесть специфику идентификационной структуры латиноамериканской цивилизации. Для того чтобы ее охарактеризовать, необходимо было уточнить содержание самого понятия «идентичность», что и было сделано в исследованиях последних лет [Шемякин, 2018: 400–402; Шемякин, 2019: 37–39].

«Итак: идентичность — это *состояние отдельного человека или социокультурной общности, обретших смысл существования и, тем самым, целостность в результате избрания того или иного пути решения ключевых экзистенциальных проблем-противоречий и формирования на этой основе того или иного способа экзистенциальной ориентации, то есть ориентации как во внешнем мире, так и в мире человеческой души. В рамках состояния идентичности следует, по моему убеждению, различать идентификационный стержень-инвариант и образ идентичности. Последняя может проявляться в различных образах и символах, в которых фиксируется избранный той или иной общностью путь решения названных проблем-противоречий.*

Образы идентичности могут меняться: в них отражается то, как та или иная общность видит себя в истории, ее представление о самой себе. Но смена образов идентичности не означает смены самой идентичности. Эти образы, как правило, напрямую зависят от конкретно-исторической ситуации» [Шемякин, 2018: 400; Шемякин, 2019: 37–38].

Автором этих строк был сделан вывод, что в основе идентификационной сферы латиноамериканской цивилизации лежит идентификация с самим процессом взаимодействия составляющих ее разнородных начал, а не с каким-то одним из них (вывод, полностью поддержанный Андреем Федоровичем, что он и отразил в своей рецензии на последнюю коллективную монографию Центра культурологических исследований ИЛА РАН [Константинова, 2022: 34–35]). Именно этот процесс, а не результат взаимодействия разнородных составляющих, как в великих «классических» цивилизациях Запада и Востока, отлитый в определенные устойчивые символические

А. Ф. Кофман. Венчание. 2014

и организационные формы, выступает в роли архетипа, положенного в основу социокультурного строя, является идентификационным стержнем-инвариантом, который остается неизменным при смене образов идентичности [Шемякин, 2022: 35]. В условиях цивилизационного «пограничья» Латинской Америки подобная смена происходила относительно часто (по сравнению с «классическим» цивилизационным типом). Так, еще один, не сразу бросающийся в глаза, «слой» творчества Кофмана — очень тонкое исследование соотношения между идентификационным стержнем-инвариантом и меняющимися образами идентичности латиноамериканской цивилизационной общности.

Доминанта многообразия

Едва ли не главный парадокс цивилизационного «пограничья» — сохранение целостности *sui generis* цивилизационной системы в условиях, когда основные черты исторического «лица» этой системы определяет доминанта многообразия. Подобная специфическая целостность обеспечивается действием определенного социокультурного механизма, и содержание трудов Кофмана может служить прекрасной иллюстрацией его действия.

В его основе — повышенная по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада («субэкуменами» в терминологии Г.С. Померанца) способность социокультурного субъекта к оперированию знаковыми комплексами различного происхождения и характера [Шемякин, 2021: 120]. Наличие именно этого качества стало предпосылкой развертывания того феномена, который, как следует из трудов Кофмана (как, впрочем, и его выдающихся коллег, В.Б. Земскова и Ю.Н. Гирина), является главным фактором формирования латиноамериканской идентичности. А именно «иначания» культурных образцов европейского происхождения — процесса, в ходе и в результате которого возникает качественно новая «пограничная» культурная реальность, характеризующаяся сложнейшим взаимодействием различных традиций.

Как совершенно справедливо отмечал (и показал на многочисленных примерах) А.Ф. Кофман [Кофман, 1997: 53], многозначный концепт границы выступает в латиноамериканской мысли одновременно и как обозначение линии, разделяющей латиноамериканский и «другой» мир (фактически Европу), и как связующее звено между ними. Если это так, то переход через границу есть в том числе и акт установления контакта между мирами. Учитывая же то, что, как уже говорилось, западная традиция стала неотъемлемой составляющей духовного мира латиноамериканцев, для них подобный переход означает в определенном ракурсе путь (точнее, один из путей) к себе, к установлению (или возобновлению) контакта различных культурных реальностей в собственной душе. Доминанта в цивилизационном «пограничье» симбиотического типа взаимосвязи различных традиций означает

их сосуществование в том числе и во внутреннем мире большинства жителей региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, а следовательно, преобладание такой структуры личности, для которой характерно наличие внутренних границ, «одновременно разделяющих и соединяющих идейно-психологические комплексы разного происхождения и характера в ее собственных рамках» [Шемякин, Шемякина, 2009: 84–85].

«Инаковость»

Личность — живое пульсирующее ядро любой цивилизационной системы. Поэтому обязательной предпосылкой достижения целостности системы подобного рода является целостность доминирующего в данном социокультурном ареале типа личности. Учитывая же внутреннюю разделенность подобного типа в латиноамериканских условиях, путь к достижению целостности на индивидуальном уровне необходимым образом предполагал и предполагает для латиноамериканца переход собственных внутренних границ, т.е. границ внутри себя между разнородными духовно-ценностными составляющими. Если это так, то необходимое условие обретения цельности «пограничной» цивилизацией в данном ракурсе — обеспечение повышенной (опять же по сравнению с «классическим» цивилизационным типом) степени проницаемости такого рода границ. Причем в рамках симбиотической, по преимуществу, системности выполнение этой задачи не ведет к их исчезновению: становясь более проницаемыми, внутренние границы отнюдь не размываются.

Пересечение внутренней границы с европейской традицией означает «путь к себе» только в том случае, если предварительно осознана собственная инаковость по отношению к данной традиции. Первичная предпосылка пересечения границы — признание самого факта ее существования, восприятие себя, своего мира как качественно иной по сравнению с Западом реальности. Собственно, только в таком случае вообще возможно появление границы. В этом плане процесс становления единства цивилизации в латиноамериканских условиях неотделим от процесса «иначения» западных культурных образцов. Причем здесь обнаруживаются прямые параллели с Россией. Латиноамериканский вариант этого процесса подробно исследован в блестящих монографиях А.Ф. Кофмана и Ю.Н. Гирина [Кофман, 1997; Гирин, 2008]. В российском социокультурном контексте данная проблематика наиболее подробно разрабатывалась Ю.М. Лотманом и В.М. Живовым [Лотман, 2002; Живов, 2002], также следует выделить М.В. Тлостанову [Тлостанова, 2004]. В данном ракурсе рассмотрения темы ключевое значение в ходе становления духовной целостности цивилизаций Латинской Америки и России приобретает собственная творческая интерпретация европейской традиции [Шемякин, Шемякина, 2009: 85].

Однако подобная интерпретация может приобрести творческий характер лишь в том случае, если осознана реальная сложность отношений с западной культурой, не только «инаковость», но и родственность по отношению к ней. Новаторский творческий акт в обеих «пограничных» цивилизациях планетарного масштаба необходимым образом предполагает самоопределение по отношению к европейской традиции. Отнюдь не случайно у многих наиболее выдающихся мыслителей и Латинской Америки, и России переход границы между «своим» и «чужим» (западным) миром был не только «внутренним», но и «внешним». Нам уже приходилось анализировать этот двойной переход в терминах концепции Ухода-и-Возврата А. Дж. Тойнби [Шемякин, 2001: 184, 341–343]. Описываемый данной концепцией творческий акт приобрел и в латиноамериканском, и в российском «пограничье» особый характер. В обоих случаях уход от действительности своей страны и региона (как предпосылка обретения новых творческих потенций) [Тойнби, 1991] означал уход в Европу, причем достаточно часто не только в переносном, но и в буквальном смысле: и для латиноамериканского, и для российского (до 1917 г.)¹ интеллигента исторические центры «фаустовской» цивилизации — это одновременно и места традиционного паломничества, и «зоны Ухода», в которых он черпал и черпает новые творческие силы. Через Европу прошли практически все наиболее известные латиноамериканские (от С. Боливара, С. Родригеса /Simón Rodríguez, 1769–1854/ до Х. Кортасара /Julio Cortázar, 1914–1984/, А. Карпентьера, О. Паса, Х.Л. Борхеса /Jorge Luis Borges, 1899–1986/ и др.) и значительная часть российских (достаточно вспомнить такие столь непохожие друг на друга фигуры, как П.Я. Чаадаев /1794–1856/, А.С. Хомяков /1804–1860/, Т.Н. Грановский /1813–1855/, Ф.И. Тютчев /1803–1873/, И.С. Тургенев /1818–1883/) мыслителей и писателей. Причем именно пребывание в центрах западной «субэкумены» являлось по общему правилу мощным стимулятором процесса цивилизационной самоидентификации, как это убедительно показал в своих трудах А.Ф. Кофман.

Обобщая результаты исследований, можно вывести общую и для Латинской Америки, и для России формулу достижения целостности на индивидуальном уровне развертывания цивилизационного процесса: «Иначение-Уход-Возврат». Для того чтобы осуществить «Уход» (т.е. переход границы между различными человеческими мирами), нужно предварительно стать собой, обрести по меньшей мере первичную целостность, что в условиях

¹ Хотя после революции 1917 г. отечественная интеллигенция (та ее часть, которая осталась в Советской России) потеряла возможность прямого контакта с центрами «фаустовской» цивилизации, по сути своей ситуация не изменилась: прямой контакт достаточно часто заменялся «внутренней эмиграцией» в Европу, причем «путь Возврата» к собственной стране и культуре именно в этом случае оказался чрезвычайно затруднен для многих наших соотечественников. — *Примеч. авт.*

реалии, В.Е. Багно. Так, по его словам, для «пограничных» культур типично «постоянное напряжение между двумя полярными тенденциями: охранительской и космополитической, “всемирной отзывчивостью” и сохранением традиций, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития» [Багно, 2001: 273]. По определению крупнейшего испанского историка Р. Менендеса Пидалья (Ramón Menéndez Pidal, 1869–1968), для его страны всегда было характерно постоянное колебание маятника между тенденциями (и историческими этапами) изоляции и интеграции [Menéndez Pidal, 1982: 182–198]. Как совершенно справедливо заметил В.Е. Багно, эта формула вполне применима и к России [Багно, 2001: 17]. Что касается Латинской Америки, то здесь западное давление на всех этапах истории было настолько мощным, что блокировало (за единственным исключением Парагвая периода правления Франсии)² возможность изоляции — изоляционистского этапа пути достижения целостности здесь не прослеживается [Шемякин, Шемякина, 2009: 87].

О роли «пространства свободы» личности

Осуществлять упомянутое выше относительно свободное оперирование знаковыми структурами различного происхождения и характера не может никакая-либо организация или социальный институт. Это может только конкретный живой человек. Поэтому еще одной важнейшей составляющей механизма обеспечения целостности социокультурной системы в «пограничной» действительности Латинской Америки является особая, существенно более значимая, чем в «классических» цивилизациях, роль индивидуального уровня развертывания цивилизационного процесса. Этот уровень неоднороден: в любом человеке есть «надличностный» слой общепринятых норм и ценностей, усваиваемых в процессе социализации и утверждаемых, как правило, на официальном идеологическом уровне [Шемякин, 2023b: 41–42]. Но ни одна человеческая индивидуальность не сводится к этому уровню: в каждом представителе вида *homo sapiens* наличествует, так сказать, «собственно индивидуальное» измерение, то, что отличает его от всех остальных людей. И это измерение является «пространством свободы» человека. Свободы в интерпретации общепринятых ценностей и установок, которая в условиях кризиса перерастает в отрицание таких установок и ценностей. Соотношение между надличностным слоем индивидуальности и «пространством свободы» характеризуется в латиноамериканском человеке ключевой ролью именно данного пространства.

² Хосе Гаспар Родригес де Франсия (José Gaspar Rodríguez de Francia, 1814–1840) — парагвайский политик и государственный деятель. Диктатор, считавшийся «отцом парагвайской нации». Проводил политику изоляционизма и автаркии, ограничил деятельность иностранцев в стране. — *Примеч. ред.*

Данный вывод — результат многолетних исследований автора этих строк, неотъемлемую часть которых составлял на протяжении многих лет творческий диалог с ведущими представителями творческого коллектива латиноамериканистов ИМЛИ. И в этом диалоге для меня имело огромное значение общение с Андреем Кофманом. По-моему, весь цикл его трудов может быть интерпретирован как развернутое доказательство ключевой роли «пространства свободы» личности в обеспечении целостности латиноамериканской цивилизации на самом глубинном уровне в условиях доминанты многообразия — от характеристики сознания и деятельности конкистадоров до анализа творчества ведущих представителей «духовного космоса» Латинской Америки.

* * *

Начиная эту работу, я охарактеризовал Кофмана как творческую личность синкретического типа, совмещающую ипостаси ученого и художника (в самом широком смысле). И в данном контексте его имя должно быть поставлено в один ряд с именами многих выдающихся людей как России, так и Латинской Америки. Думаю, простое перечисление их имен могло бы занять не одну страницу. Хотелось бы в заключение привести слова Игоря Вадимовича Кондакова из его «Вступительного слова» к книге Земскова: «Валерий Земсков шел путем таких знаменитых ученых-гуманитариев... как М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев, Н.И. Конрад и В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев и А.М. Панченко, С.С. Аверинцев и А.В. Михайлов, Ю.М. Лотман и В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров и Н.И. Толстой, Б.Л. Рифтин и П.А. Гринцер, Вяч. с. Иванов и Б.А. Успенский (список можно продолжить)...» [Кондаков, 2015: 5–6].

Таким же путем шел в своем творчестве и Андрей Федорович Кофман. И его имя занимает достойное место в этом перечне имен выдающихся представителей отечественной мысли.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. (2005) Бахтин, смех и христианская культура, *Собрание сочинений. Связь времен*, Киев, ДУХ І ЛІТЕРА, с. 342–359.
- Averintsev S.S. (2005) Bakhtin, smekh i khristianskaya kul'tura [Bakhtin, Laughter and Christian Culture], *Sobranie sochinenii. Svyaz' vremeni* [Collected Works. The Connection of Times], Kiev, DUKh I LITERA, pp. 342–359. (In Russian)
- Багно В.Е. (2001) *Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания)*, Санкт-Петербург, Канун, 528 с.
- Bagno V.E. (2001) *Pogranichnye kul'tury mezhdv Vostokom i Zapadom (Rossiya i Ispaniya)* [Border Cultures between East and West (Russia and Spain)], Saint Petersburg, Kanun, 528 p. (In Russian)

Бахтин М.М. (1986) *Эстетика словесного творчества*, Москва, Искусство, 445 с.
Bakhtin M.M. (1986) *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow, Iskusstvo, 445 p. (In Russian)

Бахтин М.М. (1997) К философским основам гуманитарных наук, *Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Москва, Русские словари, с. 7–10.

Bakhtin M.M. (1997) K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [On the Philosophical Foundations of the Humanities], *Sobranie sochinenii. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s], Moscow, Russkie sloviri, pp. 7–10. (In Russian)

Гайденоко П.П. (1987) *Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.)*, Москва, Наука, 448 с.

Gaidenko P.P. (1987) *Evolyutsiya ponyatiya nauki (XVII–XVIII vv.)* [Evolution of the Concept of Science (17th – 18th Centuries)], Moscow, Nauka, 448 p. (In Russian)

Гирин Ю.Н. (2008) *Поэтика сверхпределности. Кинтерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры*, Санкт-Петербург, Алетейя, 215 с.

Girin Yu.N. (2008) *Poetika sverkhpredel'nosti. K interpretatsii khudozhestvennykh protsessov latinoamerikanskoi kul'tury* [Poetics of the Super-Limitless. Towards the Interpretation of Artistic Processes in Latin American Culture], Saint Petersburg, Aleteiia, 215 p. (In Russian)

Живов В.М. (2002) *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*, Москва, Языки славянской культуры, 760 с.

Zhivov V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 760 p. (In Russian)

Земсков В.Б. (2004) Литературный процесс в Латинской Америке. XX век и теоретические итоги, *История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы. Часть первая*, под ред. Земскова В.Б., Москва, ИМЛИ РАН, с. 5–106.

Zemskov V.B. (2004) Literaturnyi protsess v Latinskoi Amerike. XX vek i teoreticheskie itogi [The literary process in Latin America. 20th century and theoretical results] in V.B. Zemskov (ed.) *Istoriya literatur Latinskoi Ameriki. XX vek: 20–90-e gody. Chast' pervaya* [History of the Literatures of Latin America. 20th century: 1920-1990s. Part One], Moscow, IMLI RAN, pp. 5–106. (In Russian)

Иванов Вяч.Вс. (2009) До – во время – после, *Избранные труды по семиотике и истории культуры, Том V, Мифология и фольклор*, Москва, Знак, с. 135–157.

Ivanov Vyach.Vs. (2009) Do – vo vremya – posle [Before – During – After], *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom V, Mifologiya i fol'klor* [Selected Works on Semiotics and History of Culture, Volume V, Mythology and Folklore], Moscow, Znak, pp. 135–157. (In Russian)

Кондаков И.В. (2015) Вступительное слово, *Образ России в современном мире и иные сюжеты*, под ред. В.Б. Земскова, Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, с. 5–8.

Kondakov I.V. (2015) Vstupitel'noe slovo [Introductory word] in V.B. Zemskov. *Obraz Rossii v sovremennom mire i inye syuzhety* [The Image of Russia in the Modern World and Other Stories] Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Gnozis, pp. 5–8. (In Russian)

Константинова Н.С. (ред.) (2022) *Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*. Москва, ИЛА РАН, 244 с.

Konstanyinova N.S. (ed.) (2022) *Iberoamerika: rol' kul'tury v formirovanii i evolyutsii nacional'noi identichnosti* [Iberoamerica: The Role of Culture in the Formation and Evolution of National Identity], Moscow, ILA RAS, 244 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира*, Москва, Наследие, 320 с.

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [Latin American artistic image of the world], Moscow, Nasledie, 320 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2004) Литература Мексики, *История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы. Часть первая*, под ред. Земскова В.Б., Москва, ИМЛИ РАН, с. 107–195.

Kofman A.F. (2004) Literatura Meksiki [Literature of Mexico] in V.B. Zemskov (ed.) *Istoriya literatur Latinskoi Ameriki. XX vek: 20–90-e gody. Chast' pervaya* [History of the Literatures of Latin America. 20th century: 1920-1990s. Part One], Moscow, IMLI RAN, pp. 107–195. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007а) *Кортес и его капитаны*, Москва, Пан Пресс, 352 с.

Kofman A.F. (2007a) *Kortes i ego kapitany* [Cortes and His Captains], Moscow, Pan Press, 352 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007б) *Рыцари Нового Света*, Москва, Пан Пресс, 196 с.

Kofman A.F. (2007b) *Rytsari Novogo Sveta* [Knights of the New World], Moscow, Pan Press, 196 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2009) *Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки*, Москва, Санкт-Петербург, Эрвез, Симпозиум, 606 с.

Kofman A.F. (2009) *Konkistadory. Tri khroniki zavoevaniya Ameriki* [Conquistadors. Three Chronicles of the Conquest of America], Moscow, Saint Petersburg, Ervez, Simpozium, 606 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2012) *Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности*, Москва, ИМЛИ РАН, 304 с.

Kofman A.F. (2012) *Ispanskii konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish Conquistador. From the Text to the Reconstruction of a Personality Type] Moscow, IMLI RAN, 304 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'jago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2023) “Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...” Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40

Kofman A.F. (2023) “Chto gringo zdorovo, to latinoamerikantsu smert'...” Osobennosti vystraivaniya latinoamerikanskoi kartiny mira [Specifics of the Latin American world view construction], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40 (In Russian)

Лотман Ю.М. (2002) *Статьи по семиотике культуры и искусства*, Санкт-Петербург, Академический проект, 544 с.

Lotman Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art], Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 544 p. (In Russian)

Маковский М.М. (1996) *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов*, Москва, Владос, 416 с.

Makovskii M.M. (1996) *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. Image of the World and Worlds of Images], Moscow, Vlados, 416 p. (In Russian)

Тлостанова М.В. (2004) *Постсоветская литература и эстетика транскulturации*, Москва, УРСС, 416 с.

Tlostanova M.V. (2004) *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii* [Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculturation], Moscow, URSS, 416 p. (In Russian)

Тойнби А.Дж. (1991) *Постижение истории*, Москва, Прогресс, 736 с.

Toinbi A.G. (1991) *Postizhenie istorii* [Understanding History], Moscow, Progress, 736 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*, Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vsemirnoi istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History] Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2006) *Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература*, *Известия РАН. Серия литературы и языка*, том 65, № 4, с. 32–39.

Shemyakin Ya.G. (2006) *Latinoamerikanskaya tsivilizatsiya i latinoamerikanskaya literatura* [Latin American Civilization and Latin American Literature], *Izvestiya RAN. Seriya literature i yazyka*, vol. 65, no. 4, pp. 32–39. (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы: Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, *Латинская Америка*, № 10, с. 82–101.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009) *Puti i usloviya dostizheniya tselostnosti tsivilizatsionnoi sistemy: Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoi Ameriki* [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system: A comparison of the historical experience of Russia and Latin America], *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 82–101. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2016) Слово о Земскове, *Латинская Америка*, № 2, с. 76–92.

Shemyakin Ya.G. (2016) *Slovo o Zemskove* [Reflections about Zemskov], *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 76–92. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018) Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*, под ред. О.В. Воробьевой, Москва, Аквилон, с. 348–402.

Shemyakin Ya.G. (2018) *Konflikt interesov i konflikt tsennostei. Migratsionnaya problematika v kontekste problemy tsivilizatsionnoi identichnosti*. [Conflict of Interests and Conflict of Values. Migration Issues in the Context of the Problem of Civilizational Identity], in O.V. Vorobyova (ed.) *Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspective* [Civilizational Challenges in a World-Historical Perspective], Moscow, Akvilon, pp. 348–402. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2019) Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт, *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*, под ред. Константиновой Н.С., Москва, ИЛА РАН, с. 34–66.

Shemyakin Ya.G. (2019) Identichnost' kak sposob bytiya kul'tury. Latinoamerikanskii opyt [Identity as a Way of Being of Culture. Latin American Experience] in Konstantinova N.S. (ed.) *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii* [Ibero-America: Cultural Identity in the Era of Globalization], Moscow, ILA RAS, pp. 34–66. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2021) Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях», *Перспективы. Электронный журнал*, № 4/1(24/25), с. 110–127.

Shemyakin Ya.G. (2021) Kul'turnyi transfer i dialog kul'tur v rossiiskom i latinoamerikanskom tsivilizatsionnykh «pogranich'yakh» [Cultural Transfer and Dialogue of Cultures in the Russian and Latin American Civilizational Borderlands], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 4/1(24/25), pp. 110–127. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2022) Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности, *Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*, под ред. Константиновой Н.С., Москва, ИЛА РАН, с. 20–78.

Shemyakin Ya.G. (2022) Kul'tura kak sposob bytiya Latinskoj Ameriki. Kharakter i formy kul'turnoi determinatsii latinoamerikanskoi deistvitel'nosti [Culture as a way of being in Latin America. The nature and forms of cultural determination of the Latin American reality] in Konstantinova N.S. (ed.) *Iberoamerika: rol' kul'tury v formirovanii i evolyutsii natsional'noi identichnosti* [Iberoamerica: the role of culture in formation and evolution of national identity], Moscow, ILA RAS, pp. 20–78. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023a) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Ибероамериканские тетради*, №1, с. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67>

Shemyakin Ya.G. (2023a) «Velikie geograficheskie otkrytiya»: smysl i istoricheskoe sodержanie termina v svete opyta vzaimodeistviya tsivilizatsii v Novom Svete [«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67> (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023b) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения, *Ибероамериканские тетради*, № 4, с. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61>

Shemyakin Ya.G. (2023b) O formakh organizatsii lingvisticheskoi real'nosti tsivilizatsionnogo «pogranich'ya»: Latinskaya Amerika, Iberiiskaya Evropa i Rossiya v kontekste sravneniya [On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared], *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61> (In Russian)

Ainsa F. (1986) *Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa* [Cultural Identity of Latin America in its Narrative], Madrid, Gredos, 590 p. (In Spanish)

Menéndez Pidal R. (1982) *Los españoles en la historia* [The Spaniards in History], Madrid, Espasa-Calpe, 241 p. (In Spanish)

«El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre». Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca

© Fernández Calzada M., 2025

Miriam Fernández Calzada, PhD (Filosofía), Universidad de Valladolid (España), investigadora independiente.

47006, España, Valladolid, calle Esteban Daza 1, 1 A

ORCID: 0009-0007-0110-7394

E-mail: miriann1853@gmail.com

Resumen. Durante el siglo XVI la universidad española de Salamanca fue el testigo de uno de los acontecimientos intelectuales más importantes de la historia europea, impulsado por los cambios históricos que se produjeron y que hicieron aparecer una primera globalización que interconectó el mundo. Ese acontecimiento intelectual es la llamada Escuela de Salamanca, un movimiento amplio de filósofos, teólogos, juristas, pero también viajeros y misioneros que se enfrentaron y trataron de dar respuesta a los retos de su tiempo: la convivencia entre diferentes pueblos, la libertad, la esclavitud, el derecho a la propiedad, la guerra justa y otros muchos. Hoy vivimos en otra situación globalizada. En el siglo XVI el poder hegemónico era España y la defensa de la fe cristiana y su expansión era la causa principal que justificaba la expansión territorial. Hoy ese poder hegemónico en Occidente reposa en

EEUU que ha impuesto un orden unipolar que legitima los conflictos y choques de mayor o menor intensidad a lo largo y ancho del planeta supuestamente en defensa, no ya de la fe cristiana, sino de la democracia y los derechos humanos. En el artículo se presentan algunas de las ideas fundamentales del fundador de la Escuela de Salamanca, Francisco de Vitoria, quien desarrolló una teoría sobre la humanidad y las relaciones entre naciones basada en la capacidad espiritual que todo ser humano posee por naturaleza y que choca frontalmente con la visión de las relaciones internacionales dominante hoy en día, que hunde sus raíces en visión opuesta de la naturaleza humana, de raíz anglosajona y protestante, frente a la hispana y católica. Por ello, a pesar de la distancia que nos separa del mundo en el que vivió y de sus teorías, quizá debamos volver a la vista a las lecciones de aquella Universidad de Salamanca del s. XVI y que parecemos haber olvidado.

Palabras clave: encuentro entre pueblos, naturaleza humana, derechos humanos, orden internacional, Francisco de Vitoria, escuela de Salamanca

Para citar: Fernández Calzada M. (2025) «El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre». Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 56–74. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Ибероамериканские тетради. 2025. 1. С. 56–74
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74

УДК 94:327+316.7

Статья поступила 16.09.2024
После доработки 27.01.2025
Принята к публикации 14.02.2025

«Человек человеку не волк, он человек». О сосуществовании народов в ином международном порядке. Франсиско де Витория и школа Саламанки

© Фернандес Кальсада М., 2025

Мириам Фернандес Кальсада, канд. филос. наук, Университет Вальядолида (Испания), независимый исследователь.

47006, Испания, Вальядолид, улица Эстебан Даса 1, 1 А.

ORCID: 0009-0007-0110-7394

E-mail: miriann1853@gmail.com

Аннотация. В XVI в. в испанском Университете Саламанки произошло одно из самых важных событий в интеллектуальной жизни Европы за всю ее историю. Произошло оно под влиянием исторических трансформаций, которые дали толчок первой волне глобализации, объединившей мир. Речь идет о создании так называемой Саламанкской школы — широкого движения философов, теологов, юристов, а также путешественников и миссионеров, которые размышляли о наиболее острых вопросах своего времени — сосуществовании разных народов, свободе, рабстве, праве собственности, справедливой войне и многих других. На сегодняшний день суть глобализации изменилась. В XVI в. державой-гегемоном была Испания, а защита и распространение христианской веры служили оправданием территориальной экспансии. В наше время гегемоном западного мира являются США: они навязали другим странам однополярный мировой порядок, который узаконивает конфликты и столкновения большей или меньшей интенсивности по всей планете, якобы в защиту уже не христианской веры, а демократии и прав человека. В этой связи важно рассмотреть ряд основополагающих идей основателя Саламанкской школы Франсиско де Витории, автора теории о человечестве и отношениях между народами. В основе взглядов Франсиско де Витории на международные отношения — его представления о человеческой природе, которые в корне отличаются от англосаксонского и протестантского понимания природы человека в противовес испанской и католической

традиции. А потому, несмотря на то что Франсиско де Витория жил несколько столетий назад, возможно, следует вновь обратиться к уже, вероятно, забытым идеям, родившимся в стенах Университета Саламанки в XVI в.

Ключевые слова: соприкосновение культур, человеческая природа, права человека, международный порядок, Франсиско де Витория, Саламанкская школа

Для цитирования: Фернандес Кальсада М. (2025) «Человек человеку не волк, он человек». О сосуществовании народов в ином международном порядке. Франсиско де Витория и школа Саламанки. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 56–74. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2025. 1. P. 56–74
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74

UDC 94:327+316.7

Received 16.09.2024
Revised 27.01.2025
Accepted 14.02.2025

«Man is Not a Wolf to Man, but a Human». On the Coexistence of Peoples in Another International Order. Francisco de Vitoria and the School of Salamanca

© Fernández Calzada M., 2025

Miriam Fernández Calzada, PhD (Philosophy), University of Valladolid (Spain), independent researcher.
47006, Spain, Valladolid, Esteban Daza street 1, 1 A
ORCID: 0009-0007-0110-7394 E-mail: miriann1853@gmail.com

Abstract. In the 16th century, the Spanish University of Salamanca witnessed one of the most important intellectual events in European history, driven by the historical changes which, in turn, prompted the first wave of globalization that connected the world. It was the creation of the so-called School of Salamanca, a broad movement of philosophers, theologians, jurists, travelers and missionaries who reflected on the most pressing issues of the time: coexistence between different peoples, freedom, slavery, the right to property, just war and many others. Nowadays the globalization is different. In the 16th century, Spain was a hegemon, and the defense of the Christian faith and its expansion was the main rationale behind territorial expansion. Today, the US is the hegemon of the Western world: it has imposed a unipolar order that legitimizes conflicts and clashes of greater or lesser intensity across the planet, supposedly in defense, not of the Christian faith, but of democracy and human rights. Therefore, it is important to explore some of the fundamental ideas of Francisco de Vitoria, founder of the School of Salamanca. He developed a theory on humanity and relations between nations based on

his understanding of the qualities that every human being possesses by nature, which clashes with the currently dominant view of international relations, rooted in the Anglo-Saxon and Protestant perception of human nature, as opposed to the Hispanic and Catholic view. Hence, despite the distance that separates us from the world of Francisco de Vitoria and his theories, perhaps we should revisit the lessons of the University of Salamanca of the 16th century, which we seem to have forgotten.

Key words: contact of cultures, human nature, human rights, international order, Francisco de Vitoria, School of Salamanca

For citation: Fernández Calzada M. (2025) «Man is Not a Wolf to Man, but a Human». On the Coexistence of Peoples in Another International Order. Francisco de Vitoria and the School of Salamanca, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 56–74. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-56-74

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Entre 1935 y 1936 el pintor catalán José María Sert (1874–1945) realizó una serie de murales para decorar la Sala del Consejo de la antigua Sociedad de Naciones en Ginebra. El Gobierno de la República Española encargó la obra a Sert en 1934 como una donación a la Sociedad de Naciones que se inauguró el 2 de octubre de 1936.

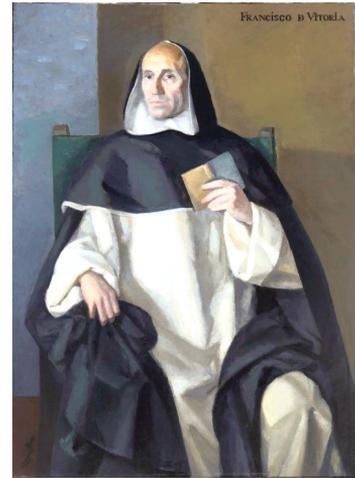
Los temas de la pinturas eran una serie de alegorías sobre la guerra y la paz, el progreso de la humanidad, la justicia y el derecho internacional. La pintura más destacable de este monumental conjunto es la que se sitúa en el techo de la sala y lleva el título de «La lección de Salamanca». En ella cinco hombres de dimensiones titánicas, que simbolizan los cinco continentes, unen sus brazos creando una poderosa imagen de unión. La fuente de inspiración de esta imagen es el pensamiento de los filósofos y teólogos del s. XVI de la ciudad de Salamanca, ciudad que aparece simbolizada en el fresco con la torre de la universidad de dicha ciudad que se ve en el fondo de la imagen.

J.M. Sert. La lección de Salamanca. Fresco que decora el techo de la Sala del Consejo de Paz de Naciones Unidas en Ginebra. 1935–1936

En junio de 1987 las Naciones Unidas decidieron bautizar esta sala, actualmente la sala del Consejo de Paz de Ginebra con el nombre de Francisco de Vitoria (1483–1546), considerado fundador de la llamada Escuela de Salamanca.

En estas páginas se pretende mostrar que el modo en el que por aquel entonces Vitoria y otros trataron de gestionar aquella globalización naciente y el contacto y convivencia entre pueblos se hizo, al menos en teoría, bajo unos presupuestos y una visión de la naturaleza humana completamente diferente a la que impera hoy en día. En este sentido, volver la vista a aquella visión, anterior al dominio de una comprensión de la realidad anglosajona-protestante, pueda aportar hoy ideas que nos permitan articular una convivencia entre culturas y pueblos diferente al mundo unipolar actual que parece conducir necesariamente al enfrentamiento y la enemistad.

*Daniel Vázquez Díaz.
Francisco de Vitoria. 1957*

El pensamiento de Vitoria no ha sido tenido en cuenta durante siglos y en Occidente nos hemos guiado por una visión del ser humano y de la política, que, desde el punto de vista filosófico, es diametralmente opuesta: la del liberalismo anglosajón de raíz protestante, de Hobbes (Thomas Hobbes, 1588–1679), Locke (John Locke, 1632–1704), Bentham (Jeremy Bentham, 1747–1832), Adam Smith (1723–1790), Darwin (Charles Darwin, 1809–1882) hasta llegar a politólogos estadounidenses de renombre como Fukuyama (Francis Fukuyama, n. 1952), Huntington (Samuel P. Huntington, 1927–2008) o Kagan (Robert Kagan, n. 1958).

Ante la crisis actual de la globalización política y financiera y la necesidad de un reordenamiento del orden global podríamos preguntarnos hasta qué punto el orden internacional vigente, representado en la ONU, hunde sus raíces y sigue el proyecto esbozado por Vitoria o se ha limitado a dar su nombre a una sala y a rendir homenaje a la Escuela de Salamanca con un fresco.

El objetivo de este artículo es pues esbozar las líneas generales de esa visión de Vitoria sobre la relación entre pueblos y culturas del mundo que reposa en una determinada comprensión de la naturaleza humana para luego contraponerla brevemente a la visión anglosajona que históricamente se ha impuesto.

Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca

Siempre es complicado hablar de escuelas porque el pensamiento es individual, son grupos de pensadores con influencias mutuas, preocupaciones comunes y objetos de estudio similares. Lo que se entiende por Escuela de Salamanca abarca muchos autores durante un período de casi un siglo, desde las primeras obras de Francisco de Vitoria hacia el año 1529 hasta las últimas de Juan de Mariana (1536–1624) en 1624 [Espinosa Goded, 2020: 4]. Hay que decir que, en los últimos años hay un interés creciente en los investigadores de diferentes países de habla hispana en la obra de Vitoria, movidos quizá por el presentimiento de que hay en su pensamiento el germen de una alternativa al orden internacional actual.

El pensamiento de la Escuela de Salamanca se enmarca dentro del llamado Siglo de Oro español, aunque a diferencia de otros de sus representantes en el terreno de la literatura y la pintura, piénsese en Cervantes o en Velázquez, no son ni suficientemente conocidos ni reconocidos. Una de las causas puede ser el hecho de que son obras escritas aún en latín y no en español, y también, que, a partir del s. XVIII el centro de poder pasó a Francia e Inglaterra y la intelectualidad española despreció sus raíces

Fachada de la Universidad de Salamanca, una obra maestra del estilo plateresco español, construida probablemente en 1529–1530

sin conocerlas. La división entre protestantes y católicos hizo que no se leyeran las obras católicas. No sólo eso, como señala García Neumann, el legado de Vitoria y de la Escuela de Salamanca ha sido reinterpretado para hacerlos ser precursores del liberalismo económico que desarrolló el protestantismo europeo al que estos teólogos católicos se enfrentaron, es decir, se les hace ser antecedentes de aquello a lo que se opusieron. Lo mismo sucede con la cuestión de los Derechos humanos y el derecho internacional en su concepción actual, no es exacto ni histórica, ni filosóficamente decir que son un antecedente. Lo necesario, señala este autor, sería recuperar el camino en el que la política de la edad moderna tomó un giro erróneo para encontrar una alternativa superior [García Neumann, 2023: 449].

Francisco de Vitoria nació en 1483, probablemente en la ciudad castellana de Burgos. Era fraile de la Orden de Dominicos. Fue enviado a París donde permaneció 12 años dedicado al estudio y la enseñanza. Tras una breve estancia en Valladolid, ocupó en 1526 la cátedra de teología en la Universidad de Salamanca, la más importante de España en aquel período. Durante veinte años se dedicó a la enseñanza con disciplina y austeridad, admirado por discípulos y colegas, no abandonó su cátedra ni por grave enfermedad hasta el momento de su muerte. Tampoco publicó ninguna obra, motivo por el que a veces se le conoce como el «Sócrates español».

Lo que consideramos su obra, escrita íntegramente en latín, ha sido reconstituida en base a manuscritos y apuntes de sus discípulos. Se trata de sus lecciones y relecciones en la Universidad de Salamanca. Las relecciones eran conferencias en las que el autor exponía de manera resumida las enseñanzas impartidas durante el año académico. Las dos más importantes para el tema presente son:

Sobre el poder civil (De potestate civili) escrita en 1529 [Vitoria, 2007: 1–54], donde defiende la igualdad natural de todo ser humano y la idea de una comunidad mundial (*communitas orbis*) de todos los pueblos fundada en lo que llamó «derecho de gentes» que se apoya en el derecho natural y se orienta a la búsqueda del bien común de la humanidad. Con este derecho, Vitoria pretende sentar las bases de lo que debería ser un derecho internacional centrado en la persona y no en las relaciones de poder y dominación entre los Estados [Fernández Sánchez, 2022: 152].

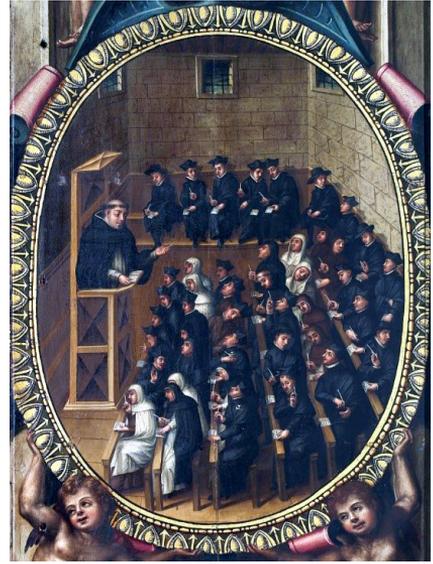
Sobre los indios (De indis) de 1532 [Vitoria, 2007: 55–212], donde desarrolla el derecho de gentes por el que defiende que los indios, el nombre que los españoles por error dieron a los habitantes de América pues creyeron haber llegado a la India, tienen los mismos derechos que cualquier otro hombre y son los legítimos dueños de sus tierras y de sus bienes. Defiende también como un derecho natural, el derecho de comunicación (*ius communicationis*) entre seres humanos y pueblos, un derecho por el que todo grupo humano, al margen de su religión o raza tiene derecho a movilizarse, a producir e intercambiar bienes con otros para un bien común universal.

Uno de los conceptos centrales de su reflexión como el de toda la escuela de Salamanca es el de la ley natural.

La ley natural o ¿tiene algún sentido hablar de unos principios éticos universales?

Hoy puede parecer que la idea de una ley natural está anticuada y pertenece al pasado, sin embargo, una mirada a la tradición puede aportar un punto de vista a tener en cuenta en la búsqueda de caminos alternativos.

La noción de la ley natural tiene su origen en el pensamiento antiguo, es una idea que desarrolló el pensamiento estoico y que Vitoria recupera desde una perspectiva cristiana (a fin de cuentas, los cimientos de Europa surgen de la unión de Grecia, Roma y el cristianismo) [Carpintero Benítez, 2013]. En este contexto, hablar de «ley natural» supone afirmar que en el universo impera una ley eterna, que es el plan divino de la creación que se manifiesta en diferentes planos de la realidad: en el mundo físico como leyes físicas, en el mundo biológico como las leyes del instinto y en el ámbito humano como ley natural. Esa ley natural es universal, eterna y no puede ser borrada de la conciencia. Pero como es demasiado general, precisa de leyes humanas que la proyecten en diferentes circunstancias y que posean además el poder de coerción que la ley natural no posee.

Martín de Cervera.
*Lección de teología en la universidad
de Salamanca. 1614*

Como señala Iturbe, hablar de ley natural supone hablar de existencia de valores universales éticos que dependen de la propia naturaleza humana y no de una legislación concreta. En el estoicismo antiguo es el fundamento de una ética universal, el hombre debe vivir según la naturaleza porque hay una ley divina y racional que gobierna el cosmos. Los padres de la iglesia trataron de conciliar esa filosofía con el Nuevo Testamento, Jesús es esa ley encarnada. Además, el hombre es imagen de Dios, no un elemento más del cosmos [Iturbe, 2012: 76–77].

*J. Schnorr von Carolsfeld.
Ilustración para la Biblia en imágenes. 1860*

La doctrina clásica de la ley natural en Tomás de Aquino que sigue Vitoria, no es conjunto rígido de normas, sino una fuente dinámica de inspiración, un criterio para evaluar la legitimidad de las diferentes leyes positivas y las costumbres humanas. Puesto que la ley configura el espacio de la conciencia, toda ley humana para ser tal, tiene que estar de acuerdo con esta ley natural. Lo que nos interesa aquí es que en la escuela de Salamanca esta teoría deja de ser un motivo de discusiones escolásticas dentro de las universidades para convertirse en un problema práctico de primera magnitud. Vitoria era un pensador realista y buscaba respuestas concretas a situaciones concretas, a los problemas éticos, políticos y religiosos de su tiempo.

Esa preocupación por la realidad estuvo motivada por el contexto peculiar español. El descubrimiento de América había situado a España en un lugar privilegiado frente a otros reinos europeos. Pero tras la euforia inicial que acompañaron las noticias del viaje de Colón, pronto empezaron a llegar noticias sobre las condiciones y trato que estaban recibiendo los habitantes originarios de aquellas tierras a manos de los españoles. El primero en dar la voz de alarma fue otro monje dominico, Antonio de Montesinos (1475–1540), quien en 1511 elevó sus denuncias ante la corona española por esta causa. Las denuncias de Montesinos y de otros misioneros españoles encontraron respuesta en el rey Fernando II el Católico (1475–1516), quien ordenó crear una comisión para promulgar leyes que habían de regular la vida en los nuevos territorios y el trato a su población. Se inició así un encarnizado debate filosófico y político que se expande por todo el s. XVI español.

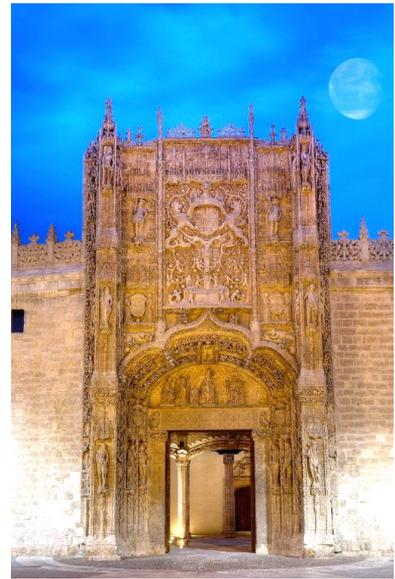
En este contexto y dicho con palabras actuales, Vitoria centró sus esfuerzos en analizar los retos políticos, éticos y religiosos de lo que fue un choque de culturas, aplicando la doctrina de la ley natural para tratar de determinar en qué consiste la dignidad humana, la naturaleza de la libertad, el derecho a la propiedad, la legitimidad del empleo de métodos coercitivos y de la guerra, y, por fin,

A. Castellanos Basich. Monumento a Fray Antonio de Montesinos en Santo Domingo, República Dominicana¹

hasta qué punto la acción de conquista española y su posterior colonización eran o no legítimas. Según indica en sus numerosos estudios Luciano Pereña (1920–2007), uno de los máximos expertos en estos temas, Vitoria provocó la primera crisis de la conciencia nacional después de la conquista del Perú y la invasión de México, y sometió a juicio crítico la conquista de América por los españoles, cuestionando títulos y argumentos hasta entonces incuestionables². Sus reflexiones y las de otros religiosos suscitaron en el nieto de los Reyes Católicos, Carlos V (Carlos I de España y V del Sacro Imperio Romano Germánico, 1516–1556), la llamada «duda indiana», dudas sobre la legitimidad moral de la conquista de América que hicieron que el rey español pensase incluso en abandonar el proyecto y dejar las tierras americanas. De hecho, paralizó durante un año el proceso de conquista, entre 1550 y 1551, durante la llamada controversia de Valladolid entre Bartolomé de las Casas (1474/1484–1566) y Juan Ginés de Sepúlveda (1490–1573) como protagonistas, y que, probablemente, es un hito en la historia: ningún otro dirigente ha parado un proceso similar por dudas sobre la legitimidad moral de sus acciones.

El fruto final de estos debates años más tarde fueron las llamadas Leyes de Indias, una recopilación de las Leyes de Burgos (1512) y las Leyes Nuevas (1542) en cuya redacción tuvo una influencia decisiva la reelección *Sobre los Indios* de Vitoria. Según lo define Montenegro Baca, las Leyes de Indias (1573), «la legislación especial dictada por España para el gobierno de los países de la América española <...> constituye el compendio de la experiencia del gobierno de dichos países en el transcurso de casi dos siglos. Se caracterizan por su profundo sentido religioso y ético, por sus nobles acentos

Fachada del Colegio de San Gregorio, hoy Museo Nacional de Escultura en Valladolid. Allí tuvo lugar la Controversia de Valladolid (1550–1551)

¹ El monumento a Fray Antonio de Montesinos, una estatua de 15 metros de altura, en piedra y bronce, es obra del escultor mexicano, Antonio Castellanos Basich, y fue regalada por el gobierno mexicano al pueblo dominicano en 1982. — *N. de la A.*

² En esta página se pueden consultar las obras de Pereña sobre estas cuestiones: URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/autor?codigo=551743> (accessed: 12.12.2024). — *N. de la A.*

humanitarios, por la protección, defensa y tutela del indio y por el vigoroso y clarividente sentido de justicia social que las inspira» [Montenegro Baca, 1966: 229–230].

Por ejemplo, las leyes de Burgos de 1512 prohibían el trabajo a mujeres embarazadas y niños menores de 14 años. Las Leyes Nuevas de 1542 prohibían la esclavitud entre los indígenas, y las Leyes de Indias establecían que el matrimonio debía ser libre, que los españoles y los indios podían casarse entre sí a voluntad, que las niñas no podían casarse antes de la edad legal, y tampoco se les permitía vender a sus hijas para casarse, como era común entre algunos pueblos³.

Por desgracia, y en muchos casos sucedía que estas leyes «se acataron, pero no se cumplieron» siempre en los virreinos españoles, hecho facilitado por la distancia y cierta desconexión con la España peninsular de los territorios americanos. Pero este no es el tema de este artículo y no niega la intención y el espíritu de aquellas leyes.

De todos modos, hay que decir que la búsqueda de una convivencia basada en la creencia en la igualdad de todo ser humano, recibió su impulso inicial no sólo de manos de los misioneros y monjes españoles. La abuela de Carlos V, la reina Isabel la Católica fue la primera en insistir en estas cuestiones. En el codicilo que se anexó a su testamento el 23 de noviembre de 1504 ordena a sus herederos que: «No consientan ni den lugar que los indios, vecinos y moradores de las dichas Indias y Tierra Firme, ganadas y por ganar, reciban agravio alguno en sus personas ni bienes, más manden que sean bien y justamente tratados y si han recibido algún agravio que lo remedien»⁴.

*Eduardo Rosales Gallina.
Isabel la Católica dictando su testamento. 1864*

El encuentro con América supuso un desbordamiento de las fronteras del mundo cristiano europeo, el encuentro con pueblos ajenos al derecho y a la fe cristianas. No había nada en común con ellos, pero Vitoria, entre otros pensadores y misioneros españoles, llegó a la conclusión de que existe un derecho que está por encima de los sistemas jurídicos particulares, lo que le llevará a transformar el derecho de gentes romano en un antecedente del derecho internacional y a perfilar la idea de una comunidad universal o del orbe.

³ Recopilación de Leyes de los Reynos de las Indias. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/publicacion.php?id=PUB-LH-1998-62 (accessed: 12.12.2024). Las Leyes que se refieren específicamente al trato de los indígenas figuran en el libro VI (en el volumen II).

⁴ El testamento de Isabel la Católica puede consultarse en muchas fuentes. Por ejemplo, en esta página de la Universidad de Barcelona: URL: <https://www.ub.edu/duoda/diferencia/html/es/primario16.html> (accessed: 12.12.2024).

La comunidad del orbe o totus orbis

En su relección *Sobre el poder civil*, Vitoria mantiene una concepción orgánica de la sociedad, inspirada en Aristóteles. El ser humano es un ser social por naturaleza, necesita de los otros, además, es un ser racional y está dotado de la capacidad de comunicarse y hablar, lo que le hace aún más dependiente de la vida en sociedad para poder no solo sobrevivir, sino vivir bien y desarrollarse.

Toda comunidad debe tener una autoridad, la suprema para nuestro autor es Dios, pero Dios transmite su poder al cuerpo social y éste a los gobernantes, los reyes no son uncidos por el poder divino sino por los hombres, es decir, el poder político tiene un origen democrático, no divino. Fue esto lo que llevo a Vitoria a rechazar las autoridades humanas universales del momento, el papa y el emperador español Carlos V, — no hay señores del mundo entre los hombres. En general, se distancia de aquellos que defendían el origen divino del poder de reyes que no procede directamente de Dios, Dios se lo da al pueblo y el pueblo al gobernante. Y se distancia también de los contractualistas posteriores, el Estado no es sólo el producto de un pacto entre los hombres.

Igualmente en la relección *Sobre los indios* ofreció su particular visión y dudas sobre la legitimidad del dominio político de las tierras americanas por parte de los españoles. La diferenciación que establece allí entre el orden sobrenatural y natural le permitió afirmar en aquella época, que el hecho de practicar la fe cristiana no priva a nadie de ser el legítimo poseedor de las tierras. Un ser humano tiene posesiones y derechos no por ser cristiano, sino por ser hombre. Del mismo modo, el papa no es gobernante temporal del mundo ni es legítimo apoderarse de tierras en su nombre. Es decir, Vitoria va más allá de la sociabilidad natural de Aristóteles y las especulaciones filosóficas y contempla la realidad mundial concreta que se formó cuando se incorpora América al mundo conocido por los europeos. Por esto en la relección *Sobre el poder civil* afirma que el orbe entero es como una república⁵ con potestad de dar leyes justas para todos. Si es como una república, es que hay posibilidad de comunicación entre sus partes al margen de diferencias culturales y de religión. Y que existe un bien común para toda la humanidad.

La comunidad internacional no anula a los inferiores, del mismo modo en que la república no anula a sus ciudadanos, sino que presupone su existencia y su diversidad [Díaz Kayel, 2005: 65]. ¿Quién posee la autoridad en esa comunidad? Habría que establecerla y darle el poder de legislar y también un poder coercitivo, pero ha de legislar teniendo en vista el futuro común de todos los seres humanos y su bien. El orden internacional ha de permitir a cada individuo gozar de unos derechos por su condición de persona, no por ser miembro de uno u otro estado, preservar y fomentar la comunicación interpersonal e internacional. El marco que permite la comunicación será el derecho de gentes, que no es natural pues

⁵ Vitoria hablaba siempre de repúblicas (*res publica en latín*); hoy hablaríamos de Estados. — N. de la A.

depende del consenso de todo el mundo, ha de inspirarse en el derecho natural que ha de servir como el canon que inspira al artista, algo que descubrir y a lo que aproximarse mediante legislaciones sucesivas.

Vitoria deriva el derecho de gentes de la realidad de la naturaleza humana, de su carácter comunicativo frente a la situación actual que deriva las normas vigentes de la voluntad política de los estados. El orden internacional debe establecerse no entre naciones o estados en sentido individualista, sino entre grupos de seres humanos cuyas vinculaciones superan las fronteras de cada pueblo. Es cierto que el sujeto de autoridad es el estado, pero por encima de él está la comunidad diversa, pero homogénea, de seres humanos unidos por una naturaleza común al margen de las diferencias culturales. Como señala Varela Quirós, el ser humano tiene derechos no por ser creyente, sino por ser creado a imagen y semejanza de Dios, esto es, todo ser humano es igual, racional y libre. Hay una comunidad universal porque hay un bien común [Varela Quirós, 1990: 228–229].

Si miramos al presente, la ONU se basa hoy en el principio de igualdad soberana de los estados y la no intervención en asuntos internos, pero esa igualdad es una ficción jurídica para establecer tratados entre partes iguales que realmente no son iguales. Vitoria es un precursor del derecho internacional y reconoce que la comunidad internacional requería de principios jurídicos y valores comunes, pero su centro no ha de ser el estado particular, sino la naturaleza humana compartida y su natural sociabilidad [Iturbe, 2012: 80]. Ciertamente la visión de Vitoria tiene mucho de utopía, pero su utopía universalista como todas las utopías tienen una función, son modelo y un punto de apoyo sobre el que ejercer una crítica a la situación actual y buscar alternativas.

El hombre no es un lobo para el hombre, sino un hombre. Vitoria frente al pensamiento anglosajón

El modo en el que Vitoria entiende las relaciones entre pueblos reposa sobre una determinada idea de la naturaleza humana. Una visión que puede caracterizarse como optimismo antropológico y que choca frontalmente con la comprensión pesimista anglosajona de inspiración protestante que está en la base del liberalismo como ideología dominante de nuestro mundo.

Este optimismo antropológico de Vitoria se apoya en Tomás de Aquino para quien el ser humano es la creación más perfecta, dotado de libertad y razón para transformar el mundo y también en el humanismo renacentista y su fe en las posibilidades de ser humano por uso de la razón.

El ser humano vive en sociedades complejas de manera natural, por su indefensión natural los seres humanos se necesitan los unos a los otros y también por su capacidad racional y su natural sociabilidad. Vitoria insiste en que todos los seres humanos comparten una misma naturaleza, son de la misma especie, y es precisamente la razón el elemento que los iguala. Por ello en su relección *Sobre los indios* concluye que los europeos y nativos americanos son iguales, la diferencia entre ellos es en términos actuales, cultural, se basa en el modo de organizar sus

respectivas sociedades. Pero al margen de esas diferencias hay un elemento igualador que es la razón natural que permite y garantiza la comunicación, y éste, el derecho a la comunicación y a establecer relaciones amistosas es para él también un derecho natural que no es legítimo impedir.

Esta visión de la naturaleza humana contrasta con la visión del ser humano y de la relación entre seres humanos que está en la base de los teóricos anglosajones. Thomas Hobbes, el primer teórico del individualismo, también afirma que todos los hombres son iguales, pero desde principios radicalmente opuestos. Así, en su famosa obra *Leviatán* sostiene que sin un Estado coercitivo los hombres viven en un estado de «guerra de todos contra todos y esa es su situación natural» [Hobbes, 2018: 112–113].

Francisco de Goya.
Fragmento del cuadro *Duelo a garrotazos*. 1820–1823

En el mundo de Hobbes no hay valores universales, en el estado de naturaleza «vale todo». El «derecho» de cada uno llega hasta donde llegue su fuerza, su capacidad física de apropiación y defensa de ciertos bienes: «pertenece a cada hombre todo lo que pueda tomar, y por tanto tiempo como pueda conservarlo» [Hobbes, 2018: 157–158]. El Estado surge como resultado de un acuerdo o pacto interesado y egoísta que nace del temor a los demás y busca la propia protección.

John Locke, uno de los primeros teóricos del liberalismo, considerado el padre del liberalismo y defensor de la tolerancia y la libertad, reconoce ciertamente la libertad natural de todo ser humano y la existencia de unos derechos naturales, pero el Estado en su teoría surge ante todo como un pacto para proteger la propiedad privada. Como señala Solar Cayón, detrás de su concepción de la autoridad política hay una visión pesimista de la naturaleza humana, una opinión de la maldad innata del hombre que hace imposible la cooperación social sin el respaldo de un poder estatal [Solar Cayón, 1998: 603–635]. Con el apoyo de argumentos psicológicos y epistemológicos, Locke describe un cuadro negativo del espíritu humano: ambicioso, rebelde, irracional, dominado por las pasiones y los intereses [Locke, 2010].

A riesgo de simplificar demasiado para Locke existen tres derechos naturales: la vida, la libertad y la propiedad privada. El Estado surge para proteger esos derechos. Según establece en su *Segundo tratado sobre el gobierno civil* (párrafos 40, 41 y 43) lo que otorga la propiedad legítima de una tierra depende del trabajo que se incorpora sobre ella y de los beneficios que se obtienen de ese trabajo, es decir, el legítimo propietario de una tierra es el que extrae más beneficio de ella. Una teoría que, como señala Casanova, Locke empleó como marco para las normas de la

Constitución de Carolina en 1699, en cuya redacción participó y que legitimaban la expropiación de las tierras a los indígenas por los colonos británicos, haciendo a éstos sus legítimos poseedores [Casanova, 2022: 33], algo que contrasta frontalmente con las Leyes de Indias españolas, inspiradas por las reflexiones de Vitoria entre otros (otra cuestión, como se ha dicho es que esas leyes se respetasen, o la distancia que existe siempre y en todo lugar entre la teoría y la práctica).

Comparemos brevemente un par de artículos de esa constitución con las Leyes de Indias.

Artículo 110 de la Constitución de Carolina del Norte de 1669: «Todo hombre libre de Carolina tendrá poder y autoridad absolutos sobre sus esclavos negros, sean de la opinión o religión que sean».

Artículo 23 de las Leyes Nuevas de 1542: «De aquí en adelante por ninguna vía se hagan los indios esclavos, y así en los que se han hecho contra razón y derecho y contra las Provisiones e instrucciones dadas, ordenamos y mandamos que <...> los pongan en libertad».

Art. 112 de la Constitución de Carolina del Norte: «Ninguna persona podrá poseer o reclamar tierra alguna en Carolina por compra o donación, o de otro modo, de los nativos, o de cualquier otro, sino únicamente de y bajo los señores propietarios, bajo pena de confiscación de todos sus bienes, muebles o inmuebles, y destierro perpetuo»⁶.

Ley XXII y XXIII del libro VI de las Leyes de Indias: «Que a los indios se señale tiempo para sus heredades y granjas y se procure que las tengan. Que entre indios y españoles haya comercio libre a contento de las partes. Que se haga en conversación de amistad y voluntario. Que los indios no sean inducidos, atemorizados ni forzados a comerciar»⁷.

Respecto a su visión de las relaciones internacionales Locke en el *Segundo Tratado sobre el gobierno civil* afirma que en sus relaciones los estados están en el estado de naturaleza, es decir arrastrados por sus pasiones y por el apetito de poseer⁸. Un apetito que en la sociedad civil es refrenado por leyes que dicta la autoridad pertinente, pero entre Estados no existe tal autoridad ni pacto, las relaciones se rigen por reglas de conveniencia del poder público sin obligación de respetar.

Aunque es cierto que parten de estructuras políticas y teológicas diferentes, Vitoria siempre consideró que cada estado está inserto en un orden cósmico mayor y sujeto por tanto a un derecho mayor que lo abarca. En vez de la guerra de todos contra todos y del egoísmo natural y el ansia de poseer, Vitoria pensaba que el fundamento de la sociedad está en la solidaridad de unos con otros, en la capacidad de comunicación que permite el intercambio y ayuda mutua. Una comunicación

⁶ The Fundamental Constitutions of Carolina: March 1, 1669. Yale Law School. Lillian Goldman Law Library. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/nc05.asp (accessed: 12.12.2024).

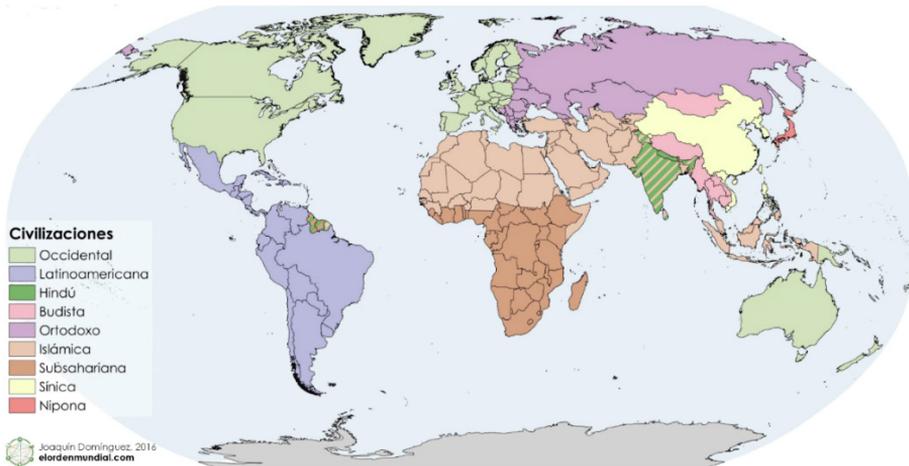
⁷ Recopilación de Leyes de los Reynos de las Indias. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/publicacion.php?id=PUB-LH-1998-62 (accessed: 12.12.2024).

⁸ Una descripción del modo de comportarse de los hombres en el estado de naturaleza en el *Segundo tratado sobre el gobierno civil* está en los párrafos 124 y 125. — N. de la A.

que para Vitoria no se hace en vistas a ganar frente al otro, no es el lobo para el hombre de Hobbes, ni el individuo propietario de Locke, ni el más fuerte en la lucha por la supervivencia del que hablará después Darwin o el competidor en el libre mercado de Smith. La sociedad humana se establece para ayudarse los unos a los otros para buscar el beneficio común de todos.

De acuerdo con Díaz, una visión de la naturaleza humana inspirada en Hobbes puede rastrearse también en reconocidos autores estadounidenses contemporáneos como Fukuyama, quien en su obra *el Fin de la historia* afirma que Hobbes dio por sentada la igualdad de todos contra todos, pero en su capacidad para matarse entre ellos [Fukuyama, 1992]. Para este autor, la guerra es el estado normal mientras estemos en la historia. Respecto al estado posthistórico éste sólo se producirá cuando asistamos al fin de la historia que sucederá cuando todos asuman el modelo democrático de EEUU y se alcance la uniformidad [Díaz Kayel, 2005: 55, 99]. Algo que el autor vio en su momento acercarse tras la caída del muro de Berlín que pareció interpretar como el triunfo definitivo del modelo estadounidense.

Otro reputado autor estadounidense como Samuel Huntington, asegura que «las raíces del odio, de la rivalidad, de la necesidad de enemigos, de la violencia personal y de la guerra se encuentran en la psicología y en la condición humanas» [Huntington, 2004: 51]. Huntington también considera no sólo que el conflicto es connatural al hombre, es también beneficioso porque la existencia de enemigos es fundamental para forjar la identidad propia.

*El choque de civilizaciones de Samuel Huntington.
La división del mundo por sus relaciones político-culturales tras la guerra fría*

Respecto a las culturas y las civilizaciones, son islas incomunicables, por eso chocan, no hay posibilidad de comunicación real. En su famosa obra *El choque de las civilizaciones*, Huntington niega la posibilidad de una comunidad internacional, porque las civilizaciones son espacios cerrados y el aumento de las interacciones lo único que hace es aumentar el conflicto. El orden debe construirse al margen de la comunicación. También él, como Fukuyama plantean estas tesis tras

el fin de la Guerra Fría. El enfrentamiento no desaparecerá con el fin de la guerra fría, sólo que ya no será entre bloques ideológicos, sino entre grupos culturales o de grandes bloques civilizatorios.

La cuestión es que si en las relaciones interpersonales domina el egoísmo y el conflicto, lo mismo sucederá en las relaciones entre los pueblos. Si el hombre tiene una natural inclinación al egoísmo, y ello lo lleva a la guerra perpetua, al afán de dominio y poder, todo planteamiento de las relaciones internacionales sobre la base de la amistad y la cooperación indicaría una total falta de realismo. Como dice Díaz, tal es, por ejemplo, el reproche fundamental que otro estadounidense, Robert Kagan realizaba hace años a la política europea por abandonar una política de poder hacia un mundo de leyes, reglas, negociaciones transnacionales y cooperación por querer entrar en un «paraíso post-histórico» de paz y prosperidad relativa, en busca de una realización de la «paz perpetua» de Immanuel Kant. Mientras tanto, los EE.UU. permanecerían en la historia, ejerciendo su poder en un mundo hobbesiano, anárquico, donde no se confía en las reglas y donde la verdadera seguridad y la defensa y promoción de un orden liberal siguen dependiendo de la posesión y uso de la fuerza militar [Kagan, 2003: 57–59].

Frente a todos ellos, Vitoria pensó que es posible hablar de una comunidad internacional mundial que tiene su raíz en la sociabilidad natural del hombre. Existe un cierto parentesco entre todos los hombres. Existe un derecho a la comunicación (*ius communicationis*) que no sólo es intercambio de información, es también compartir o poner en común, ponerse de acuerdo a pesar de las diferencias, intercambiar bienes materiales y espirituales. Es disposición de cooperación y no de competencia «para llegar a acuerdos y resolver los conflictos» [García Neumann, 2023: 468]. Para el liberalismo reduccionista anglosajón desde Hobbes a Adam Smith y la globalización actual todo se reduce al libre comercio, al intercambio de objetos por parte de propietarios en competencia, y, entre naciones, al saqueo de hecho de los menos desarrollados.

Fuente a la Amistad de los Pueblos en Moscú⁹

Reflexión final

La visión optimista del ser humano de Francisco de Vitoria le permitió anticipar en siglos la Declaración Universal de los Derechos Humanos de 1948, pues en su obra podemos leer afirmaciones como esta: «Todos los hombres nacen libres

⁹ La idea de la amistad entre todos los seres humanos como base de convivencia internacional no es una idea que únicamente desarrolló Francisco de Vitoria. — N. de la A.

e iguales <...>. Por naturaleza, nadie es superior a otro... Dado que todos somos iguales, es ofensivo que alguien pretenda dominar a otro. Quien es igual no tiene capacidad de mandar sobre su igual»¹⁰.

Aunque el planteamiento de Vitoria pretendía ser realista y adaptarse a la nueva realidad, su idea de una comunidad del orbe es más bien una utopía universalista que se fundamenta en lo que tienen en común todos los hombres por encima de sus diferencias. El camino para conseguir esa comunidad es lo que llamó «derecho de gentes», un concepto que toma del derecho romano y transforma. Se ha visto este derecho de gentes como anticipo del actual derecho internacional, pero en realidad, no lo es. Porque como muestra Encarnación Fernández, en el centro de su enfoque no están los estados en abstracto, sino los seres humanos. Los estados son «eslabón intermedio entre las dos realidades supremas: el Orbe y el hombre» [Fernández Ruiz-Gálvez, 2017: 39].

La crisis actual del sistema internacional es una manifestación más del resquebrajamiento del paradigma liberal en el que este orden internacional se fundamenta. Un sistema que reposa en una visión pesimista del ser humano, en la que el otro es visto como posible amenaza. Como se teme que el otro no dé lo que es debido, se buscan modos eficaces de exigirlo. El rechazo de la realidad de una comunidad universal comporta la negación de un bien común que constituya el fin de todos y de cada uno. Si no hay bienes compartidos cada estado o cada bloque de civilización buscará y se procurará sus propios con independencia, cuando no en conflicto con las demás.

La postura de Vitoria lleva a contemplar las otras culturas y a otros estados como portadoras de humanidad, es decir, como valiosas en sí mismas. Como dice Díaz, frente a la consideración de la política internacional exclusivamente como un juego de poder, recurrir a Vitoria conduce a una humanización de las relaciones internacionales, en las que la persona recobra el papel que le corresponde como protagonista y destinataria de las decisiones políticas [Díaz Kayel, 2005: 104]. El reordenamiento del orden internacional que exige el momento histórico puede comenzar por una manera diferente de concebir al ser humano y el futuro compartido de este mundo.

Recapitulando, Hobbes empleó la expresión latina «el hombre es un lobo para el hombre» (*homo homini lupus est*) en la dedicatoria a su protector el conde de Devonshire de su obra *De Cive* (Del ciudadano) de 1642. Este planteamiento que

Francisco de Toledo. Monumento a Francisco de Vitoria en Salamanca

¹⁰ Vitoria F. Comentarios a la Suma Teológica, II-II, q. 104. recogido por J. García Neumann [García Neumann, 2023: 460].

considera al hombre como lobo para el hombre es el punto del que arranca todo el liberalismo filosófico anglosajón. Quizá sea hora de recuperar la visión de Vitoria y atender a la lección de Salamanca. Concluycamos este artículo con unas palabras suyas que forman parte del título de este artículo: «La naturaleza estableció cierto parentesco entre todos los hombres. Por ello, es contrario al derecho natural que el hombre, sin causa alguna se enfrente al hombre, pues no es el hombre un lobo para el hombre, <...> sino hombre» [Vitoria, 2022: 51].

Bibliografía / References

Carpintero Benítez F. (2013) *La ley natural. Una realidad aún por explicar* [Natural law. A reality yet to be explained], Mexico City, UNAM, 440 p.

Casanova C.A. (2022) Francisco de Vitoria y John Locke ante la conquista de América: dos posturas encontradas [Francisco de Vitoria and John Locke on the conquest of America: two conflicting positions], in D. Torrijos-Castrillejo, J.L. Gutiérrez *La escuela de Salamanca: la primera versión de la modernidad* [The school of Salamanca: the first version of modernity], Madrid, Sínderesis, San Dámaso, pp. 29–43. (In Spanish)

Díaz Kayel B. (2005) *El internacionalismo de Vitoria en la era de la Globalización* [Vitoria's internationalism in the age of Globalisation], Pamplona, Universidad de Navarra, 112 p. (In Spanish)

Espinosa Goded L. (2020) La escuela de Salamanca: lo que podemos aprender, hoy, del siglo XVII [The Salamanca School: What we can learn, today, from the 17th century], *Koyuntura*, no. 96, pp. 1–12. (In Spanish)

Fernández Ruiz-Gálvez E. (2017) El totus orbis y el ius gentium en Francisco de Vitoria: el equilibrio entre tradición e innovación [Totus orbis and ius gentium in Francisco de Vitoria: the balance between tradition and innovation], *Cuadernos electrónicos de Filosofía del Derecho*, pp. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.7203/CEFD.35.9671> (In Spanish)

Fernández Sánchez P.A. (2022) ¿De verdad Francisco de Vitoria fue el padre del derecho internacional? [Was Francisco de Vitoria Really the Father of International Law?], *Anuario Mexicano De Derecho Internacional*, vol. 22, pp. 151–193. DOI: <https://doi.org/10.22201/ii-j.24487872e.2022.22.16951> (In Spanish)

Fukuyama F. (1992) *El Fin de la Historia y el Último Hombre* [The End of History and the Last Man], Barcelona, Planeta, 475 p. (In Spanish)

García Neumann J. (2023) Vitoria vs. Hobbes. Abandonar la geopolítica y asumir el derecho de gentes para un nuevo ordenamiento global [Vitoria vs. Hobbes. Abandone geopolitics and embrace the law of nations for a new global order], *Revista De Las Cortes Generales*, no. 116, pp. 439–482. DOI: <https://doi.org/10.33426/rcg/2023/116/1783> (In Spanish)

Hobbes Th. (2018) *Leviatán* [Leviathan], Madrid, Alianza, 830 p. (In Spanish)

Huntington S. (2004) *¿Quiénes somos? Los desafíos a la identidad nacional estadounidense* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity], Barcelona, Paidós Ibérica, 488 p. (In Spanish)

Iturbe M. (2012) The Natural Law in the Times of St. Francis Xavier: Francisco de Vitoria (1492–1546) in I. Arellano Ayuso, C. Mata Induráin (eds.) *St. Francis Xavier and the Jesuit Missionary Enterprise: assimilations between cultures*, Pamplona, Universidad de Navarra, pp. 71–89.

Kagan R. (2003) *Of Paradise and power. America and Europe in the New World Order*, New York, Alfred Knopf, 103 p.

Locke J. (2010) *Segundo Tratado sobre el Gobierno Civil* [Second Treatise of Government], Madrid, Tecnos, 376 p. (In Spanish)

Montenegro Baca J. (1966) Estudio de las leyes de Indias en las Facultades de Derecho Hispanoamericanas [Study of the laws of the Indies in the Spanish-American Law Schools], *Revista de Política Social*, no. 71, pp. 229–237. (In Spanish)

Solar Cayón J.I. (1998) Los derechos naturales en la filosofía política de Locke [Natural rights in Locke's political philosophy], in G. Peces-Barba Martínez, E. Fernández García (dir.) *Historia de los derechos fundamentales, Vol. I* [History of Fundamental Rights, Vol. I], Madrid, Dikynson, Universidad Carlos III, pp. 601–636.

Varela Quirós L.A. (1990) Francisco de Vitoria y sus aportes al derecho internacional [Francisco de Vitoria and his contributions to International Law], *Revista de Ciencias Jurídicas*, no. 66, pp. 217–231. DOI: <https://doi.org/10.15517/rcj.1990.15300> (In Spanish)

Vitoria F. de (2007) *Sobre el poder civil. Sobre los indios. Sobre el derecho de guerra* [On civil power. On Indians. On the right of war], Madrid, Tecnos, 212 p. (In Spanish)

Vitoria F. de (2022) *Los derechos humanos* [Human Rights], Salamanca, San Esteban, 264 p. (In Spanish)

Малинче и покорение Мексики. Попытка исторической реконструкции¹

© Садилов А.В., 2025

Александр Викторович Садилов, канд. филол. наук, профессор кафедры устного перевода ВКlЯ МИД России.

119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Аннотация. Автор выдвигает собственную гипотезу на основе источников относительно того, как протекало покорение Мексики, точнее, ее переход из-под власти Империи ацтеков под власть Испании. Согласно версии автора, поход Кортеса на Теночтитлан был лишь очередным эпизодом в ряду почти непрерывных войн ацтеков с местными непокорными племенами, завершившихся победой последних. Прибытие экспедиции Кортеса решило исход этого противостояния, поскольку испанцы стали связующим звеном той антиацтекской коалиции, которая повела развернутое наступление на столицу империи. Реальным же создателем этой коалиции была ацтекская женщина знатного рода по имени Малинче, ставшая переводчицей Кортеса. Выступив в этой роли, она сумела восполнить полное неведение Кортеса о новом для него мире, пользуясь и своим знанием местной ситуации, и свободой (и бесконтрольностью) в выражении позиций сторон, поскольку никто из других участников переговоров не мог сравнить содержание высказываний любой из сторон на входе и выходе. Эта же женщина сыграла роль главной разведчицы штаба Кортеса, поскольку только она могла общаться с лазутчиками и местными жителями, собирая сведения о передвижениях противника в ходе всей кампании. Именно блестящее выполнение ею этих ролей принесло победу коалиции.

Ключевые слова: Мексика, Испания, Конкиста, Империя ацтеков, межплеменные войны, коалиция, Кортес, Малинче, переговоры

Для цитирования: Садилов А.В. (2025) Малинче и покорение Мексики. Попытка исторической реконструкции. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Автор предпринимает попытку исторической реконструкции на основе анализа реального хода событий и их последствий, конкретного переговорного процесса и многолетнего собственного профессионального опыта участия в переговорах в качестве переводчика на высшем уровне. — *Примеч. ред.*

Malinche y la Conquista de México. Un intento de reconstrucción histórica²

© Sádikov A.V., 2025

Alexánder V. Sádikov, PhD (Filología), Catedrático del Departamento de Interpretación de la Escuela Superior de Lenguas Extranjeras del Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. 119200, Rusia, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Resumen. El autor avanza una hipótesis propia (bien que basada en testimonios) de cómo transcurrió la presunta Conquista de México o, más exactamente, la transición de aquel país de ser parte del Imperio Azteca a ser parte de España. Según esta versión del autor, la campaña emprendida por Cortés contra Tenochtitlan no fue sino un episodio más de las guerras casi ininterrumpidas libradas entre los aztecas y las tribus autóctonas, que culminaron con el triunfo de estas últimas. La llegada de la tropa de Cortés decidió el desenlace de aquella gesta, puesto que los españoles llegaron a ser la armazón que articuló toda una coalición de fuerzas antiaztecas que lanzaron una ofensiva arrolladora sobre la capital del Imperio. Y fue una mujer azteca llamada Malinche la que hizo de artífice de esa Coalición. Figuró como intérprete de Cortés y, mientras desempeñaba este papel, supo suplir la crasa ignorancia de Cortés respecto a todos los asuntos de lo que fue para él un mundo nuevo y absolutamente desconocido. Supo aprovechar al máximo tanto su experta visión de la situación vigente en el Imperio, como su libertad de expresión (y falta absoluta de control externo) a la hora de explicar las posturas de las partes contratantes, visto que ninguno de los demás interlocutores estaba en condiciones de poder contrastar las versiones de ella con los enunciados originales. Fue aquella misma mujer la que hizo de jefe supremo (y único) de la inteligencia del bando español, puesto que nadie sino ella podía comunicar con los espías y la población local recogiendo informaciones sobre los movimientos y los designios del enemigo a lo largo de toda la campaña. Fue ese excelente desempeño de ambos roles lo que al fin y al cabo aseguró la victoria de la Coalición.

Palabras clave: México, España, Conquista, Imperio Azteca, guerras intertribales, coalición, Cortés, Malinche, negociaciones

Para citar: Sádikov A.V. (2025) Malinche y la Conquista de México. Un intento de reconstrucción histórica, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

² El autor hace una reconstrucción histórica de los acontecimientos reales y sus consecuencias analizando un proceso de negociación en el marco de su propia experiencia profesional de intérprete en las negociaciones al más alto nivel. — *N. de la R.*

Malinche and the Conquest of Mexico. An Attempt at Historical Reconstruction³

© Sadikov A.V., 2025

Alexander V. Sadikov, PhD (Philology), Professor at Oral Translation Department, Higher School of Foreign Languages, Ministry of Foreign Affairs.
119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Abstract. The author sets forward a hypothesis of his own (though based on reliable sources) of the course of events that led to the subdual or, more exactly, to the loss of power of the Aztec Empire over what is now Mexico and the fall of the land under control by Spain. This version sustains that the campaign endeavored by Cortés against Tenochtitlan was only another episode of a whole series of wars waged by indigenous tribes against the Empire, wars that culminated in the victory of the former. The arrival of Cortés' expeditionary force decided the outcome of the confrontation in which the Spaniards posed as the unifying link of a coalition of antiAztec forces that launched a full-scale offensive on the capital city of the Empire. Yet it was Malinche, a woman of noble Aztec descent, who became the actual mastermind of the Coalition. Nominally she acted as Cortés' interpreter and made a superb performance, compensating for the captain's crass ignorance of all things related to the New World. She made full use of her expert knowledge of the political situation, as well as of her freedom of expression (in absence of any outer control) in the interpretation of the negotiators' standpoints, since no other participant could contrast her version of any statement with the original. The same woman also acted as the chief intelligence officer operating in the best interest of Cortés' staff, as she was the only one who could talk with scouts and local residents piecing together all bits of information concerning the moves and plans of the enemy throughout the whole campaign. And it was her brilliant performance in both the above-mentioned roles that ensured the final victory of the Coalition.

Key words: Mexico, Spain, Conquest, Aztec Empire, intertribal wars, coalition, Cortés, Malinche, negotiations

For citation: Sadikov A.V. (2025) Malinche and the Conquest of Mexico. An Attempt at Historical Reconstruction, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

³ The author undertakes a historical reconstruction of specific negotiations based on the interpretation of the real course of events and their consequences, and on his own professional experience of participation in negotiations as an interpreter at the highest level. — [EN].

Темой данной работы будет покорение Америки. Точнее, не вся история распространения власти Испанской короны на обширные пространства нового континента, а лишь один из начальных, но при этом важнейших эпизодов этой эпопеи: покорение испанцами Мексики. Подчеркнем: покорение означает не завоевание, но, скорее, подчинение, точнее, присоединение. Или даже освобождение, или взятие под защиту. Или всё перечисленное вместе взятое.

Казалось бы, история Завоевания (исп. *Conquista*) известна и многократно описана⁴. За пять истекших веков опубликованы сотни трудов на разных языках, представляющих различные аспекты Покорения, в том числе и личности главных деятелей тех событий. Однако никогда не лишне бывает бросить еще один взгляд на, казалось бы, всем известные факты и предпринять еще одну попытку переосмыслить их — с учетом того видения событий, которым не владели историки прежних времен. Историки, подчеркнем, которые сами никогда в жизни не вели, даже не наблюдали и уж тем более не переводили переговоров политических деятелей разных стран. Тем более переговоров, ведущихся в узком кругу за закрытыми дверями.

А вот все, что скрыто от глаз публики и не подлежит разглашению, может быть лишь предметом реконструкции, но не произвольной, а опирающейся на знание исторического контекста, механики дипломатии, а главное — на знание тех реальных последствий диалога, которые невозможно отрицать.

Подчеркнем: изложенное в данной статье представляет собой гипотезу, не более чем гипотезу, но основанную на общеизвестных фактах, которые содержатся в свидетельствах современников событий. Свидетельствах, также ставших достоянием мировой исторической науки. Источников существует множество, но основными для нас, по понятным причинам, стали три: донесения Эрнана Кортеса королю Испании⁵, записки Берналя Диаса «Правдивая история завоевания Новой Испании»⁶ и многотомный труд Бернардино де Саагуна «Всеобщая история событий в Новой Испании»⁷. Из них первые два были непосредственными участниками событий, а третий —

⁴ Плодотворно над этой темой работал А.Ф. Кофман. Подробнее см.: Кофман А.Ф. Кортес и его капитаны. Москва. Пан Пресс. 2007. 352 с.; Кофман А.Ф. Рыцари Нового Света. Москва. Пан Пресс. 2007. 196 с.; Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. Москва, Санкт-Петербург. Эрвез, Симпозиум. 2009. 606 с.; Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. Москва. ИМЛИ РАН. 2012. 304 с.; Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. Санкт-Петербург. Крига. В 2-х томах. 2017; Кофман А.Ф. Это стоило Перу. Санкт-Петербург. Крига. 2022. 424 с. и другие книги. — *Примеч. ред.*

⁵ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México. Madrid. Espasa-Calpe, S.A. 1984. 300 p.

⁶ Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. Москва. Форум. 2000. 400 с.

⁷ Sahagún Fray Bernardino de. Historia general de las cosas de la Nueva España. Tt. I, II. Ed. de Juan Carlos Temprano. Madrid, DASTIN, S.L. 2003.

добросовестным историком, собравшим свидетельства многих еще живых тогда участников и наблюдателей этой исторической эпопеи, о которой у нас пойдет речь. Но сначала — несколько вводных замечаний.

Что такое «Черная легенда»?

Открытие Америки распахнуло новые горизонты перед европейскими народами, привыкшими бороться за жизненное пространство. Перед ними лежал огромный неизведанный континент, манивший их не столько перспективой быстрого обогащения (о золоте Перу или серебре Потоси в тот момент еще никто не знал), сколько другими, жизненно важными для них возможностями. Безземельным крестьянам он обещал вожде ленную землю, религиозным меньшинствам — возможность скрыться от преследований, торговцам — доступ к экзотическим товарам, тогда еще воображаемым, но от того не менее желанным, профессиональным военным — возможность и далее дорого продавать свою шпагу, священнослужителям — возможность осуществить благородную миссию обращения язычников в христианство. Наконец, властителям — всё это вместе взятое плюс пленительный образ собственного величия.

Но не будем забывать и о том, что борьба за первенство в цивилизованном мире велась не только за географическое пространство и доступ к источникам богатства. Она велась и на идеологическом фронте, где каждая колониальная держава стремилась выставить себя и только себя поборницей истинно христианских и других человеческих ценностей, другие же — вместилищем корыстолюбия, бесчеловечной жестокости, прикрытым лицемерием и ханжеством. И в этой идеологической войне Испания безнадежно проиграла — во многом из-за собственной умственной ленности и проистекавшей из нее неспособности конкурировать в мире идей, — проиграла своим главным соперникам в борьбе за мировое господство — англичанам [Кеймен, 2008: 669]. А также и другим соперникам в этом же состязании — голландцам.

И мощным идейным оружием в этой борьбе стала «Черная легенда».

Бесспорно, что создатели ее опирались на многие весьма неприглядные факты реальной истории покорения Испанией Америки и владычества в ней. Такое было время. Без массовых убийств, зверств и грабежа мирного населения не обходился ни один конфликт — будь то Столетняя война между Англией и Францией (1337–1453), Крестьянская война в Германии

Берналь Диас.
Правдивая история
завоевания Новой Испании.
1632

(1524–1525), войны католиков и гугенотов во Франции (1562–1598) или же, наконец, всеевропейская бойня, вошедшая в историю под названием «Тридцатилетней войны» (1618–1648). К слову, не менее жестокой была и тянувшаяся столетиями, то затихавшая, то снова вспыхивавшая война коренного населения Америки — и Северной, и Южной — против европейских поселенцев. Но составление широкой панорамы событий не входило в планы авторов «Черной легенды». Их задачей было заклеить Испанию и не только Испанию — будучи протестантами, они вели идейную борьбу и с католической церковью, которая видела в Испании главный оплот своей доктрины. А поскольку в XX в. идеологическая борьба, получившая новое наполнение, обрела и всемирный масштаб, и особую интенсивность, «Черная легенда» без помех была взята на вооружение и в нашей стране.

Каково, если говорить кратко, содержание «Черной легенды»? В населенную мирными и кроткими индейцами Америку неудержимой лавиной вторгается армия закованных в железо испанцев. Они неуязвимы оружием индейцев, а своих врагов поражают на расстоянии огнем мушкетов, мортир и кулеврин, что повергает индейцев в ужас. В ужас их повергают и лошади, которых они видят впервые, так что поначалу даже принимают всадника на лошади за некое фантастическое двухголовое существо. Дополняют картину и свирепые проворные собаки, которых индейцы не могут убить ударами своих палиц, оснащенных острыми обломками обсидиана. Испанцы истребляют мирное население, а уцелевших обращают в рабство, эксплуатируя их или в поместьях, или на рудниках, где индейцы массами умирают от непосильного труда. Все ценное вывозится в метрополию, а испанцы становятся своего рода паразитической кастой, живущей за счет угнетаемого населения.

А на самом деле?

Для того чтобы понять, как это было на самом деле, нам придется обратиться к подлинным документам Эпохи Покорения и последующих эпох истории теперь уже Испанской Америки. Свидетельства и мнения современников событий, а также и историков последующих эпох, различны и часто противоречат друг другу. Но это обычное дело в историографии; и напротив: полное единогласие может означать только одно — тотальный контроль какой-либо действующей власти над мыслью и словом историков.

Итак, с чем столкнулись испанцы, ступив на землю Западного континента и еще ничего не зная о нем?

Действующие лица: Кортес, Малинче и другие

До момента полномасштабного вторжения на территорию нынешней Мексики, предпринятого экспедицией Эрнана Кортеса (Hernán Cortés, 1485–1547), испанцы побывали здесь лишь дважды. Сначала, весной 1517 г., это была экспедиция Эрнандеса де Кордовы (Francisco Hernández de

*Встреча между
Хуаном де Грихальвой и вождем
мая Табскообом в 1518 г.*

Córdoba, 1467–1517), которая и открыла для европейцев Юкатан. Отряд Эрнандеса подвергся нападению индейцев мая (у селения Чакан-Путум) и был почти полностью уничтожен; сам его предводитель скончался от ран уже после возвращения на Кубу. А за этой первой последовала экспедиция Хуана де Грихальвы (Juan de Grijalva, 1490–1527), который летом 1518 г. исследовал побережье Юкатана, где также был атакован местными племенами, но достойно отразил нападение, нанеся туземцам чувствительные потери. Следует отметить, что эта победа имела важные последствия для всей эпопеи покорения Мексики: она внушила индейцам мая уважение к испанцам и тем самым подтолкнула их к будущему союзу, направленному против империи ацтеков. Непосредственным следствием этого события стало

то, что, когда экспедиция прибыла в Табаско, местный вождь отнесся к ней очень благосклонно: он встретился с предводителем испанцев, и они обменялись любезностями и подарками. И здесь испанцы — в лице Грихальвы и его капеллана Хуана Диаса (Juan Díaz, 1480–1549) — впервые узнали о существовании на континенте империи ацтеков и, вероятно, о непримиримой вражде народа мая с упомянутой империей.

Ключевую роль в завоевании испанцами Мексики сыграли люди, стоявшие, скажем так, на грани двух миров. Их было трое. О них у нас пойдет речь ниже. Но сначала — о человеке, который вошел в историю как главный деятель той грандиозной эпопеи — об Эрнанде Кортесе.

Кортес

Эрнан Кортес де Монрой и Писарро Альтамирано, более известный как Эрнан Кортес, — испанский солдат удачи, завоевавший Мексику. Происходил из семьи небогатых, но знатных дворян. Два года изучал право в Саламанкском университете, однако выбрал военную карьеру. В 1504 г. отправился в Америку и обосновался на острове Ла-Эспаньола (ныне — Гаити). После административной реформы 1506 г. был назначен нотариусом и пожалован имением в местности к западу от Санто-Доминго, что обеспечило ему приличный доход.

*Хосе Саломе Пина.
Копия портрета
Эрнана Кортеса. Ок. 1879*

В 1510 г. тогдашний наместник Испанской империи в Новом Свете Диэго Колон (сын Христофора Колумба, Diego Colón, 1479/1480–1526) начал подготовку к завоеванию Кубы. Во главе военной экспедиции был поставлен Диэго Веласкес де Куэльяр (Diego Velázquez de Cuéllar, 1465–1524), а казначеем экспедиции — Эрнан Кортес. В ноябре 1511 г. Веласкес отплыл из Сальватьерры (порт на западном берегу Ла-Эспаньолы). Первым пунктом высадки стал залив Баракоа, где Веласкес провозгласил себя губернатором и основал город Асунсьон, а вскоре начал проводить политику, независимую от наместника. Однако не все его подчиненные одобрили эту политику. Они составили жалобу (а можно сказать — донос) и поручили Кортесу вручить ее Диэго Колону, но он был задержан при посадке на судно, отплывавшее на Ла-Эспаньолу, и доставлен к начальнику экспедиции. Ему удалось убедить Веласкеса в своей непричастности к какому-либо заговору и даже получить должность мэра только что заложенного города Сантьяго-де-Куба. Взамен он обещал жениться на свояченице Веласкеса — Каталине Хуарес (Catalina Suárez Marçayda, 1498–1522).

В 1518 г. Кортес добился от Веласкеса разрешения организовать экспедицию для завоевания Мексики и в ночь с 17 на 18 ноября во главе своей эскадры отплыл на запад [Дюверже, 2005].

А теперь спросим: что мог знать Кортес о стране, куда он направлялся? Ответ: практически ничего. Те немногие индейцы, которые подвизались в качестве переводчиков при испанских военачальниках, были жителями островов Карибского моря и говорили на местных языках. Их испанский был крайне примитивен и не выходил за пределы нужд бытового общения. Что они могли знать о военно-политической ситуации в империи *Мешика*, если даже не говорили на языках этой империи, а если бы даже что-то знали понаслышке, то какими словами могли бы объяснить это испанцам?

У Кортеса в период подготовки были только два переводчика — испанец Херонимо де Агилар (Gerónimo de Aguilar, 1489–1531) и индеец по имени Мельчорехо (Melchor). Но этот последний оказался, как мы увидим далее, бесполезным, да к тому же и предателем. Реальную помощь оказал только Агилар.

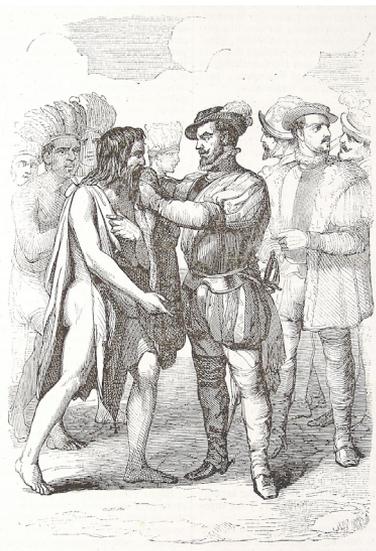
Агилар

Херонимо де Агилар, согласно некоторым источникам, до описываемых нами событий был священнослужителем (дьяконом или послушником). В 1511 г. участвовал в экспедиции на Ла-Эспаньолу под командованием капитана Педро де Вальдивии (Pedro de Valdivia, 1497–1553), но корабль, на котором плыл Агилар, потерпел крушение у берегов Юкатана. Спаслись на шлюпке несколько человек, которых две недели носило по морю, а затем выбросило на побережье Юкатана. Индейцы майя захватили их в плен, после чего капитан и четверо членов экипажа были принесены в жертву

богам. Остальных временно оставили в живых. Агилар и еще шестеро его спутников сумели бежать. Но возле Тулумы, центра соседнего княжества, они снова были захвачены в плен и обращены в рабство. К моменту высадки Кортеса в живых оставались только двое — Агилар и матрос Гонсало Герреро (Gonzalo Guerrero, ок. 1470–1536). За это время Герреро успел снова сбежать и оказался в еще одном соседнем княжестве, в Четумале, где сумел войти в доверие к правителю и через некоторое время стал военачальником, а затем и женился на знатной женщине этого племени.

Кортес знал о существовании этих двух испанцев и через доверенных людей послал им обоим предложение примкнуть к его походу. Агилар согласился, а Герреро отказался и в дальнейшем выступал на стороне тех майя, которые боролись с испанцами.

А что же Агилар? Цитируем Берналя Диаса: «Говорил он, все ещё путая испанские слова с индейскими. И он сказал, что зовут его Херонимо де Агиляр, что он уроженец Эсихи и <...> лет восемь тому назад они уцелели после кораблекрушения, он сам и другие 15 мужчин и 2 женщины, которые отплыли с Энкисо и Вальдивией из Дарьена к острову Санто Доминго, когда были беспорядки и распри, и сказал он, что <...> судно, на котором он плыл, напоролось на [риффы] «Скорпионы» и затонуло; и ему с товарищами и 2 женщинами пришлось спастись на лодке этого судна, они хотели добраться до острова Куба или Ямайки, но потеряли направление, и море выбросило их на эти берега, где их взяли в плен <...> Большинство было принесено в жертву идолам, другие, в том числе обе женщины, умерли с горя <...> В живых сейчас лишь ещё Гонсало Герреро, который, однако, отказался вернуться к своим. И ему сказал Кортес, что он будет отличен и вознагражден, и расспрашивал его о землях и поселениях. Агиляр же отвечал, что знает немного, ибо в качестве раба жил лишь на одном месте и мало что видел. А когда расспрашивал о Гонсало Герреро, то он сказал, что тот женился и у него трое детей, а сам он стал совсем индейцем — пронзил себе уши и нижнюю губу, изрезал щеки, раскрашивает лицо и тело <...> и ещё, что Герреро — силен и пользуется большим уважением...»⁸.

Херонимо де Агилар представлен Кортесу после 8 лет пребывания среди коренных жителей

⁸ Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании... С. 29–32.

Агилар и был первым учителем Малинче, а затем и ее неперменным партнером в ходе переговоров — но только до того момента, когда она почувствовала себя достаточно уверенно во владении испанским, чтобы избавиться от сотрудника — ведь он же конкурент и ненужный свидетель. После 1521 г. имя Агилара в хрониках не упоминается.

А теперь перейдем к характеристике главной героини нашего повествования — Малинче.

Малинче

Но сначала — о положении Кортеса после отплытия в Мексику. Высадившись на полуострове Юкатан у селения Табаско, Кортес посадил свои корабли на рифы, чтобы лишить их плавучести и тем самым предотвратить дезертирство своих солдат. С ним было около 400 испанцев, готовых на все в надежде на быстрое обогащение. Но сразу после высадки Кортес осознал, что ему предстояло столкнуться

*Вторжение Эрнана Кортеса в город Табаско.
Вторая половина XVII в.*

с империей, насчитывавшей миллионы подданных и, соответственно, сотни тысяч воинов. Положение со всех практических точек зрения было безнадежным, а затеянное им предприятие — безумным.

И оно обернулось бы полным разгромом и гибелью всех участников, поскольку даже бежать им было невозможно — они сами отрезали себе пути к отступлению. Но на помощь Кортесу пришли местные племена, ненавидевшие империю ацтеков и строившие планы восстания. Уточним, очередного восстания, ибо войны ацтеков с покоренными ими народами вспыхивали всякий раз с новой силой. Фактически Кортес вмешался в общеимперскую гражданскую войну, создав перевес одной из ее сторон и став ее предводителем.

Но прежде будущему предводителю предстояло показать свою силу, а майя — испытать ее. А испытать ее можно было только на себе. 14 марта, ночью, индейцы атаковали испанцев, но были разбиты наголову; вот здесь испанцамгодились и лошади, и боевые собаки, и огнестрельное оружие, и железные доспехи, и шпаги толедской стали. А также и то, что испанцы, имевшие многовековой опыт войн с маврами на территории Испании, на ночь выставляли дозоры и спали в доспехах, о чем индейцы даже не догадывались, думая застигнуть пришельцев врасплох. Это поражение как нельзя

лучше убедило майя, что испанцев лучше иметь в качестве союзников, нежели врагов. К тому же пришельцы не требовали людей для жертвоприношений — только съестных припасов и золота, не отказываясь, впрочем, и от женщин. Можно было договариваться. Но как понять друг друга?

Как уже было сказано, на тот момент у Кортеса было два переводчика — Агилар и индеец, крещенный под именем Мельчорехо. Но этот последний сбежал перед самым нападением туземцев, очевидно, сговорившись с ними. Оставался только Агилар. Но он говорил лишь на одном из диалектов языка майя (диалект *чонталь*) и мог быть понят только людьми этого народа. К северу от майя жили племена, говорившие каждое на своем языке, и договариваться с ними можно было только на ацтекском (*науа*) — официальном языке империи. Сами эти племена языка майя не знали, и переводчиков науа-майя не было в природе. Но тут Кортесу несказанно повезло!

На другой же день после пробы сил, 15 марта 1519 г., в Табаско к Кортесу явилась представительная депутация старейшин местных племен, доставивших в дар победителю несколько золотых украшений и другие подарки, и в их числе — 20 молодых женщин, среди которых выделялась своей красотой девушка по имени *Малиналли Тенепаль* (последнее слово на языке науа означает «говорливая»), которую также называли *Малинцин* (суффикс *-цин* означал «человек знатного рода», что испанцам было легче произносить как *Малинче*; правда, ее тут же крестили под именем *Марина*, а суффикс *-цин* был скалькирован на испанский, в результате чего она стала зваться *Донья Марина*). Кортес сначала отдал ее своему другу Алонсо Портокарреро (Alonso Hernández Portocarrero, ок. 1480–1524), но вскоре вернул себе. Узнав от Агилара, что девушка говорит по-ацтекски, Кортес сделал ее подручной своего единственного переводчика, чтобы тот обучил ее испанскому языку. Но обучение, при всех незаурядных способностях Малинче, требовало времени, а вести переговоры с вождями местных племен, в том числе и не говорившими на майя, надо было сейчас. Да, соседние с майя племена говорили каждое на своем языке, но по-ацтекски — на языке Империи — говорили все. Поэтому переговоры шли через двух посредников: Малинче переводила с ацтекского на майя и обратно, а Агилар, соответственно, с майя — на испанский. В ходе переговоров Малинче очень быстро осваивала испанский язык; об этом можно судить уже по тому, что в хрониках последующего периода имя Агилара почти не упоминается.

Десидерио Эрнандес
Ксочитиотцин. Малинче.
Фрагмент мурала во дворце
правительства штата
Тласкала, Мексика

Кем была эта женщина? Относительно ее происхождения существует несколько легенд, среди которых наиболее популярной является следующая: Малинче была дочерью и возможной наследницей вождя одной из ацтекских общин. Поскольку своей яркой личностью она затмевала своего ленивого и глупого брата, то их мать, чтобы избежать конкуренции, продала ее в рабство племени майя, которое, однако, помнило о происхождении девочки и держало ее как секретное оружие против ацтеков на будущее. И по стечению обстоятельств это секретное оружие сработало. И не было ли само появление Малинче в стане испанцев исполнением хитроумного замысла старейшин майя? Если это так, то замысел сработал так и с такой силой, какой никто из них даже не ожидал.

В первые же дни, когда Агилар открыл для себя Малинче и доложил о ней Кортесу, начались их регулярные встречи втроем — надо было срочно готовиться к переговорам с вождями майя. А когда эти переговоры начались, то можно предположить, что Кортес, Агилар и Малинче обсуждали тонкости политических событий на всем пространстве огромной империи Мешика.

Малинче и Эрнан Кортес.
Иллюстрация к «Истории Индий Новой Испании»
Диего Дурана. Вторая половина XVI в.

А теперь реконструируем эту картину событий. Мы не знаем, какими словами описывала ее Малинче и как это звучало в переводе Агилара на испанский, но мы знаем о ней из трудов испанских хронистов, и прежде всего из монументального трактата выдающегося испанского гуманиста, историка и этнографа Бернардино де Саагуна (Bernardino de Sahagún, с. 1499–1590) «Всеобщая история событий в Новой Испании». Разумеется, мы опираемся и на работы современных историков и воссоздаем эту картину не на языке Агилара, а на языке науки XX–XXI вв. [Caso, 1953; Orozco Linares, 2015].

Итак, что представляла собой *Империя Мешика* (т.е. государство ацтеков)? В самом общем плане можно сказать, что это была монархия, но монархия своеобразная. Во главе государства стоял император (*Tlatoani*), власть его была абсолютной, но не наследственной. После смерти очередного правителя его преемник избирался, при этом право голоса имели только представители знати. Привилегированными сословиями были, как водится, знать и жрецы. Но знатными ацтеками могли стать и становились наиболее доблестные и искусные воины из простонародья.

Все ацтеки в детстве учились в государственных школах. Проявившие особые способности к грамоте, музыке или спорту отбирались и становились профессионалами, будь то в системе государственного управления, религиозного культа или в сфере развлечений. Остальные в возрасте 15 лет проходили обучение боевым искусствам и становились воинами.

Война считалась главным предназначением мужчины. Те из молодых, кто в первых же сражениях сумел захватить двух-трех пленников, становились профессиональными военными, и таковых было большинство. Содержать их должны были их пленники. Кроме того, они получали вознаграждение от государства за каждого вновь захваченного пленного. Кто в первых трех сражениях не захватил ни од-

Ранжирование ацтекских воинов в зависимости от их достижений. Кодекс Мендоса. Ок. 1541

ного, переходил в сословия крестьян, ремесленников или торговцев. Будучи чистокровными ацтеками, они также причислялись к господствующей касте и могли иметь рабов из числа людей покоренных народов. Но подлинно привилегированной кастой были все же воины.

Что означало господство ацтеков для сопредельных народов? Конечно, их облагали данью, что свойственно для любой империи. Но, кроме того, они подпадали под власть чиновников-ацтеков, присланных из центра. Чиновники имели право стогнать их на любые работы в интересах центральной власти, принудительно включать их контингенты в армию Империи и вообще творить любой произвол. Самое же страшное: от них требовалось ежегодно поставлять молодых людей для человеческих жертвоприношений. По свидетельству хронистов, за один день какого-либо крупного религиозного праздника на всей территории Империи могло быть принесено в жертву до 80 000 человек [Hassig, 2003: 46–51]⁹.

И как способ обеспечить поступление жертв на алтари ацтеков, последние ввели обычай, получивший название «цветочных войн» (по-испански *guerras floridas*, буквальный перевод с языка науа). То есть периодически, по соглашению с вождями племен (естественно, навязанному им), начиналась война, но не за земли, поскольку к окончанию ее стороны оставались на своих местах, а за жертвы [Хаген, 2020]. Существовала строгая ротация:

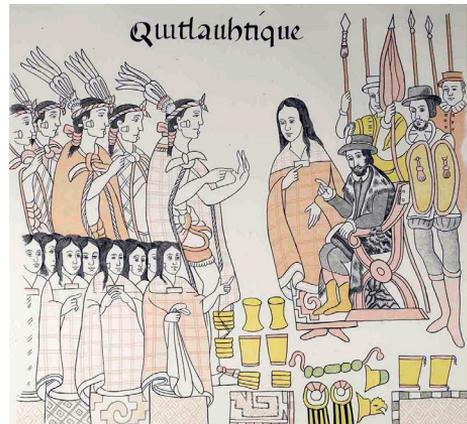
⁹ Durán D. Historia de las Indias de Nueva España y islas de Tierra Firme. T. I. México. Imp. de J.M. Andrade y F. Escalante. 1867. 536 p.

Теночтитлан, Тлакопан и Тескоко начинали войну с тем или иным племенем попеременно, в установленные сроки. Часть воинов той и другой стороны гибла на поле боя, а часть попадала в плен и позже приносилась в жертву на алтарях.

В 1517 г., т.е. незадолго до высадки испанцев, началась еще одна межэтническая война — на этот раз ацтеки наступали на земли тласкальтеков, племени, населявшего территории атлантического побережья. Тласкальтеки сопротивлялись упорно, но они были обречены на поражение в силу уже лишь численного превосходства ацтеков. Точнее, были бы обречены, если бы не... если бы не Кортес и Малинче.

А теперь вернемся к нашему повествованию. План Малинче выглядел примерно так. «С маяя нужно договориться как можно скорее и любой ценой. Обещай все, что угодно, и ничего от них не требуй. Ну, разве немного золота, ну и женщин тоже, этого добра им не жалко. Но главное — воинов. Маяя ненавидят ацтеков, и 10–20 тысяч они дадут. Главное — начать. А дальше мы идем в земли тласкальтеков и тотонаков, вот наша главная ставка. Потому что для них война с ацтеками — это вопрос жизни и смерти, и мы — их спасение. И еще. Я буду присутствовать на всех переговорах. Я знаю маяя так, как их не знает Агилар (*а уж ты-то их не знаешь и вовсе* — что, конечно, не было сказано вслух). Я подберу нужные слова. И к тому же они знают, что я ненавижу ацтеков не меньше, чем они, и уже поэтому они мне поверят».

Мы не присутствовали на этих тайных беседах и не ручаемся за верность формулировок. Но последствия говорят сами за себя. Переговоры имели успех, причем невероятно скорый, хотя — и это знает любой профессиональный переговорщик, и переводчик переговоров тоже — в подобных случаях они всегда замедляются необходимостью двойного перевода в обе стороны и множеством деталей, нуждающихся в обсуждении. Любой профессионал также знает, какой путь в плане обучения надо пройти, прежде чем человек будет готов к подобного рода общению. Агилар ничего не знал о положении дел в империи ацтеков — мир для него кончался деревенской околицей. Он говорил на одном из диалектов языка маяя, но его общение с односельчанами, как легко догадаться, не выходило за пределы бытовых вопросов. Фактически можно говорить о том, что переговоры вела Малинче. Кортес задавал общую линию; у него была одна цель — война и победа, при его весьма ограниченных

Малинче и Эрнан Кортес принимают подарки от тласкальтеков. Изображение из ацтекского полотна «Льенсо де Тласкала». 1552

средствах недостижимая. Необходимо было создание коалиции. Повторим, о внутренней ситуации в империи Кортес поначалу не знал абсолютно ничего; все, что он узнавал, шло от этой женщины. Но быстро вникать в ситуацию было для него вопросом жизни и смерти.

При всех технических трудностях двуязычного, а затем и трехязычного общения, переговоры были облегчены фактором обоюдного стремления сторон как можно скорее договориться о боевом союзе. Против империи ацтеков выступили не 400 испанцев, а десятки тысяч коренных жителей Мексики, для которых испанцы были лишь организующей силой и боевым авангардом. И даром небес.

Итак, боевой союз с майя был заключен, и Кортес во главе сил коалиции пошел на запад, на Теночтитлан. На его пути лежали земли тотонаков, данников ацтеков. Административными центрами территорий этого племени были Киауицтлан (*Quiahuiztlán*) и Семпоала (*Sempuala*). Ранее здесь уже побывал Хуан де Грихальва, который сумел завязать дружеские отношения с местными старейшинами. Этот уже сложившийся контакт и, несомненно, общность интересов предопределили успех переговоров: тотонаки примкнули к коалиции.

Но для того чтобы это удалось, Кортесу и Малинче пришлось разыграть ловкую интригу: они уговорили старейшин тотонаков отказаться платить дань ацтекам и взять под стражу пятерых прибывших сборщиков налогов. После этого Кортес как бы устроил побег двоим из них и просил их сообщить императору Монтесуме (*Moctezuma Xocoyotzin*, 1502/1503–1520), что это тотонаки устроили мятеж, Кортес же якобы старается выступить в роли посредника и миротворца. Тем самым завязывались как бы союзнические отношения с императорским двором, но одновременно тотонаки освобождались от дани и, в целом, от политической зависимости от ацтеков. Жажда мести и стремление к независимости этого племени тем самым были удовлетворены, и на волне энтузиазма 1300 воинов-тотонаков сразу же примкнули к армии коалиции.

Следует отметить, что далеко не все индейские общины были готовы воевать, но они быстро вычислили, что надо выбирать меньшее из двух зол: пришельцы отнюдь не такие кровожадные, как ацтеки, они не требуют людей для жертвоприношений; им нужен только «товар», т.е. продовольствие, золото, которое для индейцев было всего лишь материалом для украшений, подобно современной нам латуни, и женщины, но отнюдь не для принесения в жертву. Поэтому, рассудили индейцы, надо делиться с пришельцами «товаром», и они уберутся. И пойдут себе дальше, на Теночтитлан. И до поры до времени это удавалось.

Не вдаваясь в подробности, которые можно легко почерпнуть из хроник, мы можем лишь отметить, что в дальнейшем продвижении Кортеса общая схема событий, имевших место в Киауицтлане, повторилась

и в Семпоале, и в Табаско, и в Тласкале, и в Чолуле. Местные племена и их вожди, разрываемые чувством вражды к ацтекам, страха перед ними и благоговейного ужаса перед белыми посланцами богов, сначала подвергали испанцев испытанию боем, а затем, будучи разбиты — не без помощи теперь уже войска тотонаков, которые не питали никаких дружеских чувств к тласкальтекам, — примыкали к армии вторжения и шли на столицу империи, чтобы отомстить за угнетение, а заодно и напитать кровью ацтекских пленников свои собственные капища. Для них это было и мстью за «цветочные войны», в которых ранее им приходилось терпеть унижительные поражения [Prescott, 2001].

Напомним, что в Чолуле, уже на собственно ацтекской территории, индейцы готовили засаду с последующим истреблением армии вторжения, для чего впустили в город только испанцев и потребовали от войска тотонаков расположиться поодаль. Но замысел был сорван благодаря дипломатическому, да и актерскому таланту Малинче. Бродя по городу, как бывало и прежде, босиком, в простом белом холщовом платье — одеянии бедных ацтечек — она сумела разговаривать одну местную женщину, которая и открыла ей планы местных старейшин. А именно: в окрестностях города изготовились к ночной атаке 50 000 воинов-ацтеков. Местные жители должны были по наступлении темноты

Феликс Парра. Фрагмент картины «Эпизоды конкиссты. Резня в Чолуле». 1877

выкопать ямы-ловушки, куда будут падать пришельцы, когда заметаются, услышав сигнал тревоги и страшный вой атакующей орды. Штурм будет внезапным и всесокрушающим; не выживет никто из пришельцев. «Так что, девушка, тебя видели среди этих белых, тебя ждет смерть, беги сейчас же». И Малинче побежала — прямо к Кортесу. И испанцы тут же вышли из города и расположились на окрестных высотах, рядом с позициями тотонаков. Контрудар ацтеков был сорван. Ворвавшись в город, они не застали там врагов, боевой задор упал. Они все же предприняли попытку штурмовать позиции союзной армии, но были отбиты и отошли вглубь страны. А в сознании местного населения еще раз укрепился

Малинче.
Мексиканская гравюра XIX в.

И Малинче побежала — прямо к Кортесу. И испанцы тут же вышли из города и расположились на окрестных высотах,

миф о божественном происхождении пришельцев и их сверхчеловеческом разуме, позволяющем им проникать в замыслы всех противостоящих им человеческих созданий. Но об этом мифе — мифе о божественном происхождении пришельцев — нам еще предстоит говорить.

Не в первый и не в последний раз Малинче удалось направить ход истории в нужное ей русло. Поход на Теночтитлан продолжался.

Как происходило покорение: психологические аспекты

Если для психологического воздействия на племена, подвластные ацтекам, было достаточно лишь небольшого усилия, чтобы вызвать в них очередной взрыв ненависти к ацтекам, то по вступлении на собственно ацтекскую территорию надо было задействовать иные механизмы.

В сознании ацтеков — и Малинче знала эту легенду — на протяжении многих десятилетий существовал миф о боге Кетцалькоатле [Ricard, 1999]. Согласно этому поверью, Кетцалькоатль покинул пантеон богов и ушел за море в направлении на восход солнца, но обещал вернуться. По преданию, он был светлокж и бородат и носил на голове оперение птицы — что многие историки толкуют теперь как воспоминание о каких-то европейцах, возможно, греках, а может быть и о викингах, которые достигли побережья Мексики, жили некоторое время среди местных племен, а потом отбыли обратно через океан, обещав вернуться. Суеверные ацтеки и подвластные им племена жили с предчувствием этого возвращения, одни со страхом, другие — с надеждой на освобождение, и для всплеска этих чувств нужен был лишь конкретный повод.

Легенда была очень живуча среди всех народов империи Мешика, и именно на нее сделала ставку Малинче теперь, когда армия вторжения вступила в земли ацтеков. И самое главное — что самым суеверным человеком в империи был император Монтесума. Еще до появления испанцев к нему доходили вести о небесных знамениях. И, конечно, не случайно сразу же после первых известий о появлении из-за моря, с востока, бородатых людей с белой кожей и перьями на голове Монтесума приказал своим наместникам создать ряд наблюдательных постов в восточных землях страны и пристально следить за передвижениями и действиями пришельцев.

*Монтесума II наблюдает пролет кометы.
Иллюстрация к «Истории Индий Новой Испании»
Диего Дурана. Вторая половина XVI в.*

Наиболее полное изложение зловещих предвестий будущих бедствий, которые повергали в ужас ацтеков, начиная с самого императора, мы находим у Бернардино де Саагуна, в 12-й книге его фундаментального трактата «Всеобщая история событий в Новой Испании».

Еще в 1510 г. при дворе Монтесумы побывал тогдашний правитель Тескоко и вассал Монтесумы Несауальпилли (Nezahualpilli, 1464–1515), прославленный как великий провидец. Он предсказал бедствия, которые обрушатся на ацтекские города через несколько лет, и те знамена, которые будут их предвосхищать. Сам предсказатель умер в 1518 г., но некоторые из его пророчеств стали сбываться еще при его жизни.

И, на счастье испанцев, человеком, который наиболее истово верил в мифы, предсказания и предвестия, был не кто иной, как император *Монтесума* (в других произносительных версиях — *Моктесума* и *Мотекусума*).

Да, он постоянно засылал лазутчиков по всему пути следования испанцев, он направлял посольства, которые делали Кортесу драгоценные подношения, он, наконец, устраивал засады, как это было в Чолуле... Но что могли сказать ему лазутчики о происхождении пришельцев и о тайнах их смертоносного оружия, что могли сказать ему послы, кроме того, что внушала им Малинче — теперь уже бесконтрольно, поскольку свидетелем ее общения с посланцами ацтеков Агилар, не зная их языка, уже быть не мог, а Кортес и подавно. А срыв всех нападений и засад только усиливал веру Монтесумы в то, что он столкнулся с высшей силой. И лучше подчиниться или хотя бы маневрировать — иначе кара богов будет ужасна! Продвижение пришельцев продолжалось, а их армия продолжала расти.

Как происходило покорение: ход событий

8 ноября 1519 г. армия вторжения достигла Теночтитлана. Взорам потрясенных испанцев открылся огромный город, расположившийся на острове посреди озера Тескоко и соединенный широкой дамбой с южным побережьем озера. На этой дамбе и произошла встреча Монтесумы с Кортесом. Позади императора стояла его свита в праздничных одеяниях, рядом — его брат Куитлауак (Cuitlahuac, 1476–1520) и племянник Какаматцин (Casamatzin, 1483–1520). Рядом с Кортесом шли Агилар и Малинче, теперь уже одетая, как принцесса. Вожди обменялись цветистыми приветствиями, а затем воспаривший на седьмое небо Кортес совершил очередную,

*Портрет Монтесумы II.
Ок. 1680*

не первую и не последнюю из тех глупостей, от которых его наверняка предостерегала Малинче, — он попытался обнять императора. Стоявшие рядом Куитлауак и Какаматцин оттолкнули его: никто не имел права коснуться императора, любая попытка такого рода каралась смертью.

Инцидент остался не замеченным внешними наблюдателями, и император сказал длинную и цветистую приветственную речь. Вот ее характерный фрагмент в переводе Малинче и Агилара, причем отнюдь не исключено, что он был подправлен Малинче в самом процессе перевода, а затем — и Кортесом в его донесении королю (мы опускаем повторы): «Господин мой, ты устал, ты изнурен. Ты пришел в свою землю, ты пришел в свой город, Мешико, ты пришел сесть на свое место, на свой трон. О, его пришлось хранить для тебя некоторое время, его хранили для тебя те, кто ушел, те, кто замещал тебя <...> Вот что было сказано нам нашими правителями <...> что ты придешь и потребуешь свой трон <...> Войди в свою землю, войди и отдохни, вступи во владение своими царскими дворцами, насыть свое тело»¹⁰.

Вслед за тем Монтесума предложил Кортесу занять часть помещений в императорском дворце Ашаякатль. Вместе с Кортесом в город вошли все испанцы и значительная часть верных им тотонаков.

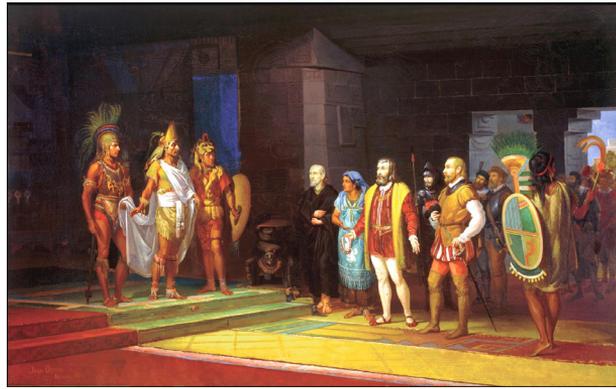
На следующий день прием повторился уже в императорском дворце, начавшись также с приветственной речи Монтесумы, подобной первой. А затем, в ходе переговоров, Кортес сделал еще одну глупость, на этот раз грандиозную, сразу вооружившую против него и ацтекскую знать, и жречество, а через них — и простой народ. Он потребовал, чтобы испанцам дали возможность воздвигнуть на вершине одного из главных *теокалли* — священных пирамид, на вершине которых стояли статуи богов и приносились человеческие жертвы — изваяния Креста и Девы Марии. Ничего более святотатственного для ацтеков нельзя было и придумать! Что творилось в этот момент в душе Малинче, можно только догадываться. Однако она ничем себя не выдала — она держалась с достоинством и смотрела прямо в лицо Монтесуме и его вельможам — а ведь все подвластные ему должны были смотреть не прямо, а куда-то вбок! Это было неслыханно, тем более для женщины явно из народа ацтеков; это повергало в изумление весь двор и жрецов, но еще более шокировала их кощунственная выходка Кортеса.

*Встреча Кортеса и Монтесумы.
Вторая половина XVII в.*

¹⁰ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México...

Весть об этом сразу же разнеслась по стране, и несколькими днями позже ацтеки отреагировали. Их отряд напал на один из гарнизонов, оставленных Кортесом на побережье, и убил семерых испанцев и многих тотонакских воинов. 14 ноября об этом стало известно в столице, и Кортес в сопровождении семи своих офицеров, Агилара и Малинче явился к Монтесуме и потребо-

Хуан Ортега. Монтесума принимает Кортеса. 1885

вал сурового наказания виновных, а от самого Монтесумы — немедленно перебраться в ту часть дворца, в которой располагались испанцы, сказав, что речь идет о его жизни. Отказаться было невозможно, и бывший император стал пленником и заложником испанцев. Впрочем, атрибуты своей власти он сохранял и далее, на протяжении еще оставшихся ему нескольких месяцев жизни.

Неизвестный художник. Пленение Монтесумы Эрнаном Кортесом. 1783–1800

Формально он оставался верховным правителем и имел право издавать указы, но все теперь делалось под контролем Кортеса. Так, он распорядился передать пришельцам часть сокровищницы золотых украшений, которые испанцы тут же перелили в слитки, чтобы отправить часть их королю, остальное же разделили между собой. Народ продолжал верить своему повелителю, но среди высшей знати и воинов уже зрел заговор против него и пришельцев.

Но это было во внешнем мире. А что происходило во дворце, который охранялся по внутреннему периметру испанцами, а по внешнему — их союзниками?

Монтесума оставался императором, он принимал у себя придворных и военачальников, проводил совещания, давал указания по вопросам внутренней политики, пытался улаживать конфликты, возникавшие между оккупантами и местным населением, включая ацтекское воинство, жречество и простонародье. Но он был пленником и знал это, пусть и был он пленником на особом положении. Он пользовался свободой передвижения в пределах дворца,

придворный ритуал оставался тем же, включая и рацион питания. Свой стол он делил с наиболее близкими ему придворными, а также с Кортесом и его высшим офицерами. Но главное — он проводил все больше времени, общаясь с Кортесом через посредство Малинче. Мы говорим «через посредство», но это было весьма своеобразное посредство.

О чем они говорили? Ни один из трех не оставил воспоминаний об этих беседах. Их можно только реконструировать. О чем мог говорить Монтесума? О славном прошлом своей империи, о нынешнем ее положении, о верованиях, нравах и обычаях ацтеков — то есть обо всем том, что было полувеком позже описано в трудах Бернардино де Саагуна. Но Саагун работал над своими трудами долго и вдумчиво; Малинче же приходилось излагать весь сложный мир представлений Империи Мешика и строй мысли ее повелителя на своем еще весьма примитивном испанском языке, и неизвестно, как это у нее получалось. Кортес вежливо слушал, но его всё это мало интересовало: он привык мыслить конкретно и практически; скорее всего, слушая Монтесуму и кивая головой, он думал о том, куда и какой отряд своих войск следует передвинуть и какую очередную интригу затеет против него его давний враг Диего Веласкес де Куэльяр. Неслучайно в отчетах Кортеса королю мы не найдем никакого пересказа словоизлияний Монтесумы.

А обратная сторона? Что говорил, что мог говорить Кортес? У него было некоторое образование, сначала общее, затем — юридическое. У него было некоторое представление о событиях в Европе, о положении внутри Священной Римской империи, во главе которой стоял император Карл V, он же — Карл I Испанский. Он, Кортес, был просто обязан превозносить величие своего повелителя, как это обязаны были делать все подданные короны Габсбургов, тем более что они знали, что стены имеют уши. Этот механизм был внедрен в них глубоко, он действовал просто на уровне подсознания. Конечно, подданный испанской короны обязан был превозносить ценности христианской религии. Но вот как донести весь круг своих знаний до сознания человека из совсем другого мира — об этом он не имел ни малейшего представления. И эта пропасть между реальностью любого межъязыкового и межкультурного общения, с одной стороны, и представлениями каждого из участников общения — с другой — это та проблема, с которой сталкивается любой переводчик, точнее, не любой, а только тот, который способен ее осознать.

*Малинче переводит встречу Кортеса и Монтесумы.
Иллюстрация из «Всеобщей истории событий в Новой Испании»
Б. де Саагуна. XVI в.*

И тут вступала в действие Малинче. Она сама не могла разбираться в перипетиях европейской политики, во внутренних делах Империи Габсбургов и Испанского королевства, в тонкостях христианской религии. Она могла и не понимать многого из того, о чем говорил Кортес. Она вынуждена была интерпретировать и фантазировать. Но фантазировать не просто, а с опорой на мифологию и религиозное сознание ацтеков [Séjourné, 1957: 58–90] — вот относительно них-то она была в курсе. И здесь она действовала бесконтрольно, поскольку Кортес не мог сопоставить то, что говорил он, и то, что говорила она, а Монтесума внимал ей заворожённо, поскольку его собственное, в высшей степени мистическое сознание нуждалось в постоянной подпитке плодами собственного и чужого воображения.

И опять-таки, можно лишь с определенной долей вероятности реконструировать то, что выходило из уст Малинче в то время, как она якобы переводила высказывания Кортеса. То, что она была способна в минимум времени понять из христианского вероучения, перевоплощалось в некий сплав европейских и ацтекских представлений (возможно, и с примесью элементов религии майя). Главная же установка была ясна: доказать тезис о божественном происхождении пришельцев, сынов Кетцалькоатля (скорей всего, в его роли выступал император Карл V), исполнителей воли богов, которые обладали сверхчеловеческим разумом пришельцев, дающим им возможность предвидеть все передвижения противостоящих им войск, обходить их засады и наносить им поражения — кто мог знать, что за этим стояла сама Малинче. И, добавим, ее разведслужбы, поскольку единственным человеком в стане испанцев, кто мог выслушивать и анализировать донесения лазутчиков из среды местных жителей, была всё она же!

Повторим, всё то, что говорилось теперь Монтесуме, уже внушалось ранее вождям и старейшинам всех племен, встреченных испанцами на пути от Атлантического побережья до Теночтитлана. И естественным будет предположить, что в ходе всех этих бесед эта гениальная женщина совершенствовала свой способ доказательства, принимая во внимание все сомнения и возражения, которые выдвигали собеседники, и учитывая те особенности их образа мысли, к которым следовало адаптировать свои доводы. Она действовала творчески и совершенно бесконтрольно — ни Кортес, ни его офицеры, ни Агилар и представить себе не могли, что говорит туземцам эта женщина якобы от имени испанской стороны.

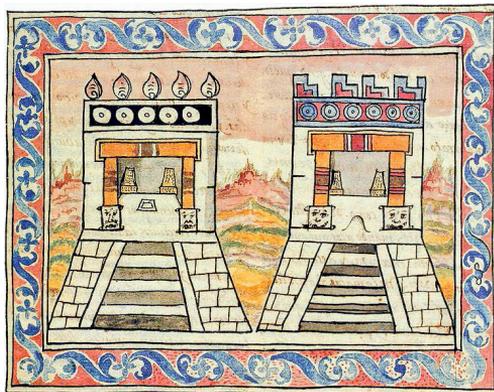
*Ацтекское божество
Кетцалькоатль*

Все это давало свои плоды — и ранее, на просторах Империи, и сейчас, во дворце Ашаякатль. Монтесума всё больше поддадал под влияние личности Кортеса — точнее, того образа Кортеса, который разыгрывала перед ним Малинче, — и всё больше проникался сознанием правильности избранного им пути: не противиться воле богов, иначе кары будут неотвратимы и неисчислимы и для него лично, и для всего народа Империи. Будучи человеком слабым, впечатлительным, внушаемым, он даже без внутреннего сопротивления становился орудием двух неизмеримо более сильных личностей — нам известно, каких. И нам ясно, какой из двух в большей степени, поскольку Малинче, с ее независимой манерой держаться, невысказанной ни для одной индейской женщины, с ее владением тремя языками, представлялась ему существом высшего порядка, лишь принявшим на время обличье ацтекской принцессы.

Последующий ход событий, ставших трагическими для всех сторон, был ускорен самими испанцами. В мае Кортес узнал, что на побережье высадился отряд под командованием Панфило Нарваэса (Pánfilo de Narváez, ок. 1470–1528), посланный губернатором Кубы (и всего Карибского архипелага) Диего Веласкесом. Задача — сменить Кортеса на посту командующего экспедицией, арестовать его и препроводить на Кубу, в распоряжение губернатора. Кортес двинулся им навстречу с частью своих войск, имея целью объяснить своим соплеменникам бессмысленность их задачи, а по возможности — и переманить их на свою сторону. В значительной степени это ему удалось, и он вернулся в Теночтитлан с подкреплением. Но было уже поздно.

В его отсутствие его ближайший помощник Педро де Альварадо (Pedro de Alvarado, 1485–1541) совершил чудовищную глупость, которая превосходила по масштабам все глупости Кортеса и едва не привела к крушению всего грандиозного замысла покорения Мексики.

В июне ацтеки отмечали праздник Тошкатль — праздник бога Уицилопочтли. Знатные люди империи и города, военачальники, жрецы и множество другого народа — всего в количестве около 600 человек — собрались для богослужения в храме этого бога в центре Теночтитлана. Они заранее испросили и получили разрешение Альварадо на это собрание. При этом они не были вооружены. Но, очевидно, испанскому командиру поступил донос, который в отсутствие Малинче некому было отфильтровать, о том, что якобы готовится мятеж. Альварадо

*Темпло Майор, Теночтитлан.
Иллюстрация к «Истории Индий
Новой Испании» Диего Дурана.
Вторая половина XVI в.*

приказал запереть снаружи все двери храма, кроме одной, через которую в храм ворвались вооруженные испанцы. Большинство собравшихся было перебито. И теперь всеобщего восстания было уже не избежать. В один из последующих дней Монтесума вышел на стену дворца и обратился к бушующей толпе в намерении отговорить ее от восстания. Но народ уже разуверился в своем императоре, в него полетели камни, и одним из них он был ранен в голову. Рана была тяжелой, и через три дня император скончался. Трон занял его брат, воинственный Куитлауак.

Через несколько дней в столицу вернулся Кортес с подкреплением в 1300 воинов. Но взрыв страстей был уже неотвратим. Тысячи ацтеков осадили дворец. Во дворце неизбежно должен был наступить голод, после чего пришельцы становились легкой добычей осаждавших. Осажденным надо было принимать решение. В ночь на 30 июня испанцы и дружественные им тотонаки оставили город. Для них наступила так называемая «Ночь печали» (исп. *La Noche Triste*). Драматические события той ночи подробно и красочно описаны и в воспоминаниях современников, и в хрониках, и в трудах историков последующих эпох. Эти описания открыты для всех желающих.

Время, однако, работало против ацтеков. В империи разразилась эпидемия оспы и других болезней, от которых люди гибли тысячами, начался голод. И когда армия Коалиции: «испанцы — тласкальтеки — тотонаки — майя — отоми и все примкнувшие» — все, кто почувствовал долгожданный запах свободы и запах ацтекской крови, — возобновила наступление, она встретила очень слабое сопротивление. На стороне Империи выступил только один, близкий и союзный ему город Тлателолько.

Войска Коалиции осадили столицу как с суши, поскольку они блокировали все дамбы, связывавшие остров с материком, так и с водного пространства — привезенные Кортесом на колесах и спущенные здесь на воду бригантины разгоняли и топили ацтекские пироги. Город лишился подвоза продовольствия и не только — союзные войска разрушили акведук, снабжавший его питьевой водой.

Город во главе с новым императором Куаутекомом (Cuauhtemoc, 1521–1525) держался 8 месяцев. Когда союзники предприняли первую попытку штурма, окончившуюся неудачно, ацтеки в один день принесли в жертву своим богам 70 испанцев-военнопленных. Среди пленников был,

Рукопись «Полотно Тласкалы» содержит множество описаний и 156 чернильных рисунков, посвященных эпизодам борьбы ацтеков с испанцами. Ныне находится в университете города Глазго. Труд под названием «Descripción de la ciudad y provincia de Tlaxcala de la Nueva España...» был подготовлен к печати в период между 1580 и 1585 гг. историком Диего Муньосом Камарго.

в частности, Кристобаль де Гусман, спасший самого Кортеса от неминуемой гибели в «Ночь печали». Гнев Кортеса и всех испанцев и жажда возмездия с их стороны не знали границ. Этот акт знаменовал собою конец попыткам Кортеса договориться с Куаутемоком о почетном мире. Судьба Теночтитлана была решена.

Отметим, кстати, что в еще больших количествах ацтеки приносили в жертву и союзных испанцам майя, тласкальтеков, тотонаков и прочих. А воины упомянутых племен платили ацтекам тем же — и в силу обычаев, и из чувства мести за все прошлые унижения. Но Кортес не вмешивался во взаимоотношения аборигенов; момент запрета на противные христианству человеческие жертвоприношения был еще впереди.

Руины комплекса Темпло Майор древнего Теночтитлана. На фоне — Кафедральный собор Мехико

Теночтитлан был полностью разрушен — сначала огнем артиллерии, затем усилиями тласкальтеков; пожар довершил дело. Вскоре после этого началось строительство нового города, теперь уже по европейскому образцу, но ацтекам было запрещено селиться и здесь, и на других островах озера Тескоко. Та же судьба постигла и город Тлателолько.

* * *

Подведем итоги. По подсчетам историков, всего на стороне Империи ацтеков в войне 1519–1521 гг. сражалось около 200 000 воинов; на стороне Кортеса — около 2000 испанцев и примерно 100 000 воинов коалиции племен, созданной Кортесом и Малинче (при решающей роли последней). Это лишь приблизительные оценки; в любом случае силы были сопоставимы. Но тут-то и сказался тот дополнительный фактор, который и решил исход кампании. Это превосходство испанцев, боевого авангарда Коалиции, в вооружении. Здесь, разумеется, сработали и стальные доспехи, и шпаги толедской стали, и кавалерия, и мушкеты, и мортиры, и кулеврины, но этот фактор был бы ничтожным, если бы он был единственным. При равенстве же сил любое дополнительное преимущество может оказаться — и часто оказывается — решающим.

Но был и еще один фактор, работавший на испано-тотонакско-тласкальтекскую коалицию: организационный. До появления испанцев войны между коренными жителями Америки носили характер беспорядочных столкновений — столкновений на поле боя неуправляемых орд разъяренных

людей, одержимых одной идеей: сначала бешеным натиском сломить сопротивление противника, а затем — не убивая уже поверженных врагов, взять как можно большее количество их в плен, чтобы в последующие дни торжественно принести в жертву своим богам. Те же планы они строили и в отношении испанцев: не убивать, а брать в плен живыми.

Пришельцы же, за плечами которых стоял многовековой опыт европейских войн, во главу угла ставили общий план сражения: взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии, причем действия пехоты были также дистанционными — сначала нападавших индейцев разили огнем мушкетов и стрелами арбалетов, оружия гораздо более эффективного, чем луки и даже чем мушкеты того времени. Одновременно работала артиллерия. Потом, при сближении, в дело шли шпаги, наносившие молниеносные точечные удары, опережавшие удары индейских палиц. И наконец, дело завершала атака кавалерии, которой, при всей ее малочисленности, индейцам нечего было противопоставить. И главная идея испанцев в бою была: убивать или любым способом выводить противника из боя. Сражение надо выигрывать любой ценой. Сломить противника, а не брать его в плен. Этим пусть занимаются тласкальтеки и тотонаки, если им это нужно... А для европейцев главное — преодолеть натиск атакующего противника; остальное сделают союзники.

А если к этим чисто военным факторам добавить и фактор психологический, и тот, который мы условно называем «демографическим», то победа атакующей стороны predetermined. Под демографическим фактором мы понимаем здесь воздействие контактов разных этносов на численность населения. Если говорить точнее, то речь идет о грандиозной убыли населения в результате занесенных европейцами вирусных заболеваний, перераставших на вновь открытом континенте в опустошительные эпидемии.

При этом важно подчеркнуть, что описанные демографические процессы тесно переплетались с упомянутым выше психологическим фактором. Проще говоря, массовая гибель людей от неведомых ранее недугов подрывала волю народа к сопротивлению. По мере распространения болезней в народе росло убеждение, что смерть стольких людей есть месть богов за сопротивление народа их посланцам — пришельцам с востока. И это как раз то, что внушала старейшинам местных племен Малинче. В результате всё больше людей предпочитали отбросить саму идею сопротивления и покориться судьбе. А покориться судьбе означало подчиниться новой власти. Что и стали делать местные племена сразу же после падения Теночтитлана.

А какова же была дальнейшая судьба Малинче? В 1522 г. она родила Кортесу сына, которого при крещении назвали Мартином и который в дальнейшем стал испанским аристократом. Кортес выстроил для нее и сына дом в Койоакане, предместье Теночтитлана, но так и не женился на ней, очевидно, мечтая о женитьбе на испанке знатного рода, что впоследствии

и произошло. А вскоре Кортес разлучил Малинче с сыном, взяв ее с собой в уже упомянутый поход в Центральную Америку и отдав сына на попечение одного из своих офицеров. Во время этого похода Малинче вышла замуж (возможно, по настоянию Кортеса) за одного из испанских офицеров, Хуана де Харамилью, в результате чего стала испанской дворянкой и владелицей поместья в окрестностях отстраивавшегося на развалинах Теночтитлана города Вера-Крус (ныне — Мехико). В этом браке она родила дочь Марию. В 1528 г. Кортес отбыл в Испанию, взяв с собой сына Мартина, и Малинче не суждено было более увидеть ни того ни другого.

Официальных сведений о дальнейшей жизни нашей героини нет. Историки предполагают — на основании отсутствия каких-либо упоминаний о ней — что она умерла в конце 1520-х – начале 1530-х гг. в ходе очередной эпидемии неизвестного происхождения. Такие эпидемии разражались в Мексике и в середине, и в конце того же XVI в., и, уж конечно, неоднократно ранее. В последующие века память о ней не умирала: по большей части ее клеймили как предательницу; но клеймили в основном те, кто считал себя потомками ацтеков, потомки же племен, освобожденных ею от ацтекского владычества, относились к ее памяти благосклонно. В последние годы ее имя написали на своих знаменах мексиканские феминистки. Ей посвящаются исторические исследования, романы и фильмы; о ней читаются лекции в университетах. Тем не менее, по нашему мнению, роль ее недооценена: о ней говорят как о спутнице и переводчице Кортеса, не до конца осознавая ее роль как мозгового центра, дипломата и разведчика всей кампании, фактического создателя той коалиции племен и той союзной армии, без которых никакое покорение Мексики было бы невозможно.

Список литературы / References

- Дюверже К. (2005) *Кортес*, Москва, Молодая гвардия, 290 с.
 Duverger Ch. (2005) *Kortes* [Cortés], Moscow, Molodaya gvardiya, 290 p. (In Russian)
- Кеймен Г. (2008) *Испания: дорога к империи*, Москва, АСТ Хранитель, 764 с.
 Kamen H. (2008) *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain's Road to Empire], Moscow, AST Khranitel', 764 p. (In Russian)
- Хаген В. фон. (2020) *Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки*, Москва, Центрполиграф, 539 с.
 Hagen V. von. (2020) *Atsteki, maiya, inki. Velikie tsarstva drevnei Ameriki* [Aztecs, Maya, Incas. Great kingdoms of ancient America], Moscow, Tsentrpoligraf, 539 p. (In Russian)
- Caso A. (1953) *El Pueblo del Sol* [The People of the Sun], México, Fondo de Cultura Económica, 125 p. (In Spanish)
- Hassig R. (2003) *El sacrificio y las fuerras floridas* [The Sacrifice and the flower wars], *Arqueología Mexicana*, vol. XI, no. 63, pp. 46–51. (In Spanish)

Orozco Linares F. (2015) *Historia de México* [History of Mexico], México, Panorama, 248 p. (In Spanish)

Prescott W.H. (2001) *History of the Conquest of Mexico*, New York, Modern Library, 1056 p.

Ricard R. (1999) *La conquista espiritual de México* [The spiritual conquest of Mexico], México, Fondo de Cultura Económica, 492 p. (In Spanish)

Séjourné L. (1957) *Pensamiento y Religión en el México Antiguo* [Thought and Religion in Ancient Mexico], México, Fondo de Cultura Económica, 220 p. (In Spanish)

Трущобы в структуре городов Южной Америки: социальный аспект

© Краев О.Л., 2025

Олег Леонидович Краев, канд. филос. наук, независимый исследователь, автор телеграм-канала «Ла-Плата» (https://t.me/viento_lp).
610005, Киров, ул. Профсоюзная, 78-28
ORCID: 0000-0003-3073-1763 E-mail: oleglkraev@gmail.com

Аннотация. Темой настоящего исследования являются трущобы, их структура и внутреннее устройство. В качестве объекта исследования выбраны трущобные поселения южноамериканских стран: Уругвая, Аргентины и Бразилии. Автор ставит перед собой цель изучить феномен трущоб, представляющих собой неотъемлемую часть большинства крупных городов Южной Америки, с точки зрения природы и исторических обстоятельств их возникновения, социальных аспектов жизни их жителей и влияния на окружающие их городские пространства. Источником фактологической базы являются полевые исследования в Монтевидео (районы Лесика, Вилья Колон и трущобное поселение Санта-Эухения), интервью с компетентным представителем сектора образования, взаимодействующим с детьми и их родителями из неблагополучных районов, а также доклады органов государственной власти о проблематике трущоб и проводимых в жизнь программах содействия уязвимым группам населения в изучаемых странах. Результатом исследования является обнаружение специфических паттернов возникновения трущоб и влияния трущобных поселений на окружающие пространства, а также формирование портрета их жителей. Делается вывод о том, что негативные коннотации, сопряженные с понятием трущоб, не отражают всей полноты этого феномена, имеющего в том числе и позитивные проявления, включая прочные социальные связи и потенциал оказания взаимопомощи внутри сообществ местных жителей.

Ключевые слова: трущобы, Южная Америка, маргинальность, самоорганизация, религия, нищета, образование

Для цитирования: Краев О.Л. (2025) Трущобы в структуре городов Южной Америки: социальный аспект. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 103–124. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-103-124

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарность: Автор выражает глубокую признательность директору школы № 183 и бывшему директору школы № 361 г. Монтевидео Саре Корреа Сильве за неоценимую помощь в сборе сведений для написания настоящей статьи.

Asentamientos informales en ciudades latinoamericanas: la dimensión social

© Kraev O.L., 2025

Oleg L. Kraev, PhD (Filosofía), investigador independiente, autor del canal de Telegram «La Plata» (https://t.me/viento_lp).

610005, Rusia, Kirov, calle Profsoyuznaya, 78-28

ORCID: 0000-0003-3073-1763

E-mail: oleglkraev@gmail.com

Resumen. El tema de este estudio son los asentamientos informales, su estructura y organización interna. Se eligen como objeto de estudio las villas de los países sudamericanos de Uruguay, Argentina y Brasil. El autor pretende estudiar el fenómeno de las favelas, que forman parte integral de la mayoría de las grandes ciudades de América del Sur, desde la perspectiva de la naturaleza y las circunstancias históricas de su origen, los aspectos sociales de la vida de sus habitantes y su impacto sobre los espacios urbanos circundantes. La base empírica se extrae de una investigación de campo realizada en Montevideo (barrios Lezica, Villa Colón y el asentamiento informal de Santa Eugenia), de una entrevista con una representante del sector educativo que interactúa con niños y padres de barrios desfavorecidos, y de informes de las autoridades públicas sobre la problemática de los barrios marginales y los programas actuales de asistencia a los grupos vulnerables en los países investigados. El resultado del estudio es la identificación de patrones específicos de formación de barrios marginales y de su impacto en los espacios alrededor de ellos, además de documentar el retrato de sus habitantes. El autor concluye que las connotaciones negativas asociadas al concepto de asentamiento no reflejan toda la magnitud de este fenómeno, que también tiene manifestaciones positivas, como los fuertes lazos sociales y el potencial de ayuda mutua dentro de las comunidades de sus residentes.

Palabras clave: asentamientos informales, Sudamérica, marginalidad, autoorganización, religión, pobreza, educación

Para citar: Kraev O.L. (2025) Asentamientos informales en ciudades latinoamericanas: la dimensión social, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 103–124. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-103-124

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Agradecimientos: El autor expresa su profundo agradecimiento a Sara Correa Silva, directora de la Escuela N° 183 y exdirectora de la Escuela N° 361 de Montevideo, por su invaluable ayuda en la recopilación de información para este artículo.

Informal Settlements in South American Cities: The Social Dimension

© Kraev O.L., 2025

Oleg L. Kraev, PhD (Philosophy), independent researcher, author of the «La Plata» Telegram channel (https://t.me/viento_lp).

610005, Russia, Kirov, Profsoyuznaya street, 78-28

ORCID: 0000-0003-3073-1763

E-mail: oleglkraev@gmail.com

Abstract. This study focuses on slums, their structure and internal organization. The informal settlements in the South American countries of Uruguay, Argentina and Brazil have been chosen as the object of the study. The author aims to explore the phenomenon of slums, which are an integral part of most major cities in South America, from the point of view of the nature and historical circumstances of their emergence, the social aspects of their inhabitants' life and their impact on the surrounding urban spaces. The evidence is derived from field research in Montevideo (Lezica and Villa Colón districts and the slum settlement of Santa Eugenia), an interview with a representative of the education sector who works with children and parents from disadvantaged neighborhoods, as well as government reports on the problems of slums and ongoing programs to support vulnerable populations in the countries studied. The research has led to the discovery of specific patterns of slum formation and of the impact of slum settlements on surrounding spaces, and has helped to document the profile of slum dwellers. The author concludes that the negative connotations associated with the concept of slums do not fully reflect this phenomenon, which has positive manifestations, including strong social ties and the potential for mutual assistance within the communities of local residents.

Key words: informal settlements, South America, marginality, self-organization, religion, poverty, education

For citation: Kraev O.L. (2025) Informal Settlements in South American Cities: The Social Dimension, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 103–124. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-103-124

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to Sara Correa Silva, principal of School 183 and former principal of School 361 in Montevideo, for her invaluable assistance in gathering information for this article.

В академической и публицистической литературе понятия *трущобы*, *скваттерские* и *неформальные поселения* часто используются взаимозаменяемо. Отчасти это оправданно, так как все они (за редкими исключениями, встречающимися среди неформальных поселений) характеризуются низким качеством жизни, несоответствием стандартам городского планирования и несоблюдением законодательства о праве собственности. Если понятие скваттерства акцентирует незаконный статус пребывания неких лиц в не принадлежащих им зданиях, помещениях или на не являющейся их собственностью земле (нередко не в силу нужды, но в качестве акта политического протеста), то под *трущобами*, как правило, имеется в виду пространство с неадекватными условиями жизни [Mohanty, 2020: 4]. В рамках настоящего исследования используется зонтичное понятие трущоб, понимаемых как жилые массивы, возникающие преимущественно в силу экономических причин незаконно и стихийно на незастроенных участках частной или муниципальной земли или же в сильно изношенном жилом фонде.

В Латинской Америке это урбанистическое явление распространено крайне широко, в первую очередь благодаря теплomu климату, позволяющему ограничиваться при строительстве подручными материалами и в меньшей степени зависеть от доступа к городским системам жизнеобеспечения. Так, по данным Межамериканского банка развития, порядка 113 млн человек в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна проживают в неофициальном жилом фонде¹.

Актуальность «трущобной проблематики» обусловлена повсеместным характером подобных жилых объектов и пространств и их непрерывным возникновением в странах региона на фоне различного рода кризисов (от привычной политической или экономической нестабильности до из ряда вон выходящих событий, таких как пандемия коронавируса или природные катаклизмы). Нерешаемая сущность этой проблемы при разнообразии предпринимаемых местными властями мер по профилактике возникновения стихийной несанкционированной застройки диктует необходимость более глубокого исследования природы данного явления в латиноамериканском контексте и проведения оценки существующих подходов к работе с этим вызовом нашего времени.

При изучении проблем градостроительства в России исследователи нередко проводят параллели с латиноамериканскими городами, широко известными своей стихийной нелегальной застройкой (в первую очередь,

¹ Acevedo P., Vera F., Barchi M., Rodríguez S. Informando lo informal: estrategias para generar información en asentamientos precarios. Blog de La División de Vivienda y Desarrollo Urbano (HUD) Del Banco Interamericano de Desarrollo. 10.01.2023. URL: <https://blogs.iadb.org/ciudades-sostenibles/es/informando-informal-estrategias-generar-informacion-asentamientos-precarios-informales/> (accessed: 10.01.2025).

Рио-де-Жанейро) [Злобин, 2012: 4–6, 11]. В то же время анализ, осуществляемый отечественными специалистами, проливает свет на обстоятельства возникновения трущоб, включая целенаправленную государственную политику возведения временного некачественного жилья в условиях массового притока экономически мотивированных людей в определенную местность [Стась, 2017: 93–95]. Заметный интерес российские специалисты проявляют к теме трущобного туризма, широко развитого в некоторых городах Латинской Америки, и его эффективности как инструмента повышения уровня экономического развития страны, благосостояния населения неблагополучных районов [Дехтярь и др., 2021: 19].

Примечательны также компаративные исследования практик трущобного туризма в странах Южной Америки, фиксирующие не только рекреативные цели подобных поездок и походов путешественников, но и желание гостей пообщаться с местными жителями и сыграть свою посильную роль в повышении уровня их благосостояния [Gómez Gómez et al., 2019: 380–381]. Еще одним большим сегментом научного знания по тематике латиноамериканских трущоб является тот, что посвящен культуре экономически неблагополучных районов и их влиянию на культуру общества всей страны и региона. В этом свете обращает на себя внимание интерес академического сообщества к историческому аспекту репрезентации трущоб в литературе, комиксах, мультфильмах, картинах, отражавшей реакцию граждан на государственную политику ликвидации неформальных поселений, нацеленную, например, в Аргентине середины XX в. на зачистку города от таких столь явных проявлений неблагополучия широких масс, как трущобные поселения [Codebò, 2020]. Другой ракурс анализа культурных инициатив в неформальных поселениях предложил коллектив авторов из университетов Тегерана и штата Вирджиния. Он провел любопытное (хотя и с явным левым идеологическим уклоном) исследование деятельности одной из бразильских организаций гражданского общества, реализующей инициативы по вовлечению жителей фавел в танцевальные проекты с целью сплочения сообщества соседей [Moayerian et al., 2023: 58].

Заслуживает внимания, что местные органы власти южноамериканских стран предоставляют достаточно широкий доступ к материалам статистических и социологических исследований: в частности, мэрия уругвайской столицы публикует сведения обо всех трущобах, существующих и устраненных, на находящейся в ее ведении территории². Одним из ведущих уругвайских специалистов по проблеме нищеты и устройства жизни в неблагополучных районах Монтевидео является социолог

² Asentamientos: Datos abiertos ambientales. Intendencia Montevideo: Observatorio de datos abiertos. URL: <https://montevidata.montevideo.gub.uy/territorial/asentamientos> (accessed: 10.01.2025).

Вероника Филардо, автор ряда аналитических докладов по теме трущоб, а также всеобъемлющего исследования неблагополучных районов Монтевидео [Filardo, Merklen, 2023]. В соседней Аргентине аналогичную статистику ведут федеральные власти, предоставляя открытый доступ к соответствующей информации по всей стране³. Бразильский институт географии и статистики публикует сведения по этой тематике, анализируя материалы переписи населения. Так, в конце 2024 г. он сообщил неутешительные данные: с 2010 по 2022 г. число проживающих в бразильских трущобах лиц увеличилось на 43%, достигнув порядка 16,4 млн, а количество фавел удвоилось, превысив отметку в 12 тыс. объектов⁴.

Генезис трущоб

В рамках небольшого исторического экскурса заметим, что нередко в латиноамериканском контексте стихийная неконтролируемая застройка становилась основой будущих городов. В Уругвае, например, в 1831 г. была создана Топографическая комиссия, предназначенная для обеспечения нормированного градостроительства, поскольку вокруг торговых пунктов и постоянных дворов по всей стране возникали хаотичные самострой [Franco, Raffo, 2014: 69].

Фавелы Вила Крузейро в Рио-де-Жанейро

³ Mapa de barrios populares. Argentina.gob.ar: Portal oficial del Estado argentino. URL: <https://www.argentina.gob.ar/habitat/integracion-socio-urbana/renabap/mapa> (accessed: 10.01.2025).

⁴ Bello L. Censo 2022: Brasil tinha 16,4 milhões de pessoas morando em Favelas e Comunidades Urbanas. Agência IBGE Notícias. 08.11.2024. URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-noticias/2012-agencia-de-noticias/noticias/41797-censo-2022-brasil-tinha-16-4-milhoes-de-pessoas-morando-em-favelas-e-comunidades-urbanas> (accessed: 10.01.2025).

В Бразилии заметную роль в формировании трущобных массивов сыграли масштабы рабовладельческой системы. Экономика этой страны в течение нескольких веков зиждилась на труде невольников: кофейный бум первой половины XIX в. обеспечил значительный экономический рост и обусловил повышенный спрос на рабочие руки. Результатом стали рекордные показатели импорта темнокожих невольников в Бразилию в 1811–1856 гг., а всего из 10 млн рабов, вывезенных из Африки в Западное полушарие, 40% оказались в Бразилии [Paradia, 2019: 5]⁵. Беглые и невольники, обретшие свободу в 1888 г., когда рабство в Бразилии было отменено (кстати, позднее всех в регионе), стали первыми жителями будущих фавел на горных склонах вокруг Рио-де-Жанейро. В первом случае эти места предоставляли укрытие от преследователей, а во втором — давали пристанище в условиях, когда изменение правового статуса больших масс людей не повлекло резкого улучшения их благосостояния и они были вынуждены сами решать свой жилищный вопрос [Figueiredo, 2017: 237]. Важно заметить, что исторически бразильские трущобы воспринимались частью общества в романтизированном свете, как пространства «свободы и единения», тогда как, например, в США они рассматривались как явления сугубо негативные [Antuñano, 2020: 929–930]. Отсюда, в частности, феномен трущобного туризма, обусловленного сентиментальным изображением фавел в произведениях искусства и запросом путешественников на «приключения»⁶. Примечательно, что, помимо острых ощущений, в последние годы туристов привлекает бразильский фанк (музыкальный и танцевальный жанр), а также признанный объектом культурного наследия в Рио-де-Жанейро танец *passinho*, вдохновленный самбой, брейк-дансом, капоэйрой и местным танцем фрево и завоевавший популярность за пределами фавел⁷. При этом стоит сказать, что существуют и противоположные взгляды на эти маргинальные места и их жителей: некоторые ученые фиксируют в бразильском обществе и отдельных сегментах местной политической элиты расистский и антигуманный дискурс, направленный против населения трущобных пространств [Moayerian et al., 2023: 74].

Недостатки территориального планирования — тоже обстоятельство, влекущее за собой возникновение самостроев. Особенно выпукло это проявляется в условиях появления больших масс людей на необжитых территориях: например, при обнаружении и запуске процесса

⁵ The Brazilian Report. Slavery in Brazil. Wilson Center. 13.05.2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/slavery-brazil> (accessed: 10.01.2025).

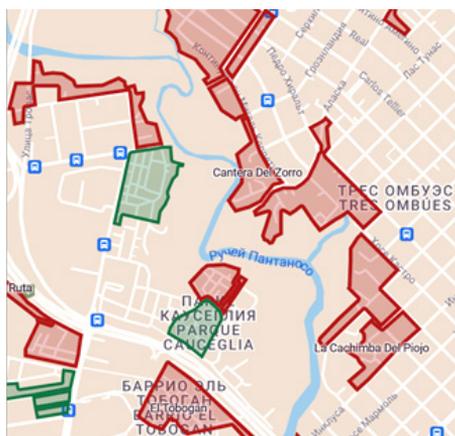
⁶ Romero T., El Orden Mundial. Favelas y cinturones de miseria en América Latina. La diaria. Uruguay. 30.09.2019. URL: <https://ladiaria.com.uy/politica/articulo/2019/9/favelas-y-cinturones-de-miseria-en-america-latina/> (accessed: 10.01.2025).

⁷ Dias Carneiro J., Rodrigues D. El “Passinho”, la danza brasileña creada por los jóvenes de las favelas, declarada patrimonio cultural. Infobae. 15.05.2024. URL: <https://www.infobae.com/cultura/2024/05/15/el-passinho-la-danza-brasilena-creada-por-los-jovenes-de-las-favelas-declarada-patrimonio-cultural/> (accessed: 10.01.2025).

разработки месторождений полезных ископаемых [Стась, 2017: 82–89]. Экономические причины в целом являются главным двигателем возникновения несанкционированной застройки. За последние годы значительный импульс росту населения существующих трущоб и возникновению новых районов с неформальными поселениями придало сокращение рынка труда и усугубление материального положения людей вследствие пандемии. Так, в Монтевидео возникли шесть новых районов такого типа с населением более 800 человек⁸. В тот период аналогичным образом стремительно росло число семей, переезжавших в бразильские фавелы из-за невозможности долее вносить арендную плату⁹.

Источниками пополнения трущобного населения могут быть прибывающие в крупные города в поисках заработка жители сельской местности, иностранцы или беднеющие горожане. Последний сценарий реализовался в конце XX в., когда уругвайский малый бизнес стал проигрывать иностранному капиталу, зашедшему на местный рынок, и произошло обнищание мелкой буржуазии [Kaztman et al., 2004]. Для Аргентины, переживавшей в первой половине XX в. стремительный экономический рост, прибытие иммигрантов было нормой: в трущобах вблизи порта Буэнос-Айреса обосновывались, помимо европейцев, боливийцы, чилийцы, парагвайцы, устраивавшиеся на различные предприятия в качестве низкоквалифицированных рабочих [Rossi, 2022: 119].

Важно также затронуть тему географического положения трущоб. В упомянутом случае порт Буэнос-Айреса был не только местом, откуда начинался «аргентинский путь» иммигрантов. Это еще и ключевая точка на карте города, дававшая возможность для неофициального заработка: например, посредством уличной торговли в местах большого скопления людей. В Монтевидео ситуация несколько иная: местные жители при возведении самостроев отталкиваются от особенностей ландшафта. Ключевые критерии: транспортная доступность (проще говоря, наличие дороги) и источник воды

Карта ныне существующих в Монтевидео трущоб, расположенных вдоль ручья Пантаносо

⁸ Piaggio M. Los seis asentamientos pospandemia de Montevideo: dónde están, cómo son y por qué es difícil intervenir. El Observador. 09.12.2024. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nacional/los-seis-asentamientos-pospandemia-montevideo-donde-estan-como-son-y-que-es-dificil-intervenir-n5973892> (accessed: 10.01.2025).

⁹ Pollastri T., Savarese M. Empujados a la calle o a la favela: la crisis del coronavirus dispara los desalojos en Brasil. Clarín. 25.07.2020. URL: https://www.clarin.com/mundo/empujados-calle-favela-crisis-coronavirus-dispara-desalojos-brasil_0_-mVy4CQCK.html (accessed: 10.01.2025).

поблизости. Ярким примером в этом плане является местность вдоль ручья Пантаносо в западной части города, на всем протяжении и на обоих берегах которого находятся трущобы, в т.ч. Маракана с населением в почти 5 тыс. жителей.

Аналогичный принцип лег в основу трущоб на берегу эстуария Ла-Плата в районе Санта-Каталина, находящемся к западу от Монтевидео, но юридически являющемся его частью¹⁰. Также необходимо, чтобы земля была в муниципальной собственности или же частной, но при условии, что она заброшена и владельцы не помешают проживанию новых жильцов. В той же Санта-Каталине в пандемию возникли трущобы на заброшенном участке в несколько десятков гектаров, принадлежащем неназванному частному предприятию¹¹.

Наконец, еще один немаловажный критерий выбора участка для несанкционированного заселения — это способность оказаться на виду и побудить власти и власть имущих к решению возник-

*Заброшенная гостиница Гиот
в районе Лесика, Монтевидео*

шей трущобной проблемы. Смежные районы севера уругвайской столицы Лесика и Вилья Колон в конце XIX в. и первой половине XX в. переживали период процветания: местная элита строила там роскошные особняки, и наиболее ярким свидетельством великолепия этих мест являлся ныне полузаброшенный замок, возведенный по заказу убитого в 1897 г. президента Х. Идиарте Борды (Juan Idiarte Borda, 1894–1897) для его супруги¹². Сегодня от архитектурного великолепия тех мест практически ничего не осталось: лишь отдельные особняки, поддерживаемые наследниками в ухоженном состоянии, и руины выдающихся зданий вроде гостиницы Гиот напоминают о блестящем прошлом районов Лесика и Вилья Колон.

¹⁰ Asentamientos: Datos abiertos ambientales. Intendencia Montevideo: Observatorio de datos abiertos. URL: <https://montevidata.montevideo.gub.uy/territorial/asentamientos> (accessed: 10.01.2025).

¹¹ Sosa G. El Nuevo Comienzo un año después de la ocupación masiva: así es la vida en el asentamiento más mediático. El País S.A. 12.03.2021. URL: <https://www.elpais.com.uy/que-pasa/el-nuevo-comienzo-un-ano-despues-de-la-ocupacion-masiva-asi-es-la-vida-en-el-asentamiento-mas-mediatico> (accessed: 10.01.2025).

¹² Ла Плата: Telegram-канал @viento_lp (08.01.2025). URL: https://t.me/viento_lp/137 (accessed: 10.01.2025).

Одним из обстоятельств декаданса этих мест является масштабная, возникшая еще в последней четверти XX в. и расширившаяся в пандемию трущобная застройка. Отчасти ее появление было связано с близостью этих мест к уже знакомому нам ручью Пантаносо, отчасти с обнищанием прежних владельцев. Однако бывшие местные жители, с ностальгией вспоминаящие о своей молодости в Лесике и Вилья Колон, говорят о том, что появление пришельцев из провинции негативно сказалось на благоустройстве и уровне безопасности этих мест¹³.

Наконец, некоторые исследователи полагают, что неэффективная градостроительная политика является даже более существенным фактором возникновения неформального жилого сектора, чем нищета. Застройка немногочисленных свободных участков в центральных районах городов и оказание фискального давления на собственников простаивающей земли приводит к удорожанию жилья, становящегося все более недоступным для аргентинского рабочего класса и бедноты¹⁴.

Белен (порт. *Belém*) — город-миллионник (1,3 млн человек) на севере Бразилии является одним из примеров катастрофических последствий бездарного городского планирования или его отсутствия. Будучи центром притяжения жителей экономически отсталых амазонских районов запада страны, Белен отличается тем, что половина населения города живет в домах, не соответствующих базовым требованиям, только 3% сточных вод подвергаются очистке, а по числу убийств город находится в лидерах по стране¹⁵.

Монтевидео переживает опережающий рост предложения жилья, что, однако, не ведет к решению жилищной проблемы. Ситуация, при которой строятся многоэтажные здания с преимущественно малогабаритными квартирами, влечет за собой удорожание стоимости квадратного метра в среднем и делает невозможной покупку недвижимости для большого

*Замок президента
Идиарте Борды*

¹³ Acuña S., Trinidad G. (26.08.2003) Los cantegriles ganaron Villa Colón. El País S.A. URL: <https://www.elpais.com.uy/informacion/los-cantegriles-ganaron-villa-colon> (accessed: 16.02.2025).

¹⁴ Equipo Infohábitat (UNGS). El crecimiento de las villas y asentamientos y sus causas. Café de las Ciudades. 05.2020. URL: <https://cafedelasciudades.com.ar/articulos/el-crecimiento-de-las-villas-y-asentamientos-y-sus-causas/> (accessed: 10.01.2025).

¹⁵ Dezem V. The Amazon's Relentless Poverty Cycle: Brazil must address a massive social crisis to stop deforestation. Bloomberg. 21.10.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/features/2024-brazil-amazon-rainforest-protection-poverty/> (accessed: 10.01.2025).

числа уругвайцев¹⁶. Неординарные тенденции на рынке жилья в фавелах переживает Бразилия. Из-за проведения Чемпионата мира по футболу в 2014 г. и Олимпийских игр двумя годами позже улучшилась городская инфраструктура, были предприняты оказавшиеся успешными меры по борьбе с преступностью, а востребованность трущобного туризма привела к джентрификации¹⁷ неблагополучных районов и многократному росту стоимости аренды жилых зданий и помещений в фавелах, сделав их менее доступными для бедноты¹⁸.

Преступность и прочие беды трущобного социума

Криминал является неотъемлемой частью трущобной жизни, несмотря на наличие некоторых исключений из этого правила. Неблагополучные районы Монтевидео Касавалье, Борро и Пьедрас Бланкас, на территории которых находятся опасные трущобные кварталы, дают представление о порядках функционирования уругвайского криминального мира. Во-первых, в этих местах располагаются пункты продажи пасты коки — дешевого и наиболее ходового в здешних краях наркотика. Для идентификации торговой точки используются такие приемы, как подвешивание ботинок на провода или написание на вывеске глагола «*se vende*» («продается») с буквы *v*, т.е. «*se vende*»¹⁹. При этом нужно сказать, что это не инновационный и не уникальный маркетинговый ход: например, в Испании он тоже давно применяется²⁰.

В социальном плане огромная проблема трущобного социума — это отсутствие зримых перспектив улучшения качества жизни и преодоления той маргинализации, в которой пребывают жители неблагополучных районов. В октябре 2024 г. Центральный банк и Минфин Бразилии сообщили о «пандемии» ставок. Лудомания охватила бразильское общество и в особенности его менее благополучные сегменты: по некоторым подсчетам, 24 млн бразильцев играют на постоянной основе, тогда как порядка 20% пособий

¹⁶ Barrios C. Misterios de la crisis habitacional: 260.000 nuevas viviendas desde 2011, pero solo 160.000 habitantes más. La Mañana. 23.12.2024. URL: <https://www.xn--lamaana-7za.uy/politica/misterios-de-la-crisis-habitacional-hay-260-mil-viviendas-mas-que-en-2011-y-la-poblacion-solo-aumento-en-160-mil-personas/> (accessed: 10.01.2025).

¹⁷ Джентрификация — облагораживание, улучшение депрессивных районов. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Burbuja inmobiliaria en Brasil: un apartamento de 30 metros en una favela de Río por 850 dólares. La Vanguardia. 13.03.2014. URL: <https://www.lavanguardia.com/economia/20140313/54403044613/burbuja-inmobiliaria-brasil-apartamento-favela-rio-850-dolares.html> (accessed: 10.01.2025); Timerman J. Is a Favela Still a Favela Once It Starts Gentrifying? Bloomberg. 02.12.2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-12-02/is-a-favela-still-a-favela-once-it-starts-gentrifying> (accessed: 10.01.2025).

¹⁹ Joaco Santos. Así es la DURA vida en el BARRIO «MÁS POBRE» de URUGUAY. Youtube. 28.05.2023. URL: https://youtu.be/YiZXT8VtmLA?si=GL4UTz_UNreDk80B&t=866; ¿Por qué en algunas calles cuelgan zapatillas en los cables de luz? Infobae. 15.10.2021. URL: <https://www.infobae.com/america/peru/2021/10/15/por-que-en-algunas-calles-se-cuelgan-zapatillas-en-los-cables-electricos> (accessed: 10.01.2025).

²⁰ Castrillo M. Vecinos del Ventorrillo salen a mojarse contra la droga. La Voz de Galicia. 03.07.2010. URL: https://www.lavozdeg Galicia.es/noticia/coruna/2010/07/03/vecinos-ventorrillo-salen-mojarse-contra-droga/0003_8589340.htm (accessed: 10.01.2025).

для малоимущих семей уходят на онлайн-казино, азартные игры и ставки на спорт в интернете²¹. Более того, виртуальные казино, легализованные в 2018 г. и находившиеся вне государственного регулирования вплоть до конца 2024 г., с их многомиллиардными ежемесячными оборотами являются удобным инструментом для отмывания денежных средств организованными преступными группировками, в т.ч. такими, как крупнейшая бразильская криминальная организация *PCC (Primeiro Comando da Capital)*²².

В составе этой структуры, зародившейся в тюремных камерах Сан-Пауло в конце XX в., около 40 тыс. членов, и ее активы разнообразны. PCC использует компьютерные технологии для отмывания заработанных на наркотрафике денег: помимо онлайн-казино, такие возможности ОПГ дают лояльные финансовые организации, в т.ч. занятые в секторе криптовалют²³. Транснациональный характер PCC предполагает наличие под ее контролем большого количества «недвижимости», и одним из таких объектов являются трущобы *Favela do Moinho* в Сан-Пауло, среди местных также известные как *Cracolândia* (т.е. место, где торгуют крэк-кокаином)²⁴. Притом эти фавелы представляют собой жестокую, но отлаженную социально-экономическую систему, в которой рабочей силой выступают наркозависимые курьеры, дополнительный доход приносит проституция, а периметр охраняют вооруженные специально обученные люди²⁵.

В таких условиях сложно ожидать позитивной социальной динамики и нормального функционирования здешнего общества. Это проявляется и в порядке устройства семейной жизни. По словам директора школы № 183 и бывшего руководителя школы № 361 Монтевидео (среди учащихся обоих учебных заведений много детей из трущобных поселений) Сары Корреа Сильвы, одна из главных проблем ее подопечных — это неполные семьи. Дети часто растут без отца, который ушел из семьи, находится в заключении, скончался или о котором вообще ничего не известно. Эта статистика подтверждается данными Межамериканской комиссии по правам человека, свидетельствующими о том, что женщины чаще мужчин оказываются

²¹ Arias J. El nuevo desafío de Lula: los pobres se gastan el dinero recibido del Gobierno en juegos de azar. El País. 28.09.2024. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-09-28/el-nuevo-desafio-de-lula-los-pobres-se-gastan-el-dinero-recibido-del-gobierno-en-juegos-de-azar.html> (accessed: 10.01.2025).

²² La reglamentación elaborada por la Secretaría de Premios y Apuestas sitúa a Brasil en el mercado de apuestas regulado en 2025. Secretaria de Comunicação Social. Gov.br: Presidência da República. 26.12.2024. URL: <https://www.gov.br/secom/es/ultimas-noticias/2024/12/la-reglamentacion-elaborada-por-la-secretaria-de-premios-y-apuestas-situa-a-brasil-en-el-mercado-de-apuestas-regulado-en-2025> (accessed: 10.01.2025).

²³ Rosati A., Amat B. Fintechs Launder Cocaine Cash for Brazil's Largest Criminal Gang. Bloomberg. 03.12.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-12-03/brazil-s-biggest-drug-gang-investigated-for-fintech-schemes> (accessed: 10.01.2025).

²⁴ Garraffa F. «Quartel-general» do PCC tem participação do líder do tráfico de drogas na Cracolândia. Band. 24.09.2024. URL: <https://www.band.uol.com.br/noticias/brasil-urgente/ultimas/conheca-o-quartel-general-do-pcc-na-favela-do-moinho-no-centro-de-sao-paulo-202409241900> (accessed: 10.01.2025).

²⁵ Ibidem.

в ситуации нищеты или не имеют определенного места жительства²⁶. В Аргентине также проводились исследования, согласно которым среди неполных семей примерно в 5 раз больше тех, в которых есть мать, но нет отца, чем наоборот [Gonza et al., 2023: 10].

Системы самоорганизации

Социальная динамика в трущобных пространствах предполагает различной степени самоорганизацию. Так, на не контролируемых властями территориях существует собственный черный рынок недвижимости, предполагающий проведение не имеющих юридической силы сделок купли-продажи нелегально возведенных домов²⁷. Долговечность аргентинских, бразильских и уругвайских трущоб, некоторые из которых десятилетиями функционируют без вмешательства государства, способствует возникновению такого рода неформальных рыночных отношений.

Некоторым трущобным сообществам присущи проявления взаимопомощи и солидарного поведения. Сара Корреа Сильва в ходе нашей беседы рассказала, что трущобные семьи не могут оставить свои скромные жилища без присмотра. По этой причине одна из ее учениц дважды в неделю пропускает занятия, оставаясь за сторожа, тогда как родителям других школьников удается договориться с соседями, чтобы те приглядывали за их домом. Также распространена практика, при которой жители трущоб вместе посещают местные органы власти, ходят на приемы врачей и т.п. Корреа Сильва объясняет это тем, что взрослые жители трущоб сами не имели должного образования, адекватной социализации, а потому им трудно коммуницировать с третьими лицами и доносить суть ходатайств и запросов. Присутствие «своих» в этом смысле помогает им пережить стресс похода в местные органы власти и взаимодействия с незнакомыми людьми.

Существование прочных социальных связей и неизбежное влияние взросления в трущобах на мировоззрение их жителей отражаются, например, в том, что жители бразильских трущоб называют их *comunidade*,

*Жители трущобы Favela do Moinho
в Сан-Пауло*

²⁶ Informe ante la CIDH sobre los asentamientos urbanos precarios de América Latina y el Caribe presentación internacional. P. 14–15. 20.03.2015. URL: https://www.cels.org.ar/web/wp-content/uploads/2015/03/20150320-Informe-asentamientos-urbanos-informales_CIDH.pdf (accessed: 10.01.2025).

²⁷ Barreneche E. Asentamientos, un negocio millonario. El País S.A. 21.06.2008. URL: <https://www.elpais.com.uy/informacion/asentamientos-un-negocio-millonario> (accessed: 10.01.2025).

т.е. сообщество, отбрасывая тем самым негативные коннотации, сопряженные с широко известным понятием *favela* [Pereira et al., 2019: 23–36]. Этот факт сам по себе отражает иное, специфическое отношение этих людей к своему дому. Примечательным примером любви к родным трущобам является судьба выдающегося футболиста Адриано по прозвищу *Император* (Adriano Imperador, p. 1982), известного выступлениями за сборную Бразилии и миланский «Интер» в начале XXI в. Он резко «пропал с радаров», и вокруг его персоны ходило много слухов: говорили, что из-за злоупотребления алкоголем, дурной компании и потрясшей его смерти отца, после которой карьера Адриано пошла на спад, он вернулся в Бразилию, повесил бутсы на гвоздь, поселился в родных фавелах Рио-де-Жанейро под названием Вила Крузейро и стал вращаться в криминальных кругах²⁸. В ноябре 2024 г. состоялась презентация автобиографии Адриано, а в преддверии этого события он «для затравки» написал письмо в адрес поклонников. В нем он признался, что продолжает ежедневно выпивать, и подтвердил, что до сих пор не оправился после кончины отца и ностальгирует по детским и юношеским годам, проведенным в фавелах, где, несмотря на опасность, криминал и перестрелки, прошли, судя по всему, лучшие годы его жизни²⁹.

Похожее сентиментальное восприятие родных трущоб, а также отсутствие энтузиазма из-за необходимости начинать жить с чистого листа демонстрировали попавшие под программу переселения жители трущоб Кеннеди в фешенебельном уругвайском курорте Пунта-дель-Эсте. Проект ликвидации этого нелегального поселения примечателен, поскольку подтверждает тезис, что расположение несанкционированной застройки вблизи секторов, где вращаются представители элит, способствует решению проблемы такого объекта в первоочередном порядке. Дело в том, что Кеннеди находился вблизи местного гольф-клуба, а также крупного центра для проведения международных конференций и выставок³⁰. С имиджевой точки зрения власти Уругвая были заинтересованы в том, чтобы приезжающие в страну иностранцы не теряли в первые же минуты пребывания в Пунта-дель-Эсте веры в то, что оказались в «латиноамериканской Швейцарии» (прозвище Уругвая, которое у местных жителей вызывает лишь горькую усмешку из-за давно утраченного завидного качества жизни).

²⁸ del Rio J. Adriano “El Emperador”: una llamada provocó la caída de un delantero que iba a dominar el fútbol. Marca.com. 17.02.2017. URL: <https://www.marca.com/futbol/futbol-internacional/2017/02/17/58a6e09ae2704e842f8b4633.html> (accessed: 10.01.2025).

²⁹ Adriano lloró de emoción en la presentación de su autobiografía y explicó por qué el apodo “Emperador” no aparece en el libro. Clarín. 14.11.2024. URL: https://www.clarin.com/deportes/adriano-lloro-emocion-presentacion-autobiografia-explico-apodo-emperador-aparece-libro_0_cQqTwEqcMM.html (accessed: 10.01.2025).

³⁰ Díaz Campanella G. Mudarse de casa con todo el barrio: la nueva vida de Katherine, Marcelo y sus vecinos. El País. 13.03.2024. URL: <https://elpais.com/america-futura/2024-03-13/mudarse-de-casa-con-todo-el-barrio-la-nueva-vida-de-katherine-marcelo-y-sus-vecinos.html> (accessed: 10.01.2025).

Государство и трущобы

Современные подходы к решению проблемы трущоб можно разделить на две категории: либо работа с тем, что есть, то есть нормализация условий жизни в уже существующих строениях и поселениях, либо расселение жителей и снос незаконных сооружений. Исторически существовали и иные подходы к решению трущобной проблемы в странах Южной Америки. Военные диктатуры, возникшие в значительной части государств региона во второй половине XX в., не обремененные соображениями соблюдения прав человека и ориентированные на правую идеологию, использовали силовой инструментарий. Так, авторитарный режим, существовавший в Аргентине в 1976–1983 гг., реализовал крупнейшую в истории страны программу ликвидации трущобных поселений в Буэнос-Айресе, коснувшуюся 200 тыс. их жителей. В частности, с использованием «легального и нелегального насилия» была осуществлено массовое выселение пришельцев на их малую родину, проведена депортация парагвайцев и боливийцев, а на месте снесенных трущоб реализованы инфраструктурные проекты дорожно-паркового строительства, что, однако, не привело к полной ликвидации таких поселений [Snitcofsky, 2018: 69–72].

Одним из серьезных препятствий на пути реализации современных, эволюционных программ решения проблемы трущоб органами власти национального и муниципального уровня, в т.ч. при участии самих жителей таких поселений, является вопрос собственности. Если стихийная застройка возникла на частной земле или располагается одновременно на частной и государственной/муниципальной территории, то полномочия местных властей в плане решения этой проблемы оказываются ограничены. Зачастую лакуны в местном законодательстве не позволяют государству действовать при отсутствии необходимой инициативы со стороны собственников³¹.

Несмотря на то что международное сообщество уделяет значительное внимание (как минимум на уровне риторики) проблематике улучшения качества жизни, нищеты, безопасности городских пространств, эффективность таких программ вызывает сомнения. В условиях поощрения урбанизации, рассматриваемой (в случае грамотного использования) как инструмент улучшения качества жизни, численность трущобного населения по всему миру неизменно растет³².

³¹ Programa de Mejoramiento de Barrios, Unidad de Evaluación y Monitoreo. Asentamientos recientes en Uruguay: un estudio exploratorio. Gub.uy: Sitio oficial de la República Oriental del Uruguay. 2019. P. 11. URL: <https://www.gub.uy/ministerio-vivienda-ordenamiento-territorial/sites/ministerio-vivienda-ordenamiento-territorial/files/documentos/publicaciones/Asentamientos%20Recientes%20Uruguay%202019.pdf> (accessed: 10.01.2025).

³² Proyecto de programa de trabajo del Programa de las Naciones Unidas para los Asentamientos Humanos y proyecto de presupuesto de la Fundación de las Naciones Unidas para el Hábitat y los Asentamientos Humanos para 2024. Informe de la Directora Ejecutiva. HSP/EB.2023/12. Naciones Unidas. 19.09.2023. P. 4. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/11/spanish_13.pdf (accessed: 10.01.2025).

Высокие цены на жилье — один из факторов возникновения трущоб в крупных городах, дающих больше возможностей для трудоустройства. Уругвайские власти стремились бороться с проблемой в зародыше: в 2010-е гг. принимались и модифицировались законодательные акты, направленные на мотивирование застройщиков возводить бюджетное жилье при условии введения искусственного потолка цен. Такая политика оказалась безрезультатной: стоимость жилья в Монтевидео, несмотря на рост предложения, завышена, население города переезжает в другие провинции, а столичные трущобы только множатся³³. Одна из причин — стабильное увеличение стоимости земли по всему латиноамериканскому региону³⁴.

В контексте ограниченности возможностей применения и сомнительной эффективности силового инструментария при решении трущобной проблемы на сегодняшний день власти прибегают к разнообразным программам оптимизации условий жизни в трущобных пространствах. Среди них выделяются меры инфраструктурного развития, подключение к городским сетям, строительство новых жилищ взамен несанкционированных, проведение программ борьбы с преступностью, домашним насилием, поощрение образования молодежи, а также поддержка инициатив гражданского общества [Altmann Macchio, González Orge, 2024: 131, 134]. Как показывает практика, партнерство государства и активных местных жителей (сообществ соседей) способно приносить заметные плоды и приводить к улучшению качества жизни в трущобных пространствах.

Уругвайские трущобы Санта-Эухения: гражданское общество в действии

Примером успешной трансформации трущоб является поселение Санта-Эухения в районе Карраско Норте уругвайской столицы. В реестрах мэрии Монтевидео запись об этом поселении появилась еще в феврале 1970 г., однако процесс облагораживания этой местности, находящейся неподалеку от района Карраско, населенного

Часовня в трущобном поселении Санта-Эухения в Монтевидео

³³ Artigas A. La emergencia de la vivienda: un problema estructural en Uruguay. La Diaria. Uruguay. 06.06.2023. URL: <https://ladiaria.com.uy/opinion/articulo/2023/6/la-emergencia-de-la-vivienda-un-problema-estructural-en-uruguay/> (accessed: 10.01.2025).

³⁴ Systematic approaches to slums – A review of national and city-wide approaches. Cities Alliance. P. 19. URL: https://www.citiesalliance.org/sites/default/files/2022-03/Cities%20Alliance_Informality%20Paper%20Series_Systematic%20Approaches%20to%20Slums_0.pdf (accessed: 10.01.2025).

представителями наиболее обеспеченных слоев уругвайского общества, начался совсем недавно. При этом важно отметить, что в основе нормализации жизни в этом стихийном жилом массиве лежала инициатива, реализованная при активном участии самих местных жителей.

Многолетняя деятельность католического священника Хуана Андреса Верде в этих трущобах стала фактором, определившим вектор их развития и судьбу примерно 240 проживающих там семей. Благодаря его деятельности в трущобах Санта-Эухения провели водопровод, электричество, заасфальтировали дороги, установили уличные фонари³⁵. Центром общественной жизни стала построенная в пандемию при волонтерском участии местных жителей часовня, расположенная на въезде в трущобы возле остановки общественного транспорта — главного элемента здешней логистики³⁶. При этом стоит сказать, что данный случай типологически не уникален: в трущобных поселениях религиозные течения нередко процветают, а кризисные явления в стране и мире служат импульсом для повышения числа воцерковленных людей [Горшенёв, 2017: 184].

«Фактор личности» в лице деятельного и харизматичного проповедника, сумевшего объединить местных жителей в деле создания полноценного района на месте беспорядочных трущоб, также проявился в его склонности к публичности. Многочисленные интервью Верде на телеканалах и в печатных СМИ обеспечивают повышенное внимание городских властей к проекту, позволяя им привлечь внимание общественности к ведущейся мэрией работе по благоустройству городских окраин³⁷. Своеобразным венцом пиар-составляющей проекта обновления трущоб Санта-Эухения стал визит в октябре 2024 г. знаменитого испанского футболиста, чемпиона мира 2010 г. Карлеса Пуйоля, организованный благотворительной организацией под эгидой транснационального банка *Scotiabank* и религиозной некоммерческой организацией *Cireneos*, которая специализируется на создании достойных жилищных условий для малоимущих лиц и реализует соответствующий проект в этом трущобном поселении³⁸.

³⁵ Agua para todos: Zonas de contexto crítico de Montevideo. Obras Sanitarias del Estado. 16.12.2021. URL: <http://www.ose.com.uy/noticia/agua-para-todos-zonas-montevideo> (accessed: 10.01.2025).

³⁶ Gago S. Casas con contenedores y una capilla: así es Santa Eugenia, el asentamiento en el que vive el “Gordo” Verde. El País S.A. 01.11.2022. URL: <https://www.elpais.com.uy/vida-actual/casas-contenedores-capilla-asi-santa-eugenia-asentamiento-vive-gordo-verde.html> (accessed: 10.01.2025).

³⁷ Recorrida por las obras para realojo del asentamiento Santa María Eugenia. Intendencia Montevideo: Portal institucional. 11.12.2023. URL: <https://montevideo.gub.uy/noticias/vivienda/recorrida-por-las-obras-para-realojo-del-asentamiento-santa-maria-eugenia> (accessed: 10.01.2025).

³⁸ Carles Puyol visitó Uruguay y jugó un “picadito” con niños del Barrio Santa Eugenia. ESPN.com. 07.10.2024. URL: https://www.espn.com.uy/futbol/mundial/nota/_/id/14278727/carles-puyol-en-uruguay-barrio-santa-eugenia-futbol-barrio-carrenciado-cireneos (accessed: 10.01.2025).

В то же самое время есть и скептики, иронизирующие на тему «чудес» в судьбе трущобного поселения Санта-Эухения. Результаты журналистского расследования левоориентированного издания «Caras&Caretas» свидетельствуют о том, что трущобы возникли на участке частной фирмы, принадлежащей лицам, связанным с Национальной партией — ведущей правоцентристской силой в стране. В материале содержится намек, что появление представителей этой партии на торжественном мероприятии по случаю ввода в эксплуатацию первой серии домиков из контейнеров связано с близостью этих мест к полузакрытым районам для обеспеченных слоев уругвайского общества, а также тем, что собственник земли в 2022 г. выиграл суд, подтвердив свое право на занимаемые самостроем земли, предназначенные для жилой застройки³⁹.

Дома, возводимые в Санта-Эухения при поддержке НКО Cireneos и участии будущих жителей

Сара Корреа Сильва, директор школы № 183 г. Монтевидео

Многие дети из Санта-Эухения учатся в расположенной неподалеку школе № 183 им. Н. Манделы. Ее директор Сара Корреа Сильва рассказала, что из 250 учащихся около 170 живут в трущобных поселениях, из них 103 — выходцы из Санта-Эухения. Сама школа относится к первому квинтилю (градации учебных заведений по уровню социально-экономического благосостояния семей, чьи дети там получают образование), т.е., иными словами, беднее некуда. Родители учащихся, как правило, имеют в лучшем случае начальное школьное образование, многие из них не умеют читать и писать. Это, в свою очередь, сказывается на готовности детей к школе и их успеваемости. По наблюдениям Корреа Сильвы и работающих в возглавляемой ею школе педагогов, подопечные из таких семей имеют ограниченный словарный запас, не способны к различению контекстов при использовании различных дискурсов, демонстрируют склонность к агрессии и иным проявлениям нестабильного психоэмоционального состояния.

³⁹ Arbesun R. Bienvenidos al show: «soluciones habitacionales pobres» para gente aún más pobre. Caras&Caretas. 05.03.2021. URL: <https://www.carasycaretas.com.uy/soluciones-pobres-para-gente-aun-mas-pobre> (accessed: 10.01.2025).

В условиях отсутствия необходимых для трудоустройства квалификаций распределение ролей в семьях происходит следующим образом: женщины ведут хозяйство (в т.ч. в небольших объемах занимаются животноводством), а мужчины зарабатывают поиском металлолома и пластика для сдачи на переработку, сбором торфа вдоль берегов находящегося поблизости ручья Карраско для продажи в качестве удобрения. Торговля наркотиками также является источником дохода в таких поселениях, но Корреа Сильва подчеркивает, что об этом можно судить лишь по косвенным признакам: ни дети, ни взрослые о существовании пунктов продажи пасты коки и своем участии в их работе не распространяются. Тем не менее наличие наркозависимых в трущобах, а также тяжелое экономическое положение их населения способны служить достаточными факторами для того, чтобы сделать вывод о роде занятий некоторых местных жителей.

* * *

В результате настоящего исследования были зафиксированы некоторые особенности формирования трущобных поселений в Уругвае, Аргентине и Бразилии. В частности, отмечено влияние факторов географии и рельефа местности при выборе места создания незаконного поселения. Обнаружены подтверждения того, что близость к местам проживания элит учитывается обитателями трущоб при возведении своих жилищ и действительно способствует более скорому рассмотрению властями вопроса устранения таких поселений или нормализации условий жизни в них. Примером такой приоритизации отдельных направлений урбанистической политики национальных и региональных властей является осуществленное в 2024 г. урегулирование путем переселения жителей и сноса трущоб Кеннеди в уругвайской провинции Мальдонадо.

Разнообразные проблемы трущобных поселений довольно универсальны: преступность, небезопасные строения, отсутствие логистики и доступа к городским системам жизнеобеспечения, неполные семьи. В то же время опыт проведенных автором полевых исследований свидетельствует о наличии и положительных черт функционирования сообществ в неформальных поселениях. Таковыми являются проявления соседской солидарности и взаимопомощи, сотрудничество в реализации совместных проектов по улучшению качества жилища и окружающей его инфраструктуры. Опыт реализации программ модернизации в неформальном поселении Санта-Эухения свидетельствует о способности гражданского общества мобилизовать ресурсы и привлечь необходимое внимание общественности и властей к своим нуждам в интересах кардинального улучшения своего положения.

Несмотря на это, сбор сведений в ходе интервью с профессионалом в сфере образования Сарой Корреа Сильвой, взаимодействующей на постоянной основе с жителями трущоб, указывает на устойчивые проблемы этой категории населения. Ими являются трудности в сфере социализации, неуспеваемость детей в школе, отсутствие социальных гарантий и чувства защищенности, что отрицательным образом влияет на перспективы выходцев из неформальных поселений.

Список литературы / References

Горшенёв Д.С. (2017) Религия в культуре современной Бразилии: ценностные основания конституционного права, *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, Т. 21, с. 180–186.

Gorshenyov D.S. (2017) *Religiya v kul'ture sovremennoi Brazili: tsennostnye osnovaniya konstitutsionnogo prava* [Religion in Contemporary Brazilian Culture: Axiological Grounds of Constitutional Legislation], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, Vol. 21, pp. 180–186. (In Russian)

Дехтярь Г.М., Никольская Е.Ю., Филатова М.С., Христов Т.Т. (2021) Трущобный туризм как формат альтернативного вида путешествий: методологические вопросы и успешные практики, *Сервис в России и за Рубежом*, Т. 15, № 2, с. 17–29. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-2-17-29

Dekhtyar G.M., Nikolskaya E.Yu., Filatova M.S., Khristov T.T. (2021) *Trushchobnyi turizm kak format al'ternativnogo vida puteshestvii: metodologicheskie voprosy i uspeшные praktiky* [Slum tourism as an alternative form of travel: methodological issues and successful practices], *Services in Russia and Abroad*, no. 15(2), pp. 17–29. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-2-17-29 (In Russian)

Злобин В.В. (2012) Планировочные принципы формирования трущоб в Москве на примере Черкизовского рынка, *Архитектура и современные информационные технологии*, № 2, 15 с.

Zlobin V. (2012) *Planirovochnye printsipy formirovaniya trushchob v Moskve na primere Cherkizovskogo rynka* [Planning principles for the formation of slums in Moscow as an example of Cherkizovsky market], *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 2, 15 p. (In Russian)

Стась И.Н. (2017) Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах советской Сибири (1960–1980-е гг.), *Сибирские исторические исследования*, № 2, с. 80–99. DOI: 10.17223/2312461X/16/6

Stas I.N. (2017) *Urbanizatsiya samostroya: trushchoby v neftedobyvayushchikh raionakh sovetskoi Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Urbanization through samostroy: slums in oil-producing regions of Soviet Siberia in the 1960s to the 1980s], *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 80–99. DOI: 10.17223/2312461X/16/6 (In Russian)

Altmann Macchio L.D., González Orge A. (2024) Cuatro configuraciones de la política nacional sobre asentamientos irregulares en Uruguay (1995–2024) [Four configurations of the national policy on irregular settlements in Uruguay (1995–2024)], *Cuadernos Del CLAEH*, no. 43(120), pp. 127–145. DOI: 10.29192/clae.43.2.8 (In Spanish)

Antuñano E. de (2021) A Global History of Slums, Shantytowns, and Improvised Cities, *Journal of Urban History*, no. 47(4), pp. 928–936. DOI: 10.1177/0096144220927685

Codebò A. (2020) Against the Grid: The Cultural Emergence of *Villas Miseria* in Buenos Aires, *Journal of Latin American Cultural Studies*, no. 29(1), pp. 85–107. DOI: 10.1080/13569325.2019.1636365

Figueiredo G.O. (2017) Un análisis histórico-crítico del fenómeno de las favelas en Rio de Janeiro/Brasil [A historical-critical analysis of the favelas phenomenon in Rio de Janeiro, Brazil], *Jangwa Pana*, no. 16(2), pp. 235–249. DOI: 10.21676/16574923.2131 (In Spanish)

Filardo V., Merklen D. (2023) Detrás de la línea de la pobreza: la vida en los barrios populares de Montevideo [Behind the poverty line: life in Montevideo's popular neighbourhoods], Montevideo, Ediciones del Berretín, 430 p. (In Spanish)

Franco J., Raffo A. (2014) La utopía realizable de la 'propiedad colectiva' [The realizable utopia of 'collective ownership'], in G. González (coord.) *La vivienda, entre el derecho y la mercancía. Las formas de propiedad en América Latina* [Housing, between rights and merchandise. The forms of property in Latin America], Montevideo, Trilce, pp. 63–76. (In Spanish)

Gómez Gómez J.S., López Zapata L.V., Lellis Mees L.A. (2019) ¿Por qué vienen los turistas? Estudio comparado entre las favelas y barrios populares de Medellín [Why do tourists come? comparative research between favelas and popular settlements in Medellín], *Criterio Libre*, no. 17(31), pp. 365–382. DOI: 10.18041/1900-0642/criteriolibre.2019v18n31.6146 (In Spanish)

Gonza C.N., Hessling Herrera F., González F.D. (2023) “Mi Pieza”: la dimensión energética en una política habitacional para mujeres de barrios populares argentinos [“Mi Pieza”: The Energy Dimension in a Housing Policy for Women in Poor Neighborhoods in Argentina], *Cuadernos de Vivienda y Urbanismo*, no. 16, 15 p. DOI: 10.11144/Javeriana.cvu16.mpde (In Spanish)

Kaztman R., Avila S., Baraibar X., Corbo G., Filgueira F., Errandonea F., Furtado M., Gelber D., Retamaso A., Rodríguez F. (2004) *La ciudad fragmentada: Respuesta de los sectores populares urbanos a las transformaciones del mercado y del territorio en Montevideo* [The fragmented city: Response of urban popular sectors to market and territorial transformations in Montevideo] in Serie Documentos de Trabajo del IPES / Colección Monitor Social del Uruguay № 2 [IPES Working Paper Series / Uruguay Social Monitor Collection № 2], Montevideo, Universidad Católica, 54 p. URL: <https://www.ucu.edu.uy/aucdocumento.aspx?1020,3221> (In Spanish)

Moayerian N., Poets D., Stephenson M.Jr., Grimes C. (2023) The Arts and Individual and Collective Agency: A Brazilian Favela Case Study, *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, no. 10(4), pp. 58–80. DOI: <https://doi.org/10.29333/ejecs/1407>

Mohanty M. (2020) Squatter Settlements and Slums and Sustainable Development, in W. Leal Filho, A.M. Azul, L. Brandli, P.G. Özuyar, T. Wall (eds.) *Sustainable Cities and Communities. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Cham, Springer, pp. 1–12, DOI: 10.1007/978-3-319-71061-7_49-1.

Papadia A. (2019) *Slaves, Migrants and Development in Brazil, 1872–1923*. EUI Working Paper MWP, Fiesole, European University Institute, 49 p. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/63508/MWP_WP_Papadia_2019_05.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 10.01.2025)

Pereira R.M., Carvalho Castro C.L. de, Cheibub B.L. (2019) Favela ou comunidade? Como os moradores, guias de turismo e outros agentes sociais compreendem simbolicamente o “morro” Santa Marta (RJ)? [Slums (“Favela”) or community? How do inhabitants, tourism guides and other social agents symbolically comprehend the Santa Marta’s hill (RJ)?], *Revista Brasileira de Estudos Do Lazer*, no. 6(3), pp. 23–36. (In Portuguese)

Rossi T. (2022) Construcción del imaginario y cultura migratoria entre los bolivianos en Argentina [The Construction of the Imaginary and Migratory Culture Among Bolivians in Argentina], *Cultura Latinoamericana*, no. 35 (1), pp. 114–144. (In Spanish)

Snitcofsky V. (2018) La erradicación de villas en la ciudad de Buenos Aires: características específicas y contexto general (1976–1983) [The eradication of shanty towns in the city of Buenos Aires: specific features and general context (1976–1983)], *Clepsidra. Revista Interdisciplinaria de Estudios Sobre Memoria*, no. 5(10), pp. 54–75. (In Spanish)

Многообразие испанского общества: ценности через призму экспрессивной номинации этносоциальных групп

© Михеева Н.Ф., Попова Е.А., 2025

Наталья Федоровна Михеева, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0002-0764-2271

E-mail: mikheeva_rudn@mail.ru

Евгения Андреевна Попова, канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет.

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр.1

ORCID: 0000-0002-1056-5406

E-mail: o-genia@yandex.ru

Аннотация. Поликультурность является одной из основных характеристик современного общества, в котором выделяются этнические, гендерные, возрастные, профессиональные и другие группы, чьи ценности репрезентируются в языке посредством лексики с оценочной семантикой. Испанское общество в силу исторических, социально-экономических, религиозных и других факторов является ярким примером поликультурного социума, и, как и любое другое общество, обладает сложным набором ценностей. Цель исследования — выявить особенности образования и использования в речи языковых единиц с оценочными коннотациями, участвующих в репрезентации этнических, территориальных и социальных групп Испании с точки зрения их отношения к базовым (терминальным) ценностям. Наибольшее число оценочных лексем присутствует в группе, обозначающей территориальную принадлежность испанцев к определенному региону или провинции (*gentilicios*). «Малая родина» (*mi tierra*) для испанца представляет высшую ценность, ассоциируясь с корнями, историей, традициями, семьей и друзьями. Важно отметить, что в региональном контексте архетипическая оппозиция «свои vs чужие» (несмотря на принадлежность к одной стране) проявляется наиболее ярко и требует разграничения экспрессивных номенов с точки зрения авто- и гетерономинации. Если оценочные самоназвания практически всегда имеют положительные коннотации, «воспевая» какое-либо качество обитателей определенной местности, то гетерономены, как правило, предполагают наличие отрицательной оценки, поскольку направлены на именование «чужого» — группы, чьи ценности не разделяются или не считаются значимыми. Автономинация, основанная на гордости за региональную принадлежность, исторические корни и традиции (*maños, gatos, guanches*),

служит инструментом укрепления идентичности, в то время как гетерономиния (*paleto, charnego, polaco*) отражает социальные противоречия, связанные с этническими, культурными или классовыми различиями. Особый интерес представляет связь языковой номинации с футбольной культурой, где прозвища фанатов (*culés, merengues, colchoneros*) становятся символами региональной гордости и преемственности традиций. Таким образом, экспрессивная номинация не только отражает, но и формирует культурные коды испанского общества, выступая важным элементом его языковой картины мира.

Ключевые слова: испанский язык, ценности, культура, экспрессивная номинация, коннотации

Для цитирования: Михеева Н.Ф., Попова Е.А. (2025) Многообразие испанского общества: ценности через призму экспрессивной номинации этносоциальных групп. *Иberoамериканские тетради*. № 1. С. 125–144. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-125-144

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2025. 1. P. 125–144
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-125-144

UDC 811.134.2+316.7

Recibido 20.09.2024

Revisado 10.01.2025

Aceptado 28.02.2025

La diversidad de la sociedad española: valores a través de la nominación expresiva de grupos étnicos y sociales

© Mikheeva N.F., Popova E.A., 2025

Natalia F. Mikheeva, Doctora en Filología, catedrática, Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos Patrice Lumumba.

117198, Rusia, Moscú, Miklukho-Maklaya, 6

ORCID: 0000-0002-0764-2271

E-mail: mikheeva_rudn@mail.ru

Evgenia A. Popova, PhD (Filología), profesora titular, Universidad Estatal Lingüística de Moscú.

119034, Rusia, Moscú, calle Ostozhenka, 38/1

ORCID: 0000-0002-1056-5406

E-mail: o-genia@yandex.ru

Resumen. El multiculturalismo es una de las principales características de una sociedad moderna, que tiene grupos étnicos, de género, de edad, profesionales, etc., cuyos valores se reflejan en el lenguaje a través del léxico con semántica evaluativa. La sociedad española es un ejemplo claro de una sociedad multicultural que, como cualquier otra, cuenta con un complejo conjunto de valores, lo que se debe a factores históricos, socioeconómicos y religiosos. Resulta importante analizar cómo se forman y se usan las unidades lingüísticas con connotaciones evaluativas que representan grupos étnicos, territoriales y sociales de España, desde el prisma de su relación con los valores básicos, o terminales. El mayor número de lexemas evaluativos está

presente en el grupo que denota la pertenencia territorial de los españoles a una determinada región o provincia, o sea entre los gentilicios. Su patria chica, su tierra es un valor esencial para los españoles, que la asocian con sus raíces, su historia, su familia y amigos. Cabe señalar que la oposición arquetípica de «amigos» vs. «enemigos», aunque son del mismo país, se manifiesta de forma muy evidente en el contexto regional, por ello hace falta dividir lexemas expresivos en términos de auto- y heteronominación. Mientras que las autodenominaciones evaluativas casi siempre tienen connotaciones positivas, glorificando alguna cualidad de los habitantes de una determinada zona, los heterónimos en general implican una evaluación negativa, ya que están destinados a nombrar al «otro», a las personas cuyos valores no se comparten ni se consideran importantes. La autodenominación basada en el orgullo de su origen, en raíces históricas y en tradiciones (*maños, gatos, guanches*) sirve como una herramienta para reforzar la identidad, mientras que los heterónimos (*paleta, charnego, polaco*) reflejan las contradicciones sociales relacionadas con las diferencias étnicas, culturales o de clase. Resulta interesante la conexión de la nominación lingüística con la cultura de fútbol, en la que los apodos de los hinchas (*culés, merengues, colchoneros*) se convierten en símbolos de orgullo regional y de continuidad de las tradiciones. Por lo tanto, la nominación expresiva no sólo refleja, sino también determina los códigos culturales de la sociedad española, siendo un elemento importante de su imagen lingüística del mundo.

Palabras clave: lengua española, valores, cultura, nominación expresiva, connotaciones

Para citar: Mikheeva N.F., Popova E.A. (2025) La diversidad de la sociedad española: valores a través de la nominación expresiva de grupos étnicos y sociales, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 125–144. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-125-144

Declaración de divulgación: Las autoras declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Iberoamerican Papers. 2025. 1. P. 125–144
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-125-144

UDC 811.134.2+316.7

RESEARCH ARTICLE

Received 20.09.2024
Revised 10.01.2025
Accepted 28.02.2025

The Diversity of Spanish Society: Values Through the Prism of Expressive Nomination of Ethnic and Social Groups

©Mikheeva N.F., Popova E.A., 2025

Natalia F. Mikheeva, Doctor of Philology, Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6

ORCID: 0000-0002-0764-2271

E-mail: mikheeva_rudn@mail.ru

Evgenia A. Popova, PhD (Philology), Associate professor, Moscow State Linguistic University.

119034, Russia, Moscow, Ostozhenka street, 38/1

ORCID: 0000-0002-1056-5406

E-mail: o-genia@yandex.ru

Abstract. Multiculturalism is one of the main features of modern society, which has ethnic, gender, age, professional and other groups, whose values are represented in the language through vocabulary with evaluative semantics. Spanish society is the epitome of a multicultural society, and, like any other, has a complex set of values due to historical, socioeconomic, religious and other factors. The aim of the study is to analyse the formation and use of lexical units with evaluative connotations that represent ethnic, territorial and social groups in Spain through the prism of their correlation with basic (terminal) values. The largest number of evaluative lexemes is present among demonyms denoting the region or province where a person lives. Homeland (*mi tierra*) is of high value to Spaniards: it is associated with their roots, history, traditions, family and friends. It is important to note that the archetypal opposition of «friend vs. foe» is increasingly present in the regional context, even though the people are from the same country; hence, expressive words need to be differentiated in terms of auto- and heteronomination. While evaluative selfnames usually have positive connotations, glorifying a quality of the inhabitants of a certain area, heteronomination, as a rule, implies negative evaluation, as it names «the other», the people whose values are not shared or are not deemed important. Autonomination based on pride in one's origin, roots and traditions (*maños, gatos, guanches*) serves as a tool for strengthening identity, while heteronomination (*paleta, charnego, polaco*) reveals social contradictions related to ethnic, cultural or class differences. It is particularly interesting to explore the connection between linguistic nomination and football culture, in which fan nicknames (*culés, merengues, colchoneros*) become symbols of regional pride and continuity of traditions. Thus, expressive nomination not only reflects but also shapes the cultural codes of Spanish society, acting as an important element of its linguistic worldview.

Key words: Spanish language, values, culture, expressive nomination, connotations

For citation: Mikheeva N.F., Popova E.A. (2025) The Diversity of Spanish Society: Values Through the Prism of Expressive Nomination of Ethnic and Social Groups, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 125–144. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-125-144

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

Поликультурность выступает одной из основных характеристик современного общества, в котором выделяются этнические, гендерные, возрастные, профессиональные и другие группы, чьи ценности репрезентируются в языке посредством лексики с оценочной семантикой. В условиях активного межкультурного взаимодействия актуальным становится вопрос об исследовании аспектов коммуникации, способствующих успешному общению не только в мире, но и внутри отдельных стран. Испанское общество, в силу исторических, социально-экономических, религиозных и других факторов, является ярким примером поликультурного социума.

Цель настоящего исследования — выявить основания экспрессивной лексики с культурно обусловленной семантикой в пиренейском национальном варианте испанского языка, которая, обладая эмоциональной окраской и выражая оценочное отношение к себе и другим (гордость, уважение или, наоборот, пренебрежение, презрение), служит важным элементом в процессе создания образов этнических, территориальных и социальных групп в современной Испании. Работа развивает тезисы, представленные

авторами к обсуждению на XII Всероссийской научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» [Михеева, Попова, 2024: 42].

В научной литературе сосуществуют различные классификации ценностей (см. труды Е.М. Вольф, С.Г. Воркачева, В.В. Дементьева¹, В.П. Зинченко, В.И. Карасика, Л.М. Смирнова и др.), под которыми понимаются высшие, культурно значимые ориентиры мировосприятия и поведения [Карасик, 2002: 98; Карасик, 2018: 3–11]. Они рассматриваются как дихотомии с положительными (собственно ценности) и отрицательными (антиценности) аспектами, среди которых выделяются базовый и полный перечни (второй считается бесконечным, поскольку реализует представления о наиболее желаемых и эмоционально привлекательных вещах). Базовые ценности делятся на терминальные (цели, идеалы, к которым стремится человек) и инструментальные (способы их достижения) [Смирнов, 2003: 19]. Таким образом, в основе данного исследования лежит дихотомия «свой — чужой», которая относится к группе терминальных ценностей.

В качестве методов исследования использовались этимологический и лингвокультурологический анализ лексем, отобранных с помощью корпусов М. Дэвиса *Corpus del Español* (далее — CDE) и *Sketch Engine*. В задачи применения корпусов входил анализ частотности и сочетаемости экспрессивно окрашенных языковых единиц. Материалом для исследования также послужили толковые словари испанского языка, испанские СМИ, реклама и культурологические блоги.

Ценности испанского общества

Испанское общество, как и любое другое, обладает сложным набором ценностей, формировавшихся веками под влиянием истории, религии, культуры и социальных изменений. К чертам национального самосознания испанцев исследователи относят «консервативное восприятие окружающего мира, чувство собственного достоинства, осознание важности своей исторической миссии как народа, ориентация на религиозные ценности, свободолюбие, бесстрашие, благородство» [Полякова, 2011: 87]. Анализ научной литературы позволяет выделить в числе основных ценностей, присущих испанскому мировосприятию, следующие:

- 1) семья и семейные связи как опора и источник поддержки, а также семейные традиции как важная часть культуры;
- 2) дружба, подразумевающая верность, искренность и поддержку в отношениях;

¹ См., например, монографию «Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике» [Дементьев, 2013]. — *Примеч. авт.*

- 3) любовь как яркое, всепоглощающее чувство, запечатленная в многочисленных произведениях устного народного творчества и письменных источниках;
- 4) католическая религия, которая исторически имела большое значение для Испании и оказала сильное влияние на ценности и мораль общества;
- 5) честь и благородная борьба за ее идеалы;
- 6) привязанность к своей «малой родине», которая формирует осознание общности, с одной стороны, и отличия от соседей — с другой;
- 7) традиции, передающиеся из поколения в поколение и выступающие предметом гордости испанцев;
- 8) праздники (светские и религиозные) и сопровождающее их веселье;
- 9) еда — национальные блюда и составляющие их качественные продукты;
- 10) искусство, включающее обширное музыкальное, художественное и литературное наследие;
- 11) коррида, с которой в сознании испанца связан богатейший ассоциативный ряд;
- 12) футбол и увлеченность своей национальной командой и любимыми клубами;
- 13) юмор, основанный на карнавальной культуре, основными чертами которого являются самоирония, любовь к парадоксам и проистекающие из нее абсурдность и трагикомизм.

Ценности испанского общества (составлено авторами)

Согласно социологическим опросам, проводимым в Испании в начале XXI в., молодые люди 20 лет назад придавали большее значение друзьям и свободному времени, чем люди старшего возраста, при этом они меньше всего ценили политику. С возрастом увеличивается ценность религии (19% молодых людей считают это весьма или очень важным, тогда как среди пожилого населения этот процент составляет 69%)². Сегодня, по мнению социолингвистов, на первый план для молодежи выходят гедонистические ценности³. Тем не менее основополагающей осью, вокруг которой вращается жизнь населения страны, пока остается семья, хотя смыслы, которые вкладывают разные возрастные и социальные группы в данное понятие, претерпели за последние десятилетия значительные изменения⁴.

Таким образом, важно отметить, что указанные ценности взаимосвязаны и влияют друг на друга, могут варьироваться в зависимости от региона, социального слоя и возрастной группы. Многие из них меняются со временем и в зависимости от конкретных условий.

Автономинация: предметы гордости

Каждый национальный язык обладает своей системой категорий, которая влияет на когнитивные процессы, формируя определенные шаблоны восприятия мира для его носителей и подчеркивая неразрывную связь между языком и познанием. Ценностная картина мира закрепляется в когнитивных структурах, включающих так называемую «оценочную концептуализацию» (термин Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2006: 5–21]) — развитие оценочных категорий, наполненных определенным смыслом, которые в каждом конкретном языке вербализуются через определенные процессы и явления. Для испанского языка, по справедливому замечанию Е.В. Астаховой, характерно стремление к свободному словотворчеству — «преувеличению, гиперболе, броским образам, громким словам», что отражает «живость темперамента, экспрессию чувств» испанского народа [Астахова, 2017: 152].

Одним из языковых средств подобного рода, на наш взгляд, можно считать разговорную номинацию представителей этнических, территориальных, социальных, религиозных и иных групп с оценочными коннотациями. Наибольшее число оценочных лексем было выявлено нами в группе, обозначающей территориальную принадлежность испанцев к определенному региону или провинции (*gentilicios*). Согласимся с утверждением о том, что испанцы ощущают общность преимущественно на уровне регионов и небольших территорий, каждая из которых, по мнению ее жителей,

² Córdoba Largo A. Descripción y análisis de la sociedad española. Ciudad redonda. 02.03.2005. URL: <https://www.ciudadredonda.org/articulo/descripcion-y-analisis-de-la-sociedad-espanola/> (accessed: 10.01.2025).

³ Miguel A. de. Valores y virtudes de los españoles. Club Libertad Digital. 15.05.2021. URL: <https://www.clublibertadigital.com/ideas/tribuna/2021-05-15/amando-de-miguel-valores-y-virtudes-de-los-espanoles-6755933/> (accessed: 10.01.2025).

⁴ Córdoba Largo A. Op. cit.

обладает своими уникальными культурными ценностями, отличными от ценностей соседних территорий. Подобный способ мышления формирует основу национального мировоззрения. Для большинства испанцев важно место их рождения, что сильно влияет на их самосознание [Голиков, 2008: 14]. «Малая родина» (*mi tierra*) для испанца представляет высшую ценность, ассоциируясь с корнями, историей, традициями, семьей и друзьями.

Подчеркнем, что в региональном контексте архетипическая оппозиция «свои vs чужие» (несмотря на принадлежность к одной стране) проявляется наиболее ярко и требует разграничения экспрессивных номенов с точки зрения авто- и гетерономинации. Так, оценочные самоназвания (даже изначально пришедшие извне, но принятые жителями территории) практически всегда имеют положительные коннотации, «воспевая» какое-либо качество обитателей определенной местности. Обратимся к примерам.

Арагонцы с гордостью называют себя *maños* или ласково, с использованием диминутивного суффикса, *mañicos*. Использование указанного этнонима в речи возможно как с прописной, так и со строчной буквы. Первое, не являясь официальным, довольно распространено в интернет-коммуникации с целью подчеркнуть свою идентичность, о чем свидетельствует следующая цитата из корпуса CDE: «*Nadie te va a cambiar tus Raíces, a el igual a el que es Maño, o Andalú o Gallego o Cántabro o Vasco o Extremeño o Valensiá...*»⁵ — «Никто не изменит твои Корни, не важно, откуда ты родом — из **Арагона**, Андалусии, Галисии, Кантабрии, Страны Басков, Эстремадуры или Валенсии...»⁶

Уменьшительная форма *mañico*, согласно CDE, не обладает высокой частотностью (16 вхождений против 452 для лексемы *maño*), однако во всех обнаруженных в корпусе образцах речи она используется в комментариях к блогам и в записях устного общения и содержит положительную оценку. Приведем пример такого комментария к статье, посвященной кумиру испанской молодежи

Открытка «Арагон.
«Маньос» танцуют хоту
в традиционном костюме»

⁵ CDE. URL: <http://1492.foroespana.com/t13299-mi-pueblo-se-declara-territori-catala-lliure-que-hacer> (accessed: 10.01.2025).

⁶ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Н.М., Е.П.

рэп-певцу SoRa: «*Es el mejor... ¡Y encima es de Huesca! ¡Es mañico, como yo :D! ¡Viva Aragón!*»⁷ — «Он лучший... Да еще и из Уэски⁸! Он **настоящий арагонец**, как и я [знак улыбки]! Да здравствует Арагон!»

Одна из версий происхождения этнонима *maño* указывает на родство с латинским словом *magnus* — великий. Другая гипотеза, которая считается более обоснованной, строится на использовании лексемы и ее вариантов в контекстах, которые относятся к теме братства (сокращение от *hermano*). Профессор Ф. Индурайн в своих исследованиях утверждает, что этот термин приобретает ассоциации с близостью и родством, подобно использованию сокращений *mano* или *manito* в Чили и Мексике соответственно, где они выражают дружеские отношения или братские узы⁹. Приведенное мнение указывает на приоритет для арагонцев ценности семейных и дружеских связей.

Жителей Мадрида именуют «котами» — *gatos*. Это прозвище уходит корнями в легенду о реконкисте города при короле Альфонсо VI в 1085 г., когда один из самых молодых и храбрых солдат христианской армии ловко, подобно кошке, взобрался на стену арабского Майрита (так в то время назывался захваченный мусульманами город), сменил арабский флаг на христианский и открыл ворота испанским войскам. Впечатленный поступком солдата, король Альфонсо, по прозвищу Храбрый, воскликнул, что тот проник в город, словно кошка, и даровал ему фамилию *Gato* как почетное звание¹⁰. Позже, в результате метонимического переноса, этноним стал обозначать уроженцев Мадрида, актуализируя такие ценности, как защита чести своего города и шире —

«Кот на зеленом шаре»
на площади Кальяо, Мадрид

⁷ CDE. URL: <http://cosicasyverdades.obolog.com/sora-rap-no-me-volvi-choni-asi-xd-2279257> (accessed: 10.01.2025).

⁸ Город в Арагоне, давший название одноименному футбольному клубу. — *Примеч. авт.*

⁹ El origen no del todo incierto de la palabra maño que proviene del latín. Hoy Aragón. 12.02.2024. URL: <https://www.hoyaragon.es/articulo/noticias-aragon/origen-palabra-mano/20240213050000046119.html> (accessed: 10.01.2025).

¹⁰ ¿Por qué a los madrileños se les llama gatos? El motivo que hay detrás del apodo. El Confidencial. 01.07.2024. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/madrid/2024-07-01/significado-apodo-gatos-madrilenos-1qrt-1tna_3913333/ (accessed: 10.01.2025).

¹¹ Fernández S. ¿Por qué llaman gatos a los madrileños? Hoy Madrid. 05.05.2024. URL: <https://www.hoymadrid.app/curiosidades/20240505/por-que-llaman-gatos-a-los-madrilenos/> (accessed: 10.01.2025).

народа, отвага в борьбе за собственное достоинство: «*Ser llamado gato en Madrid va más allá de un simple apodo; es un título que implica una conexión profunda con la ciudad*»¹¹ — «В Мадриде называться “котом” — больше, чем просто прозвище; этот “титул” подразумевает глубокую связь с городом».

Традиционно считалось, что настоящий «гато» должен не просто родиться в Мадриде, но быть сыном, внуком и даже правнуком жителя города. Сегодня этноним используется и в более широком смысле, сохраняя, однако, оттенок особой принадлежности к испанской столице. Образ кота стал культурным символом Мадрида и многочисленных произведений живописи, архитектуры и литературы. Так, например, среди современных скульптур, украшающих город, самыми известными являются «Кот на зеленом шаре» на площади Кальяо (работа скульптора Sabek) и «Красный кот», восседающий на 30-метровом постаменте на крыше здания «Метрополис» (ул. Алькалá, 31) и внимательно наблюдающий за городом (работа скульптора Eladio de Mora — dEmo).

«Красный кот» на крыше здания «Метрополис», Мадрид

Доблесть и отвага, проявленные при защите родной земли, отражены и в экспрессивной номинации жителей малых административных образований, что полностью укладывается в ценностную составляющую концепта *mi tierra*. Например, уроженцы маленького городка Дуэньяс в одноименном муниципалитете провинции Паленсия (автономная область Кастилья и Леон) называются *botijeros* (*botijo* — глиняный кувшин для воды) и гордятся легендой о том, как их предки освободили замок от мусульманских захватчиков необычным способом — *a botijazos*, то есть швыряя в них глиняными кувшинами. Согласно преданию, осада крепости длилась целый день, к закату все враги из гарнизона были убиты, а затем замок был полностью разрушен — «от него не осталось камня на камне»¹².

Сегодня на площади Доктора Синовы (Plaza del Doctor Sínova) в Дуэньясе находится один памятник кувшину, а на въезде в городок — другой, и оба входят в число его основных достопримечательностей. *Botijos* стали настоящей «визитной карточкой» населенного пункта, глубоко укоренившись в местной культуре: главные августовские праздники, посвященные дню города, здесь называют «Ботихерас» (*Botijeras*), а высшей наградой

¹² Iglesia Aparicio J. Dueñas. Condado de Castilla. URL: <https://www.condadodecastilla.es/lugares/duenas/> (accessed: 10.01.2025).

на местных поэтических состязаниях (*Justas Poéticas*) служит «Золотой кувшин» (*Botijo de Oro*¹³). Так скромный глиняный кувшин превратился в символ единства и гордости для жителей Дуэньяса, объединяя прошлое и настоящее в их культурном наследии.

Разговорная номинация жителей некоторых регионов с течением времени становится официальной: например, остров Фуэртевентура (Канарские острова) населяют *majoreros*, и за этим именем стоит гораздо больше, чем просто обозначение места их происхождения. Считается, что аборигены Фуэртевентуры и Лансароте, *mahos*, оставили неизгладимый след в культуре острова, привнесли в нее свои традиции, обычаи, особые отношения с окружающей средой, так что *majoreros* являются последователями и хранителями традиционных ценностей и уклада жизни на данной территории.

Связь с корнями, природой, традиционными промыслами отражается и в других номенах обитателей Канарских островов: на Тенерифе живут *chicharreros* (от названия рыбы *chicharro*), на Лансароте — *conejeros* (*conejo* — «кролик»), Иерро населяют *bimbaches* (по имени коренных обитателей)¹⁴. Единственным гетероэтнонимом, носящим пренебрежительный оттенок, является *canarión/canariote*, обозначающий жителей острова Гран Канария, однако для автономии он не используется.

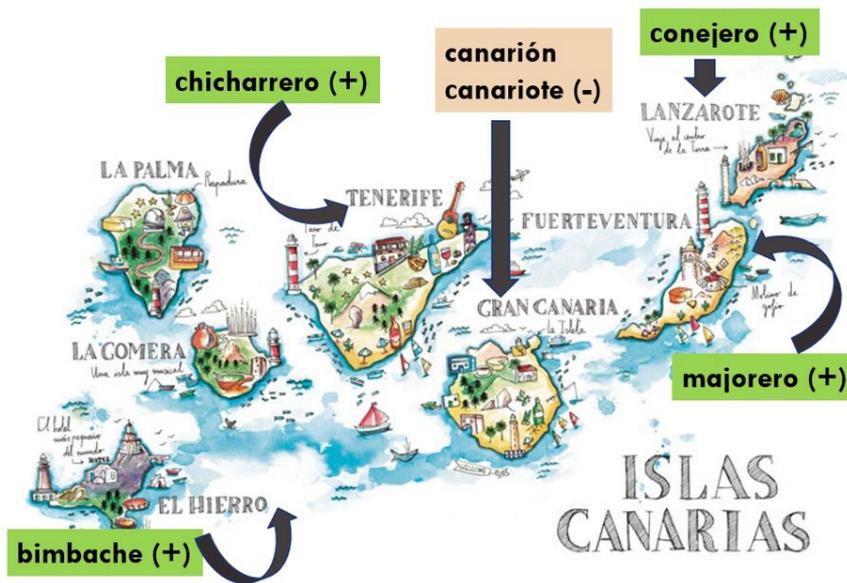
Ярким примером репрезентации ценностей родства, преемственности и традиций выступает этноним *guanche*, обозначающий человека на родном языке первых обитателей Канарских островов и происходящий от сложного слова (*g*)*wachinet* — «сын вулкана». Изначально этноним использовался для автономии жителями острова Тенерифе, который ассоциировался с вулканом Тейде, а сейчас он обозначает канарцев в целом, сочетая в себе элементы метафоры и метонимии [Попова, 2023: 918–920]. Среди причин появления положительных коннотаций также можно назвать легенды о так называемых «Счастливых островах» из классической мифологии и о затерянной Атлантиде, нахождение которой на широте Канарских островов предполагал Платон.

Памятник глиняному кувшину
в г. Дуэньяс, Паленсия

¹³ Mar Gómez vence en las Justas Poéticas de Dueñas. Diario Palentino. 16.08.2018. URL: <https://www.diariopalentino.es/Noticia/Z7CB40110-A84F-2C1C-2D3ECF0AEF5F8A7C/201808/Mar-Gomez-vence-en-las-Justas-Poeticas-de-Duenas> (accessed: 10.01.2025).

¹⁴ Gentilicios de las Islas Canarias. Guanchipedia. 25.05.2018. URL: <https://guanchipedia.com/gentilicios-diferentes-islas-canarias/> (accessed: 10.01.2025).

Карта Канарских островов с разговорной номинацией их жителей

Интересно отметить, что ценностный концепт *mi tierra* преломляется в Испании в свете другой ценности — любви к футболу, выражаясь в наличии экспрессивно окрашенных наименований фанатов каждого футбольного клуба. Такая номинация может быть основана на метафорическом или метонимическом переносе, цветовых ассоциациях и, как правило, связана с историческим фактором. Например, фанатов «Барсы» (*Barça* — футбольный клуб Барселоны) называют *culé* (от *culo* — «зад»), однако в этом нет ничего оскорбительного, наоборот, номен подчеркивает силу традиций и преемственности.

Данное прозвище появилось в начале XX в., поскольку между 1909 и 1922 гг. команда «Барса» проводила свои матчи на поле на улице Индустрия (*Indústria*) и в то время стадионы имели маленькую вместимость и ненадежные трибуны, так как футбол еще не стал настоящим массовым явлением. Максимальная вместимость поля составляла 6000 зрителей, многие болельщики оставались без мест и были вынуждены сидеть на стене, спиной к улице, что и наблюдали пешеходы. Прозвище *culés*, которое болельщики «Барсы» сохранили после перехода команды на поле «Лес Кортс» (*Les Corts*) и стадион «Камп Ноу» (*Camp Nou*), они носят с гордостью.

В корпусе CDE 47,5% примеров актуализации указанного слова в речи ожидаемо относятся к Испании (787 вхождений из 1658), а его использование в других испаноязычных странах также ассоциируется с «Барсой»: в примерах речь может идти о ее игроках, тренерах, применяемой технике, болельщиках команды и др. Ресурс Sketch Engine при составлении тезауруса

сочетаемости номена выдает следующее наиболее частотное его окружение (в порядке убывания): *equipo* («команда»), *conjunto* (здесь: «команда»), *cuadro* («состав»), *club* («клуб»), *soy* («я [есть]»), *afición* (здесь: «болельщики»), *técnico* (здесь: «тренер»), *jugador* («игрок»), *banquillo* («скамейка запасных»), *directiva* («инструкция, правило»), *entrenador* («тренер»), *técnica* («техника»), *vestuario* («форма»), *aficionado* («болельщик»), *elenco* («состав»), *defensa* («защита»), *plantilla* («состав»), *Barcelona* («Барселона»), *estrella* («звезда»), *temporada* («сезон»).

Приведем еще несколько примеров подобной номинации, которая может стать темой дальнейших исследований и отдельных статей, поскольку на данный момент нами были выявлены 24 лексических единицы в указанной области:

- команда Espanyol (Барселона) и ее фанаты — *pericos* (*perico* — «попугай»);
- Real Madrid (Мадрид) — *merengues* (*merengue* — «меренга, безе»);
- Atlético (Мадрид) — *colchoneros* (от *colchón* — «матрас»);
- Athletic (Бильбао) — *leones* (*león* — «лев»);
- Sevilla (Севилья) — *palanganas* (букв. «умывальный таз»);
- Betis (Севилья) — *verdolagas* (букв. «растение портулак») и др.

Отметим, что даже в одном городе Испании может быть несколько футбольных команд, что, с одной стороны, подчеркивает ценность футбола в испанской культуре, а с другой — дает почву для возникновения значительного числа экспрессивных обозначений.

«Чужие» среди «своих»: лингвокультурная репрезентация

В отличие от автономинации, гетерономены, как правило, предполагают наличие отрицательной оценки, поскольку направлены на именование «чужого» — группы, чьи ценности не разделяются или не считаются значимыми. Вслед за С.Д. Камаловой подчеркнем, что исследование механизмов формирования гетерообраза, или образа «чужих» (включающих такие степени отчужденности, как «другой», «иной» и «враг»), и его противопоставления с автообразом (термины лингвистической имагологии) «позволяет выявить их структурные, а не случайные различия, формирующие бинарные оппозиции», «комбинации неких морально-ценностных оппозиций, которые носят универсальный характер и не обладают национальной спецификой, а значит могут встречаться в различных ситуациях» [Камалова, 2020: 24].

Болельщики клуба «Барса» на старом стадионе на ул. Индустрия, Барселона

К таким оппозициям, в частности, можно отнести противопоставление характеристик «столичный/городской = образованный/культурный» vs «провинциальный/деревенский = отсталый/неотесанный». Так, в испанском языке жители больших городов используют для обозначения жителей маленьких городков или сельской местности уничижительные номены *paleta* (от *paleta* — «свиная нога», метонимический перенос) и *cateto* (букв. «перпендикулярный», метафора; /ср. исп. *tener la mente cuadrada*, рус. *одна извилина и та — прямая!* — «деревенщина», «грубый человек», «отсталый»), тем самым считая себя выше по социальному статусу.

Проиллюстрируем типичные ассоциации с образом *paleta*¹⁵. Примечательно, что от самой лексемы могут быть образованы существительные с диминутивными суффиксами, что придает высказываниям не только уничижительный, но и снисходительный оттенок:

- *Eres tan paleta que hueles a boñiga de vaca, chaval.* — Ты такой **неотесанный**, что от тебя пахнет коровьим навозом, малыш.
- *Era una paleta recién llegada de una aldea perdida.* — Она была **глупой провинциалкой**, только что прибывшей из затерянной деревни.
- *Era un poco paletorro. No le gustaba ninguna comida que no fueran los huevos fritos con chorizo.* — Он не **очень-то блистал культурой**. Ему не нравилась никакая еда, кроме яичницы с чоризо.
- *Es un poco paletilla. No creo que entienda la opera.* — Он (она), **мягко говоря, не образчик вкуса**. Не думаю, что он (она) поймет оперу.

Представление о типичном *paleta* (*cateto*) в испанском кинематографе

Испанский язык изобилует этнофолизмами, основанными на противопоставлении по территориальному признаку, к которому в разных ситуациях прибавляются этнические, расовые, культурно-языковые и другие характеристики. Например, этнофолизм *polaco* используют испанцы, разговаривающие на кастельяно, называя так каталонцев, подчеркивая невозможность и нежелание понять их язык и таким образом обесценивая его. *Calorro/lolailo* — этноним, оскорбительный для испанцев, имеющих цыганские корни. Первый его вариант образован от сочетания *raza calé* (букв. «цыганская раса»), в нем прослеживается дискриминация по расовому признаку, тем более что слово *caló* также означает черный цвет. Второй

¹⁵ Приведенные ниже примеры взяты из источника Coloquialmente. Glosario español de andar por casa. URL: <http://coloquialmente.com/es/paleta> (accessed: 10.01.2025). — *Примеч. авт.*

вариант имеет оноματοпоэтическое происхождение и как бы «передразнивает» речь представителей указанного сообщества. «Чужаки-мигранты» из других регионов Испании в Страну Басков обозначаются обидным словом *maqueto/maketo* (от баск. *makito/maketo* — «глупый»), а на Канарские острова — этнофолизмом *godo* (букв. «гот»), который имеет историческую подоплеку и ассоциируется с захватом территории.

За многими из приведенных примеров стоят острые социальные проблемы, которые поднимаются и освещаются в испанских СМИ, литературе, кинематографе, рекламе. Так, в последние десятилетия активно исследуется и обсуждается феномен *charnegos* — мигрантов из других регионов Испании в Каталонию (от кат. *lucharniego* — «собака, выходящая на ночную охоту»). С течением времени в результате метонимического переноса лексема *charnego* стала использоваться в гораздо более широком смысле.

Во-первых, для уничижительного обозначения приезжих из других стран (Латинской Америки или Северной Африки), что отражает глобализацию миграционных процессов. Фильм Алехандро Гонсалеса Иньярриту (Alejandro González Iñárritu, p. 1963) «Biutiful» (2009) и книга Хавьера Лопеса Меначо (Javier López Menacho, p. 1982) «Yo, charnego» (2020) стремятся обнажить социальные противоречия, связанные с вопросами миграции, переосмыслить ассоциации, укоренившиеся в общественном сознании относительно данного явления, изменить негативное отношение к *charnegos* и таким образом возобновить культурный диалог [Попова, 2024: 570]. Так, Иньярриту называет свой фильм «духовной отрыжкой» (*vómito espiritual*), демонстрируя суровую реальность жизни «чарнегос» в районе Эль Раваль (El Raval) Барселоны, который не имеет ничего общего со всемирно известной «фасадной» стороной города, представленной шедеврами Гауди, Готическим кварталом, фешенебельным Эшампле и др. Главный герой фильма «Biutiful» Уксбаль вызывает сочувствие как одновременно нарушитель закона и помощник нелегальных иммигрантов именно в широком смысле [Попова, 2024: 570–571].

Во-вторых, в 1980–2000-х гг. слово также стало активно использоваться в дискуссиях о независимости Каталонии, а сторонники сепаратизма стали называть *charnegos* тех, кто, даже будучи этническими каталонцами, не поддерживал их идеи. Х. Меначо в своих мемуарах «Yo, charnego» демонстрирует личный опыт миграции, подчеркивая в аннотации к книге право *charnegos* на будущее, отнятое у них историей. Создаваемый образ в данном случае вызывает не жалость, а восхищение силой духа людей, не побоявшихся коренным образом изменить свою жизнь: «*Charnego es una palabra tan fronteriza como solo ella puede serlo. Surge del tránsito y es sinónimo de desarraigo, de dolor u olvido, pero también de adaptación, de recuerdo o de libertad. Los hay que reniegan del término, otros sienten que no les define, y muchos le han dado la vuelta, haciendo de él señal de identidad, mezcla fructífera y orgullo de clase.*» —

«*Charnego* — максимально амбивалентное понятие. Оно возникает в результате миграции и является синонимом изгнания, боли и забвения, но также адаптации, памяти и свободы. Одни презирают его, другие считают, что оно не соответствует реальности; тем не менее многие изменили его смысл, сделав отличительной чертой своей идентичности, плодотворных отношений и классовой гордости»¹⁶.

После выхода книги Х. Меначо, вызвавшей бурные дискуссии, значительная часть сообщества *charnegos* начала использовать данный номен как знак гордости, подчеркивая свою роль в строительстве современной Каталонии. Например, в соцсетях стал популярным хэштег *#orgulloxarnego / #orgullocharnego* («гордость быть “чарнего”»). В политических дебатах *charnego* все чаще звучит в контексте ироничной автономии, а в молодежной культуре иногда используется для обозначения культурного гибрида.

Интересно отметить, что на противопоставлениях социальных групп может быть основана реклама. В телеграм-блоге лингвиста Ю. Львовой об испанской культуре «Español y Eventos» для анализа подписчикам предлагается следующий слоган фирмы *Bumpers Brand Clothes (BVMPRS BRAND)*: *Borja, Cayetano, Froilán y Pelayo ya nos visten. Pero también puedes hacerlo tú, Javi* (букв. «Борха, Кайетано, Фройлан и Пелайо уже носят нас. Но теперь это можешь сделать и ты, Хави»). Первые четыре имени являются самыми популярными для испанских «мажоров» (*pijos*), поскольку именно так исторически было принято называть детей в аристократических семьях с древней родословной. Более того, в современном испанском языке *cayetano* все чаще употребляется как имя нарицательное с негативной коннотацией, постепенно вытесняя *pijo*, о чем свидетельствуют корпусные данные CDE: 1736 вхождений (30%) из 5829 (по 21 стране) приходится на пиренейский национальный вариант испанского языка, из них в приведенном значении используется 49%, а 6% (95 вхождений) написаны со строчной буквы.

Возвращаясь к рекламе, можно заключить, что выглядит слоган весьма провокационно, поскольку в нем заложен следующий смысл: «сливки общества уже давно носят нашу одежду, но теперь мы доступны и для простых людей». *BVMPRS BRAND*, будучи брендом для людей с высоким уровнем достатка, выпустил линию более бюджетной ценовой категории и обратил на себя внимание метонимической оппозицией, в которой, на наш взгляд,

Обложка книги
Х.Л. Меначо
«Yo, charnego»

¹⁶ Menacho J.L. Yo, charnego: Memoria personal de la emigración a Cataluña. Txalaparta. 2020. URL: <https://www.txalaparta.eus/es/libros/yo-charnego> (accessed: 10.01.2025).

зложено не только противопоставление ценностей, но и обесценивание определенных социальных групп. Зная особенности испанского юмора, можно предположить, что в Испании такая реклама воспринимается иначе, — и такая гипотеза может стать источником для дальнейших исследований.

* * *

Система ценностей играет ключевую роль в процессе социализации, формируя интересы, потребности и нормы поведения как отдельного человека, так и общества в целом. Оценочность и ценностные характеристики в настоящее время рассматриваются как фундаментальные аспекты человеческого бытия и общества. Однако они до сих пор остаются не до конца изученными в своем единстве и разнообразии их проявлений в языке. Исследование ценностных характеристик картины мира испанцев представляет особый интерес, поскольку культура Испании — одна из богатейших в мире, а «испанцы, как и русские, — один из самых смешанных этносов» [Полякова, 2011: 86].

Проведенное исследование позволило выявить ключевые механизмы репрезентации ценностей поликультурного общества Испании через призму экспрессивной номинации этнических, территориальных и социальных групп. Основной акцент был сделан на анализе языковых единиц с оценочными коннотациями, которые формируют образы «своих» и «чужих», отражая базовые ценности испанской культуры.

Результаты исследования подтвердили, что автономинация, основанная на гордости за региональную принадлежность, исторические корни и традиции, служит инструментом укрепления идентичности. Такие лексемы, как *maños* (Арагон), *gatos* (Мадрид) или *guanches* (Канарские острова), актуализируют ценности семьи, исторической памяти и локальной солидарности. Напротив, гетерономиния (*paleto*, *charnego*, *polaco* и др.) отражает социальные противоречия, связанные с этническими, культурными или классовыми различиями.

Особый интерес представляет связь языковой номинации с футбольной культурой, где прозвища фанатов (*culés*, *merengues*, *colchoneros* и др.) становятся символами региональной гордости и преемственности традиций. Этот феномен демонстрирует, как спорт интегрируется в систему культурных ценностей, усиливая коллективную идентичность.

Таким образом, экспрессивная номинация не только отражает, но и формирует культурные коды испанского общества, выступая важным элементом его языковой картины мира. Среди исследуемого массива языковых данных на данный момент нами было выявлено около 80 примеров единиц пиренейского национального варианта испанского языка с оценочными коннотациями, анализ которых представляется актуальным и перспективным для новых научных изысканий.

Список литературы / References

- Астахова Е.В. (2017) *Испания как метафора: монография*, Москва, МГИМО-Университет, 274с.
- Astahova E.V. (2017) *Ispaniya kak metafora: monografiya* [Spain as a metaphor: monograph], Moscow, MGIMO-Universitet, 274 p. (In Russian)
- Болдырев Н.Н. (2006) Языковые категории как формат знания, *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 2, с. 5–22.
- Boldyrev N.N. (2006) Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a knowledge format], *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 5–22. (In Russian)
- Голиков С.Н. (2008) *Лингводидактические основы педагогического проектирования системы обучения испанцев русскому языку и тестирования*, Автореф. дисс. ... канд. пед. наук, Москва, 34 с.
- Golikov S.N. (2008) *Lingvodidakticheskie osnovy pedagogicheskogo proektirovaniya sistemy obucheniya ispancev russkomu yazyku i testirovaniya* [The lingvo-didactic bases of pedagogic project of system in teaching Spaniards Russian language and testing them], PhD. Abstract, Moscow, 34 p. (In Russian)
- Дементьев В.В. (2013) *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике*, Москва, Глобал Ком, 336 с.
- Dement'ev V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics], Moscow, Global Kom, 336 p. (In Russian)
- Камалова С.Д. (2020) *Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестинно-израильском конфликте)*, Дисс. ... канд. филол. наук, Москва, 189 с.
- Kamalova S.D. (2020) *Obraz «chuzhih» v mul'tikul'turnoj literature s pozicii lingvisticheskoy imagologii (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj literatury o palestino-izrail'skom konflikte)* [The Image of «Strangers» in Multicultural Literature from the Position of Linguistic Imagology (Based on English-Language Fiction about the Palestinian-Israeli Conflict)], PhD. Thesis, Moscow, 189 p. (In Russian)
- Карасик В.И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград, Перемена, 477 с.
- Karasik V.I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena, 477 p. (In Russian)
- Карасик В.И. (2018) Ценности как культурно значимые ориентиры поведения, *Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике. Материалы Международной научной конференции*, под ред. В.И. Карасика, М. Вана, Волгоград, ПринТерра-Дизайн, с. 3–11.
- Karasik V.I. (2018) Cennosti kak kul'turno znachimye orientiry povedeniya, [Values as culturally significant guidelines for behavior], in V.I. Karasik, M. Van (eds.) *Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoi praktike. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Linguocultural Values in Language Consciousness and Communicative Practice. Proceedings of the International Scientific Conference], Volgograd, PrinTerra-Dizain, pp. 3–11. (In Russian)

Михеева Н.Ф., Попова Е.А. (2024) Ценности поликультурного общества Испании в зеркале экспрессивной социальной и этнической номинации, *Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Материалы XII Всероссийской науч. конф., 21-22 ноября 2024 г., Москва: Сборник тезисов*, под ред. Ю.Л. Оболенской, Москва, МАКС Пресс, с. 42.

Miheeveva N.F., Popova E.A. (2024) Cennosti polikul'turnogo obshchestva Ispanii v zerkale ekspressivnoy social'noj i etnicheskoj nominacii [Values of the multicultural society of Spain in the mirror of expressive social and ethnic nomination], in Yu.L. Obolenskaya (ed.) *Ibero-romanistika v sovremennom mire: nauchnaya paradigma i aktual'nye zadachi. Materialy XII Vserossijskoj nauch. konf., 21-22 noyabrya 2024 g., Moskva: Sbornik tezisov* [Ibero-romantic studies in the modern world: scientific paradigm and current tasks. Proceedings of the XII All-Russian scientific conference, November 21–22, 2024, Moscow: Collection of abstracts], MAKS Press, Moscow, p. 42. (In Russian)

Полякова А.А. (2011) Ценностно-смысловая составляющая «образа мира» в испанской культуре, *Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность*, № 2, с. 85–92.

Polyakova A.A. (2011) Cennostno-smyslovaya sostavlyayushchaya «obraza mira» v ispanskoj kul'ture [Value-semantic component of «the image of the world» in Spanish culture], *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, no. 2, pp. 85–92. (In Russian)

Попова Е.А. (2023) Экспрессивная номинация жителей Канарских островов: основания, образы, коннотации, *LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 14–21 марта 2023, Санкт-Петербург. Сборник тезисов*, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, с. 918–920.

Popova E.A. (2023) Ekspressivnaya nominaciya zhitelej Kanarskih ostrovov: osnovaniya, obrazy, konnotacii [Expressive nomination of the inhabitants of the Canary Islands: grounds, images, connotations], *LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi. 14-21 marta 2023, Sankt-Peterburg. Sbornik tezisov* [LI Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 14–21, 2023, St. Petersburg. The Book of abstracts], Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 918–920. (In Russian)

Попова Е.А. (2024) Экспрессивная этнономинация в испанском языке: формирование метаобраза в «(не)диалоге» культур, *Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях: электронный сборник научных трудов. Т. 6, № 1*, под ред. Д.А. Крячкова, Москва, МГИМО-Университет, с. 566–574. DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

Popova E.A. (2024) Ekspressivnaya etnonominaciya v ispanskom yazyke: formirovanie metaobraza v «(ne)dialoge» kul'tur [Expressive ethnonomination in the Spanish language: formation of a meta-image in the «(non)dialogue» of cultures], in D.A. Kryachkov (ed.) *The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context: a collection of research papers. Vol. 6, no. 1*, Moscow, MGIMO-Universitet, pp. 566–574. DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1 (In Russian)

Смирнов Л.М. (2003) Базовые ценности и «антиценности» современных россиян, *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*, отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева, Москва, Дом интеллектуальной книги, с. 16–26.

Smirnov L.M. (2003) Bazovye cennosti i «anticennosti» sovremennyh rossiyan [Basic Values and «Anti-Values» of Modern Russians], in A.V. Ryabov, E.Sh. Kurbangaleeva (eds.) *Bazovye cennosti rossiyan: Zhiznennyye strategii. Simvoly. Mify* [Basic Values of Russians: Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths], Dom intellektual'noj knigi, Moscow, pp. 16–26. (In Russian)

El sol y la sombra del ruedo: Rostros de la calle en la Plaza de Acho. Reflexiones sobre un libro de perfiles periodísticos y ensayo fotográfico peruano¹

© Cáceres Álvarez L., 2025

Luis Cáceres Álvarez², investigador independiente (Perú).

ORCID: 0000-0002-1738-5483

E-mail: luis.caceres4@unmsm.edu.pe

Resumen. La llegada de la COVID-19 a la capital peruana, oficialmente el 6 de marzo de 2020, reveló una realidad alarmante: más de 3 000 personas en situación de desamparo hicieron de las calles su hogar. En este contexto de emergencia, la histórica Plaza de Toros de Acho —una de las más antiguas de América y del mundo— se transformó en un refugio temporal para personas en situación de calle durante los primeros meses de la pandemia. La presente investigación aborda la metodología empleada por cuatro periodistas para documentar las historias de personas albergadas en este emblemático espacio. Mediante un libro que combina perfiles periodísticos con un ensayo fotográfico, se exploran las dinámicas de intersubjetividad en la narración y representación de estas historias. El trabajo no solo busca informar, sino también reflexionar sobre la condición humana, las estructuras sociales y la memoria colectiva en tiempos de crisis. El libro no es solo una crónica de un periodo crítico; es una ventana hacia las tensiones y contradicciones de una sociedad desigual. Al adentrarse en los recovecos de las vidas de sus protagonistas, ofrece una mirada sensible y profunda que desafía la indiferencia y recuerda el valor de la dignidad humana frente a la adversidad. Además, este libro actúa como un transmisor fundamental de la cultura peruana, rescatando la oralidad y el lenguaje de las calles del mundo subterráneo limeño, una forma novedosa de entender la cultura popular de Lima, lo que lo convierte en una contribución significativa para descubrir a personajes poco conocidos de su paisaje cultural.

¹ Una plaza de toros consiste en un ruedo, que es un espacio central, y un anfiteatro con asientos. El precio de los asientos varía según la posición del sol durante las corridas, que suelen celebrarse en las primeras horas de la tarde. Los asientos en la zona del sol son más baratos que los que están en sombra. — *N. de la R.*

² Luis Cáceres Álvarez es licenciado en Comunicación y Periodismo (UPC), tiene un máster en Antropología (UNMSM). Es autor de *La Catedral del Criollismo, Guardia Vieja del siglo XXI* (2017) y coautor de *Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho* (2020). Fue redactor de FOT (Revista Peruana de Fotografía e Investigación Visual /2018–2021/) y corresponsal en el Perú del servicio en español de la Agencia Anadolu de Turquía.

Palabras clave: Perú, Casa de todos, Plaza de Acho, COVID-19, perfil periodístico, fotografía documental, sociedad, valor de la dignidad humana

Para citar: Cáceres Álvarez L. (2025) El sol y la sombra del ruedo: Rostros de la calle en la Plaza de Acho. Reflexiones sobre un libro de perfiles periodísticos y ensayo fotográfico peruano, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 145–160. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-145-160

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД

Иberoамериканские тетради. 2025. 1. С. 145–160
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-145-160

УДК 316.3+070

Статья поступила 21.01.2025
После доработки 20.02.2025
Принята к публикации 26.02.2025

Солнце и тень: лица улицы на арене боя быков. Размышления о книге очерков о людях, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах³

© Касерес Альварес Л., 2025

Луис Касерес Альварес⁴, независимый исследователь (Перу).

ORCID: 0000-0002-1738-5483

E-mail: luis.caceres4@unmsm.edu.pe

Аннотация. Пандемия COVID-19, объявленная в столице Перу Лиме 6 марта 2020 г., обнажила пугающую истину: более трех тысяч человек оказались на улице. В этой непростой ситуации площадь Acho, одна из старейших арен для боя быков на американском континенте, стала временным пристанищем для бездомных людей в первые месяцы пандемии. В книге «Дом для всех» четыре журналиста представили истории людей, временно размещенных

³ Стадионы, где проходит коррида, состоят из арены («ruedo») и амфитеатра со зрительскими местами. Стоимость билетов зависит от того, как расположены места по отношению к солнцу во время корриды, которая обычно проводится во второй половине дня. Места, расположенные в секторе, где всё представление светит солнце, стоят дешевле, чем места, находящиеся в тени. — *Примеч. ред.*

⁴ Луис Касерес Альварес окончил Перуанский университет прикладных наук по специальности «связи с общественностью и журналистика», а также магистратуру по антропологии в Главном национальном университете Сан-Маркос. Автор книги «La Catedral del Criollismo. Guardia Vieja del siglo XXI» («Кафедральный собор Криоллисмо. Гвардия Вьеха XXI века», 2017). Соавтор книги «Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho» («Дом для ВСЕХ. Лица улицы на площади Acho», 2020). С 2018 по 2021 г. работал редактором журнала FOT (Revista Peruana de Fotografía e Investigación Visual) и корреспондентом испанской службы турецкого агентства Anadolu в Перу.

в этом знаковом месте. Размышления автора не только носят информативный характер, но и заставляют задуматься о судьбе человека, об обществе и коллективной памяти во времена кризиса. Жизненные перипетии героев, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах, напоминают о ценности и достоинстве человека, преодолевающего невзгоды, и ставят вопрос о том, насколько социум готов к эмпатии и взаимопомощи. Книга «Дом для всех», ставшая итогом антропологического исследования, в котором большая роль принадлежит визуальному ряду, содержит политическую, социальную, этическую и иную трактовки перуанской действительности.

Ключевые слова: Перу, Дом для всех, площадь Ачо, COVID-19, портретный очерк, документальная фотография, общество, ценность человеческого достоинства

Для цитирования: Касерес Альварес Л. (2025) Солнце и тень: лица улицы на арене боя быков. Размышления о книге очерков о людях, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах. *Иberoамериканские тетради*. № 1. С. 145–160. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-145-160

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ANOTHER VIEW

Iberoamerican Papers. 2025. 1. P. 145–160
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-145-160

UDC 316.3+070

Received 21.01.2025
Revised 20.02.2025
Accepted 26.02.2025

The Sun and the Shadow in a Bullring: Faces of the Street in the Plaza de Acho. Reflections on a Peruvian Book of Profile Features and a Photo-Essay⁵

© Cáceres Álvarez L., 2025

Luis Cáceres Álvarez⁶, independent researcher (Peru).

ORCID: 0000-0002-1738-5483

E-mail: luis.caceres4@unmsm.edu.pe

⁵ A bullring consists of an open central space (*ruedo*) and an amphitheatre with tiered rows of seats. The price for tickets depends on the position of the sun during bullfights, which usually take place in the afternoon. The seats in the sector where the sun shines throughout the bullfight are cheaper than those in the shadow.

⁶ Luis Cáceres Álvarez is Bachelor in Communication and Journalism (UPC) and Master in Anthropology (UNMSM). Author of *La Catedral del Criollismo. Guardia Vieja del siglo XXI* («The Cathedral of Criollism. The Old Guard of the 21st Century»), 2017. Co-author of *Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho* («Home for EVERYONE. Faces of the Street in the Plaza de Acho»), 2020. He was editor of FOT. Revista Peruana de Fotografía e Investigación Visual (2018–2021) and correspondent for the Spanish-language office of Turkey's Anadolu Agency in Peru. — [EN].

Abstract. The COVID-19 pandemic, which officially began in the Peruvian capital on March 6, 2020, revealed an alarming situation: more than 3,000 people were living on the streets. Because of the emergency, the historical Plaza de Acho, one of the oldest bullrings in America and the world, became a temporary refuge for homeless people in the first months of the pandemic. In *Home for Everyone* four journalists documented stories of people who found themselves living in this emblematic place. The book, which combines profile features and a photo-essay, explores the correlation between the narration and presentation of these stories. Not only is this work informative, but it also prompts readers to reflect on the human condition, social structure, and collective memory in times of crisis. This is a chronicle of a difficult period, which also shows tensions and contradictions in an unequal society. By delving into the vicissitudes of the lives of its protagonists, it offers a sensitive yet profound outlook that defies indifference and reminds us of the value of human dignity in the face of adversity. In addition, this book is a transmitter of Peruvian culture, as it displays the language and culture of Lima's streets and allows us to meet the little-known characters of its cultural landscape.

Key words: Peru, Home for Everyone, Plaza de Acho, COVID-19, profile feature, documentary photography, society, value of human dignity

For citation: Cáceres Álvarez L. (2025) The Sun and the Shadow in a Bullring: Faces of the Street in the Plaza de Acho. Reflections on a Peruvian Book of Profile Features and a Photo-Essay, *Ibero-american Papers*, no. 1, pp. 145–160. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-145-160

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Предлагаем читателям размышления перуанского журналиста и антрополога Луиса Кáсереса, одного из участников социального проекта и авторов книги «Casa de todos» («Дом для всех»). Помимо знакомства с впечатляющим — и по содержанию, и по оформлению, и по объёму — изданием на одну из злободневных гуманитарных тем современности — человек в чрезвычайных обстоятельствах, — мы имеем возможность увидеть ту часть перуанского общества, которая обычно остается в тени как публичного, в том числе и со стороны государства, так и научного внимания. Одинокие, не имеющие поддержки люди в силу драматических обстоятельств — пандемии COVID-19 — оказались на виду. Мы узнаём о том, насколько готовы государственные органы помочь таким людям, насколько общество и его граждане солидарны или равнодушны к беде.

Поскольку, кроме оказания социальной поддержки, ученые, задействованные в представленном проекте, проводили и свои исследования, интересно проследить, каким был используемый в этой форс-мажорной ситуации научный и психологический инструментарий, какая модель поведения была избрана и почему. На всех этапах авторского повествования, а значит, и предшествовавшей ему работы, мы наблюдаем постоянное критическое осмысление действий команды антропологов, социологов, фотожурналистов в экстремальных условиях, а также размышления автора об этике этих профессий: в каком ключе и в какой форме подавать получаемую информацию, как опрашивать респондентов, — при этом в сопоставлении с тем,

как в сходных обстоятельствах действовали коллеги в других частях света... И конечно, немалый интерес вызывают особенности подхода к проблеме противостояния двух миров социума — элитарного и маргинального, одиночества человека и степени зрелости окружающего его общества. Книга, ставшая итогом антропологического исследования, в котором большая роль принадлежит визуальному ряду, содержит политическую, социальную, этическую и иную трактовки и нелицеприятную оценку перуанской действительности. Особое значение придается и символике места, которое стало «Домом для всех», — историческая, XVIII века, арена боя быков в Лиме (не случайно один из разделов этой статьи назван «Все мы тореадоры в этой жизни»), а также событиям, конкретным людям и действиям. В описании видится отражение и культурно-исторического своеобразия того «мира» (перуанского, а может быть, и шире), о котором автор пишет и который сам представляет.

Редакция

La Plaza de Acho como refugio

Inaugurada en 1766, la Plaza de Acho es la plaza de toros más antigua de América y la tercera a nivel mundial, tras las de Pamplona y de Madrid. Con capacidad para unos 13 000 espectadores, ha sido testigo de importantes eventos culturales y sociales, además de albergar la feria taurina del Señor de los Milagros, considerada la más relevante del Perú. Declarada monumento histórico nacional en 1972 y parte del patrimonio cultural de la humanidad por la UNESCO desde 1991, está ubicada en el casco histórico de Lima. En 2020, su rol cambió radicalmente al convertirse en un albergue temporal durante la crisis sanitaria, destacando su valor como patrimonio nacional e internacional⁷.

La Plaza de Toros de Acho, Lima, Perú

La crisis de indigencia en el Perú se agravó con la pandemia de COVID-19, especialmente en la capital, donde miles de personas se vieron obligadas a sobrevivir en la calle, sin acceso a servicios básicos y en condiciones de extrema vulnerabilidad. Esta crisis sanitaria y social no solo expuso las debilidades estructurales del sistema de bienestar social, sino también las disparidades económicas y la falta de

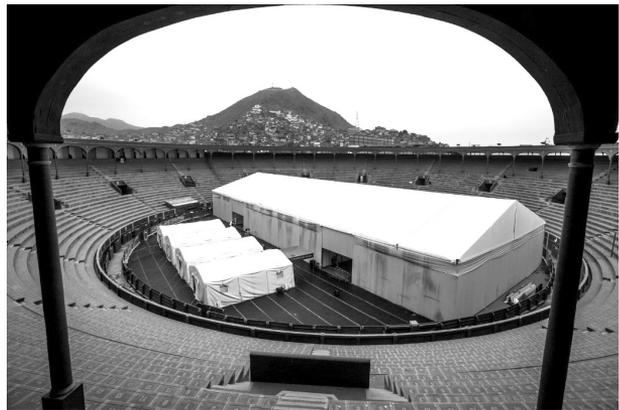
⁷ Samon Ros C. Un libro pone cara a la indigencia en tiempos de pandemia en Perú. Agencia EFE. Clarín. 07.01.2021. URL: https://www.clarin.com/agencias/efe-libro-pone-cara-indigencia-tiempos-pandemia-peru_0_Rpg-JLVj4.html?srltid=A-fmBOoooFNf0VtHIIIM1RftnxIhv7eCozPtxtOKKUKqmf10SEj13YHG7V (accessed: 12.12.2024)

políticas públicas efectivas para proteger a las poblaciones más desfavorecidas. En este contexto, surgió la iniciativa de «Casa de Todos», un proyecto que transformó la Plaza de Toros de Acho en un refugio temporal para las personas en situación de calle⁸.

Por temas de logística, las mujeres y los niños fueron reubicados en otros albergues. El primer día ingresaron 112 hombres, cifra que aumentó a 120 al día siguiente⁹. Todos ellos le dieron un nuevo significado a un espacio históricamente asociado con la sangre y la muerte. La escena era inédita: en pleno ruedo, se instaló una enorme carpa dividida en cuatro bloques, con camas de plaza y media para cada albergado, además de una zona reservada para aquellos con enfermedades respiratorias. También se habilitaron áreas de aseo, entretenimiento, un comedor y carpas de asistencia médica.

En Casa de Todos, tuvieron acceso a los medicamentos necesarios para tratar sus padecimientos. Algunos albergados permanecieron solo por poco tiempo, ya fuera para reencontrarse con sus seres queridos o porque no lograron adaptarse. Otros se quedaron, esperando una residencia permanente que les ofreciera mayor estabilidad. Un equipo compuesto por técnicos, enfermeras y asistentes sociales, de este proyecto de la Beneficencia y la Municipalidad de Lima en su conjunto, se encargó del cuidado de los albergados las 24 horas durante la cuarentena. La mayoría de ellos no contaba con seguro de salud y padecían enfermedades dermatológicas, infecciosas o crónicas.

En una ciudad como Lima, donde las distancias sociales suelen ser tan marcadas, resultó significativo observar cómo esos mundos opuestos —*el de la élite y el de los marginados*— se encontraron, aunque fuera de manera temporal, en ese mismo espacio.

Casa de Todos en el ruedo de la histórica Plaza de Toros de Acho. Fotografía de Franz Krajnik

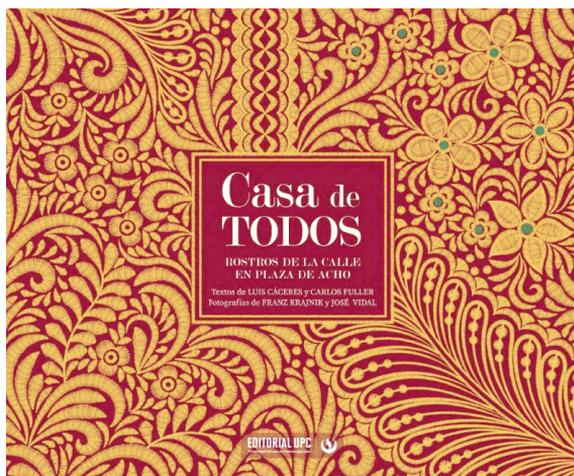
⁸ Más detalles sobre el proyecto «Casa de Todos»: CASA DE TODOS – Proyecto gráfico audiovisual. UPCedupe. YouTube. 19.11.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4kbm4cUfgkw&t> (accessed: 12.12.2024); Casa de Todos, voces de la pandemia – Podcast. UPC TV. YouTube. 14.01.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pefgywjlm4> (accessed: 12.12.2024); Casa de TODOS. UPC Cultural. 2021. URL: <https://cultural.upc.edu.pe/galeria/casa-de-todos> (accessed: 12.12.2024).

Báez Gonzalez J.R. Casa de Todos, el proyecto en Perú que transformó una plaza de toros en albergue durante la pandemia. Anadolu Ajansı. 05.02.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/es/mundo/casa-de-todos-el-proyecto-en-per%C3%BA-que-transform%C3%B3-una-plaza-de-toros-en-albergue-durante-la-pandemia-/2134520> (accessed: 12.12.2024).

⁹ Zárate M. Universidad de Perú retrata en un libro la solidaridad en tiempos de pandemia. China Hoy. 02.02.2021. URL: http://spanish.chinatoday.com.cn/2018/tj/202102/t20210202_800234614.html (accessed: 12.12.2024).

Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho — perfiles periodísticos

En los siguientes párrafos, abordaré *Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho* [Cáceres Álvarez et al., 2020] desde los siguientes ejes principales: (1) la construcción narrativa de los perfiles periodísticos, donde, junto con Carlos Fuller¹⁰, presentamos historias individuales con un tono testimonial que reconstruye y resignifica el discurso sobre los albergados; (2) la contribución visual del ensayo fotográfico, en el que el trabajo de Franz Krajnik¹¹ y José Vidal¹² se convierte en un eje narrativo visual que, a través de su dramatismo y realismo social, potencia la carga emocional de la obra; y, finalmente, (3) el enfoque editorial, que incorpora la perspectiva de la artista visual Helen Terrones Lafosse¹³, cuyas decisiones gráficas y estéticas —particularmente en la conceptualización de la portada— aportan un componente narrativo fundamental en la construcción del libro como objeto cultural y herramienta de documentación antropológica.

Portada de «Casa de TODOS. Rostros de la Calle en Plaza de Acho». 2020

Es importante destacar que este libro, de tapa dura y más de 200 páginas, actúa como un transmisor fundamental de parte de la cultura peruana, rescatando la oralidad y el lenguaje de las calles del mundo subterráneo limeño, una forma novedosa de entender la cultura popular de Lima, lo que lo convierte en una contribución significativa para descubrir a personajes poco conocidos de su paisaje cultural¹⁴.

Desentrañar los misterios de una personalidad

Junto a mis tres colegas, conocí a personajes singulares de Lima. Un exguardia de seguridad escribía todos los días para salvarse de sus demonios. Un técnico aeronáutico decía estar en una prisión de la que nadie quiere escapar. Un nigeriano

¹⁰ Periodista y editor. Máster en Creación Literaria por la Universidad Pompeu Fabra de Barcelona. — *N. del A.*

¹¹ Fotógrafo documental con maestría en Antropología Visual por la PUCP. Autor de *Uchuraccay* (UPC, 2018), editor de la revista FOT (Revista Peruana de Fotografía e Investigación Visual) y miembro del Observatorio de Cultura Fotográfica de la UP, México. Ha recibido los premios Luces 2018, Eugène Courret 2013 y *Memory & Oblivion* 2013. — *N. del A.*

¹² Magíster en Sociología por la UNMSM. Es fotoperiodista desde el año 2000. Fundó el colectivo documentalista *Aleph Photo* y actualmente es docente universitario y presidente de la Asociación de Foto Periodistas del Perú (AFPP). — *N. del A.*

¹³ Publicista con estudios de artes visuales de la Universidad Nacional de Arte (UNA) de Buenos Aires. — *N. del A.*

¹⁴ Nuevo proyecto editorial — UPC lanza el libro «Casa de Todos: Rostros de la calle en Plaza de Acho». Sociedad Interamericana de Prensa. 29.12.2020. URL: <https://www.sipiapa.org/notas/1214333-nuevo-proyecto-editorial-upc-lanza-el-libro-casa-todos-rostros-la-calle-plaza-acho> (accessed: 12.12.2024).

de Ecuador, que llegó al Perú para solucionar sus problemas económicos, tuvo que lidiar con el coronavirus y la desinformación. Un flautista se consideraba el enviado de Dios, pero también el fundador del Imperio del Sol. Un profesor de guitarra a domicilio, que había perdido el ritmo de su vida, compartía su arte para dar esperanzas a otro hombre. Y un filósofo cósmico que no dejaba de soñar con los planetas y el amor. Estos son solo seis de los once relatos que destilan humor, ternura, desazón y reflexión, y que en el 2020 nos confrontaron con la cruda realidad: cumplimos 200 años de vida republicana sin políticas que protejan al ciudadano común. Como coautor del libro, ofrezco una visión interna sobre los objetivos y procesos detrás de su creación, además de reflexionar sobre su impacto.

El primer reto fue protegernos del COVID-19 para seguir con las historias, utilizando trajes especiales, guantes y protectores para la suela de los zapatos. Llegó un punto en que usábamos los micrófonos a unos metro y medio de distancia, pero esa barrera se rompió conforme pasaban los días con los albergados. Hubo ocasiones en las que llevábamos cosas que necesitaban para poco a poco ganarnos su confianza. La charla constante y la búsqueda de palabras precisas fueron los detonantes para abrir la dureza de su resistencia.

Desde el inicio, el equipo buscó evitar una representación condescendiente, asegurando que las imágenes fueran un testimonio digno que transmitiera no solo los retos, sino también la resiliencia de los individuos retratados. En palabras de Krajnik, «la idea fue siempre dignificar a estas personas; no retratarlos como víctimas, sino mostrar su fortaleza y dignidad en medio de una situación muy difícil»¹⁵. Es esta atención a los matices lo que convierte a los perfiles periodísticos en una pieza valiosa de periodismo, uno que no solo informa, sino que también invita a la reflexión sobre la estructura social, la memoria histórica y la humanidad en tiempos de crisis.

En la presentación del libro, la editora Úrsula Freundt-Thurne, abrió el conversatorio citando al cronista peruano Julio Villanueva Chang: «Si queremos producir historias críticas y conmovedoras no solo discutamos de hechos, discutamos de prejuicios y mentalidades, de intuición y empatía, de neurología; es decir, de la naturaleza confusa, caprichosa y contradictoria de la gente». Con estas palabras, Freundt-Thurne destacó la esencia de los perfiles periodísticos como un ejercicio que va más allá de lo informativo, adentrándose en los recovecos de la condición humana para explorar la complejidad de sus protagonistas.

*José Vidal con traje de protección especial.
Fotografía de Franz Krajnik*

¹⁵ Aquí y en adelante se ofrecen fragmentos de la comunicación personal del autor del presente artículo con José Vidal, Franz Krajnik y Helen Terrones Lafosse. — *N. de la R.*

Según Villanueva Chang, el perfil periodístico busca patrones, indaga en la personalidad y encuentra contradicciones y equivalencias; es decir, busca dar dimensión a ideas instantáneas. Los perfiladores son buscadores de «animales de costumbres», donde cada dato se convierte en conocimiento. Además, un perfil no debe ser solo un relato biográfico, sino una narración que capture a los personajes a través de sus palabras, gestos y contextos, buscando desentrañar la personalidad, psicología, hábitos y costumbres del personaje retratado. Para lograrlo, se combinan escenas del presente con recuerdos del pasado, enlazando coincidencias o sincronicidades a lo largo del tiempo.

Recuerdo, por ejemplo, el caso de Barry Wallace, un investigador estadounidense muy interesado en las culturas prehispánicas, que había viajado por el mundo y había estado en China. Él dejó muchas de sus pertenencias en una residencia conocida en Lima. Decidí contactar a las personas que lo conocieron y a quien tenía a cargo sus objetos. Con su permiso, pude revisar los libros y pertenencias que había dejado. A través de esos objetos, pude profundizar en su vida y, lo más importante, verificar que la información que me había proporcionado era correcta. El uso de detalles de la vida del protagonista —como frases y recuerdos personales— resalta la importancia de la subjetividad en el perfil periodístico, destacando la necesidad de humanizar a los personajes sin perder rigurosidad. Ese equilibrio entre ambos aspectos es precisamente lo que lo hace atractivo, genuino y, sobre todo, relevante en términos de comprensión humana.

*El numismático vagabundo.
Fotografía de José Vidal*

Buscar la belleza en medio del horror

Lo principal que tuve en mente, y que discutí con el equipo de redacción, fue resaltar las palabras de los personajes, sus frases más características, las respuestas rápidas. Quería construir una especie de «historia oral» de su vida, porque considero que ciertas palabras son capaces de englobar, describir o incluso definir a una persona. Por ejemplo, si alguien escribe, lo más fiel a la verdad es transcribir sus palabras tal cual. Recuerdo el caso del *Cronista de Acho*, en el que decidí preservar su forma de hablar y escribir, porque eso reflejaba quien era. La voz es la del albergado, pero la estructura es mía. Los protagonistas de estas historias, a través de sus propias palabras, tenían que contar sus vivencias y dar testimonio de cómo llegaron a esa situación. La pregunta clave siempre era: ¿qué pasó en la vida de esta persona para que tomara las decisiones que la llevaron a este punto?

Este enfoque de profundizar en las historias humanas de los más vulnerables se alinea estrechamente con el trabajo del periodista catalán Bru Rovira, quien en su libro *Solo pido un poco de belleza* (2016) examina la vida de personajes anónimos y marginados en el casco histórico de Barcelona [Rovira, 2016]. Rovira, cuya obra se destaca por la empatía y la reflexión sobre las decisiones personales que llevan a estas situaciones, fue invitado al taller virtual de Periodismo Narrativo Europeo dirigido por el periodista argentino Roberto Herrscher, al que asistí el 16 de noviembre de 2020. En su intervención, Rovira compartió ideas fundamentales sobre su metodología, destacando que una de sus principales motivaciones es la «fascinación» por las buenas historias. Según él, el periodismo es una forma de vida: «Yo siempre he defendido que esto es una actitud. Es cómo tú observas, cómo tú miras, cómo tú te interesas por algo y de nada tú puedes construir una historia».

*El cronista de Acho.
Fotografía de José Vidal*

A primera vista, *Casa de TODOS. Rostros de la calle en la Plaza de Acho* y *Solo pido un poco de belleza* de Rovira podrían parecer proyectos que dialogan desde realidades distantes: una pandemia global que transforma una plaza histórica peruana en refugio temporal, y el casco antiguo de Barcelona como escenario de historias de marginalidad y resistencia. Sin embargo, ambas obras comparten una sensibilidad común al explorar lo humano en sus estados más vulnerables y la búsqueda de dignidad en contextos de exclusión social.

Rovira sostiene que el periodismo debe buscar la belleza en medio del horror, estableciendo una conexión con la literatura: «Estos personajes, ¿qué te han enseñado sobre la vida? Que hay un momento en este oficio en el que puedes formar parte del relato». Según él, el proceso de «destilación» es crucial en la cobertura de una historia, permitiendo reconocer la complejidad de los hechos.

Ambos libros se enfrentan al reto de narrar sin caer en el sensacionalismo o en el paternalismo. Rovira lo resume con precisión al afirmar que el periodista debe «aceptar esta pluralidad de vivencias» y no imponer ideas ni tratar de «salvar» a sus personajes. *Casa de TODOS* adopta una postura similar, al permitir que las historias personales sean las que conduzcan el relato, sin que los autores se conviertan en «intérpretes mesiánicos» de la realidad. En paralelo, *Solo pido un poco de belleza* construye un mosaico de vidas en situación de calle en Barcelona, donde Rovira no solo relata las dificultades, sino que también busca «la belleza en medio del horror», mostrando cómo sus protagonistas preservan su humanidad y su luz

en medio de la adversidad: «A pesar de que con esta decisión corría el riesgo de contar historias que no serían la verdad-verdad, hay que aceptar que aquello que desconocemos de nosotros mismos pero que a veces es capaz de liberar nuestra imaginación, suele ser, a menudo, lo único que tenemos para sostenernos con cierta dignidad y una pizca de belleza. Sin contar con que la verdad escondida, reprimida, suele tener más verdad-verdad, que la verdad de lo que uno cuenta voluntariamente, de un modo controlado».

Imágenes que confrontan

El trabajo de los fotoperiodistas Krajnik y Vidal no se limitó a capturar imágenes de los albergados; buscó representar visualmente sus historias, revelando las contradicciones, tensiones y complejidades de sus vidas. La combinación de narrativa escrita y fotografía permite transmitir con sensibilidad el peso emocional de las experiencias humanas: amores perdidos, viudez, traición y otras cicatrices que conectan al lector con las vivencias de los retratados.

El libro está dividido en seis secciones: *Calle, Plaza, Casa, Vida, Comunidad e Identidad*. Krajnik estructuró la narrativa de manera que cada capítulo construyera una secuencia lógica. El recorrido comienza con la crudeza de las calles, introduciendo al lector en la realidad de las personas en situación de vulnerabilidad. Luego, se centra en el proceso de rescate y la atención especializada brindada en Acho. Estos tres momentos —la vida en la calle, el rescate y la estancia en el refugio— están cuidadosamente interconectados. La narrativa visual y la calidad de la edición logran articular estos segmentos con coherencia y sensibilidad, manteniendo una mirada uniforme y poderosa¹⁶.

El libro también enfrenta los desafíos éticos del fotoperiodismo. Entre las 183 fotografías publicadas, destacan las 15 imágenes de la serie *Los durmientes* de Vidal, que exploran la vulnerabilidad de quienes aún viven en las calles del Centro Histórico de Lima. Estas imágenes conectan las realidades de los albergados en Acho con las de aquellos que permanecen expuestos a la intemperie. Por ejemplo, la imagen de una persona cubierta completamente con plástico, convertida en un bulto en medio de la calle, transmite una desolación contundente. *Los durmientes*, que abre el fotolibro, ejemplifica cómo la fotografía puede convertirse en un vehículo de denuncia social.

*Revisión médica a un albergado.
Fotografía de José Vidal*

¹⁶ Nalvarte P. Profesores de comunicación peruanos crean reportaje multimedia que narra historias de indigentes que encontraron refugio durante la pandemia en una plaza de toros. *LatAm Journalism Review*. 13.01.2021. URL: <https://latam-journalismreview.org/es/articles/profesores-de-comunicacion-peruanos-crean-reportaje-multimedia-que-narra-historias-de-indigentes-que-encontraron-refugio-durante-la-pandemia-en-una-plaza-de-toros/> (accessed: 12.12.2024).

Cuando Vidal comenzó a observar cómo avanzaba la edición, pensó que debía incluir un contexto previo, que él mismo había vivido años antes mientras trabajaba en un reportaje sobre los *homeless* en el Centro de Lima. En las noches, cuando la ciudad perdía su bullicio, estos espacios públicos eran ocupados como refugios improvisados. Recuerdo haberlo acompañado durante una madrugada y obtener las últimas imágenes que serían publicadas. Era emblemático cómo estos espacios representaban una paradoja: personas en situación de calle ocupando lugares como la Bolsa de Valores de Lima, el Ministerio de Economía y Finanzas, el Ministerio de Relaciones Exteriores y casas de comercio. Estas fachadas monumentales no solo los protegían del viento, sino que también ofrecían un refugio temporal¹⁷.

Un durmiente. Fotografía de José Vidal

La importancia de la memoria histórica

En ese contexto donde la movilidad estaba restringida y solo unos pocos, con salvoconducto, podían documentar lo que ocurría, este trabajo es un hito significativo tanto en la narrativa visual y escrita peruana como en la memoria histórica del país. Vidal reflexiona: «No he visto un trabajo similar, excepto el que hicimos nosotros, que articuló un espacio-tiempo con una dinámica en la que tuvimos que protegernos de este mal y que, al final, resultó en una publicación. Eso ya es superrelevante porque en el Perú no se acostumbra a hacer este tipo de trabajos de ninguna manera. Es muy importante para la narrativa histórica, ya que son historias de un espacio-tiempo que dejan un hito sobre lo que ocurrió aquí, sobre cómo se comportaron algunos sectores, la administración, la población y, también, cómo el periodismo y los narradores comenzaron a exponer el problema...»

Los elementos que utilizaban para protegerse del frío podían ser cajas de cartón o bolsas negras de basura. A menudo, alguien cubierto por una de estas bolsas podía confundirse con un simple bulto en la calle. Esa visión era tan cruda como surreal. Este relato inicial enlazaba bien con lo que vino después: encontrarlos en un espacio como Acho. Krajnik reconoce que, aunque las circunstancias de la pandemia impusieron restricciones en la interacción, como el uso de trajes de protección, estas barreras no impidieron el establecimiento de una relación de confianza con los albergados. Hubo una aproximación cercana y prolongada, en la cual los sujetos no eran meros objetos de observación, sino colaboradores activos en la construcción del relato.

¹⁷ Berríos M. «La calle es fea, señorita»: un refugio para los invisibles de Lima. Cosecha Roja. 09.07.2021. URL: <https://www.cosecharoja.org/la-calle-es-fea-senorita-un-refugio-para-los-invisibles-de-lima/> (accessed: 12.12.2024).

«Con Franz tenemos una mirada parecida en cómo relatar; hemos aprendido bien ese famoso concepto del momento intersticial. No necesitamos un momento decisivo permanente; más bien, la foto puede ser reflexiva, con una composición bastante limpia. Y eso hace que el libro sea parejo. Por eso, la dupla que hacemos con las fotografías no tiene saltos», destaca Vidal.

En términos de narrativa visual, la solución fue crear un universo a partir de fragmentos: retratos íntimos, planos detalle y composiciones que desglosaban el entorno, haciendo que pareciera más grande y profundo de lo que realmente era. Los pabellones, con sus camas y el patio, eran los espacios habituales donde las personas vivían su día a día. Krajnik ideó un estudio portátil y logró que los personajes se sentaran frente a su lente. Cuando se montó el estudio en la plaza, salieron unos retratos impactantes, los mismos que aparecen en la contraportada con una serie de bordados. El colega destaca cómo las sesiones de fotografía en el ruedo de la Plaza de Acho se convirtieron en un evento significativo para los albergados, quienes, al recibir sus retratos impresos, experimentaron un reconocimiento personal. Algunos no habían tenido una fotografía tomada en años, y al verse, muchos reflexionaron sobre cómo el tiempo había marcado sus vidas.

Para este enfoque, se inspiró en fotógrafos como Richard Avedon (1923–2004) y Plátón Antoniou (n. 1968), cuyos retratos directos y sin artificios le sirvieron de referencia para capturar la actitud de los sujetos. Avedon, con su célebre serie *In the American West*,

Retratos de los albergados de Franz Krajnik

también documentó a personas marginadas con un enfoque que reflejaba tanto su sufrimiento como su fortaleza. Krajnik destaca que, al capturar estas imágenes, no buscaba dramatizar la pobreza, sino acercarse a las historias de vida de las personas a través de sus rostros, intentando reflejar la esperanza que persiste a pesar de las adversidades. En este sentido, insiste en que la fotografía no debe limitarse a mostrar el drama, sino que debe contextualizarse dentro de las historias más complejas de quienes son fotografiados¹⁸.

¹⁸ Rostros de la calle en Plaza de Acho. Fotoensayo y crónicas sobre la Casa de Todos. El Montonero. 07.01.2021. URL: <https://elmontonero.pe/cultura/rostros-de-la-calle-en-la-plaza-de-acho> (accessed: 12.12.2024).

Ahora, si bien se trató de un trabajo encargado, la artista visual Helen Terrones Lafosse admite que le dieron total libertad creativa en el proyecto, pero que no tuvo la oportunidad de ir al lugar. Todo lo conoció a distancia a través de lo que recibía. Como bien señala, en este caso, no había una pauta estricta de branding que le dijera exactamente qué hacer, lo que le permitió explorar y conectar de manera más artística con el proyecto. Pero ¿qué aporta el diseño visual a la narrativa de la obra? Lafosse responde: «O lo potencias o lo aplastas. O lo pierdes. Todo en la narrativa de un fotolibro es parte del lenguaje narrativo. Desde el tamaño del libro, la elección de la foto de inicio, cuál será la foto bisagra, los detalles del contexto, cómo se abren o cierran las secciones, hasta los colores, la tipografía y su distribución, todo tiene que contribuir a potenciar la historia...»

Todos somos toreros en la vida

Aunque la recopilación de las historias duró dos meses, el trabajo de posproducción se extendió por aproximadamente cinco meses. La portada fue clave para definir el diseño general, marcando la pauta para el desarrollo de las secciones y la selección de imágenes. Se resolvió de manera eficaz con este «abrigo de luces», un chaleco luminoso que evocaba en ocasiones la figura de un torero. El trabajo de filigrana realizado por Terrones Lafosse fue lo que el libro necesitaba para completar su narrativa visual.

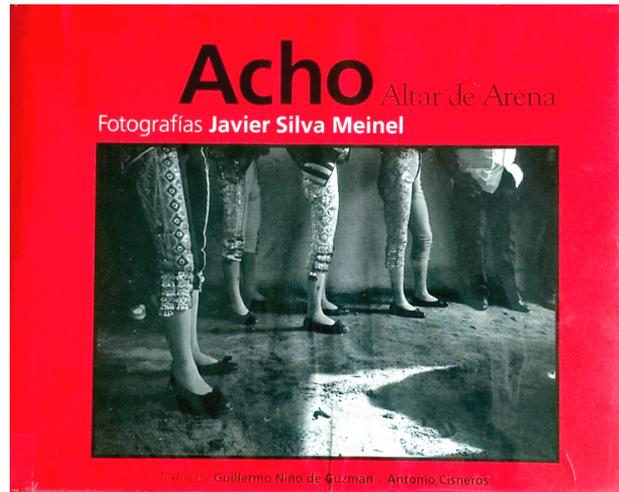
Si se observa el traje de los toreros, no se trata de un rojo vino apagado, sino de un rojo vibrante y exaltado. Esta intensidad, propia del espectáculo taurino, busca captar la atención. No obstante, nuestras historias no pretenden ser un *show*. La intención, como destaca la artista visual, fue vestirlas con la elegancia y gallardía de los bordados de los trajes de luces, honrando tanto las narrativas que contienen como a las personas detrás de ellas. De esta manera, buscamos mantener la conexión con la majestuosidad del ambiente, reflejada en la arquitectura y la rica historia de la Plaza de Acho.

En este contexto, el contraste entre las portadas de *Acho*, *Altar de Arena* (1992) del fotógrafo documental Javier Silva Meinel (n. 1949) y *Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho* (2020) se convierte en un punto clave de reflexión. Mientras que la primera opta por un diseño minimalista con una fotografía en blanco y negro que resalta las piernas de los toreros sobre un suelo desgastado, enfatizando la crudeza y sencillez del enfoque documental, la segunda hace una apuesta por una composición más rica en ornamentos dorados sobre un fondo rojo. Este diseño evoca el lujo y la tradición histórica asociada a Acho, aunque su exuberancia visual contrasta con las historias humanas y vulnerables que el libro busca retratar. Este contraste no solo refleja las intenciones de diseño, sino también las perspectivas narrativas de cada obra.

Resulta relevante señalar que, desde la publicación de *Acho, Altar de Arena*, no se había producido un libro que combinara la narrativa periodística con la fotografía documental en torno a la emblemática Plaza de Acho. Aquí, la portada de *Casa de TODOS* juega un papel crucial, pues se convierte en un punto de entrada simbólica y visual a la obra, donde el lujo y la tradición de la plaza se encuentran con las realidades humanas y vulnerables que el libro relata. Esta mezcla de elementos formales y narrativos no solo plantea un enfoque renovado para la fotografía documental en el contexto de la Plaza de Acho, sino que también pone en evidencia el compromiso con las historias de vida de los personajes que allí habitan, más allá de la grandiosidad del espacio.

Además, se separaron ciertas secciones con páginas a color, utilizando un rojo más encendido, pero no chillón, para mantener el equilibrio visual. También se eligieron tonos cercanos al camel, que, según la diseñadora, aportan solemnidad sin caer en la sobriedad. No son colores apagados, pero transmiten una dignidad y elegancia que encajan con el espíritu del libro. El rojo, de hecho, tiene un fuerte simbolismo. Representa la vida, pero también la sangre derramada en las corridas de toros. No podía ser un rojo oscuro ni apagado, ya que evocaría la sangre seca, ni un rojo vibrante y saturado, que sería excesivo para el tema tratado. Helen Terrones Lafosse recuerda: «En algún momento propuse usar una ilustración de alguien enfrentándose a un toro, porque veía en esa imagen una metáfora poderosa: todos somos toreros en la vida, enfrentando nuestras propias dificultades. Estas personas albergadas en Casa de Todos no son diferentes. Han enfrentado mil y una batallas para llegar a donde están, pero no dejan de ser personas, igual que nosotros, lidiando con nuestros toros y desafíos cotidianos. Esa conexión fue la que inspiró la idea del traje de luces en la portada...»

El libro desafía las estructuras narrativas tradicionales, situándose en la intersección entre el arte y el periodismo, ofrece una perspectiva única que no solo informa, sino que inspira un cambio en la percepción pública, y se convierte en un recurso valioso para la educación y la reflexión de futuras generaciones.

Portada de «Acho. Altar de Arena». 1992

Partido de fútbol en el ruedo. Fotografía de Franz Krajnik

* * *

Casa de TODOS motiva a reflexionar sobre políticas públicas que no solo brinden refugio temporal, sino que impulsen la reintegración social y económica sostenible. La Plaza de Acho, como escenario, se convierte en una metáfora de la ciudad: un espacio donde confluyen el pasado y el presente, la exclusión y la inclusión, el poder y la vulnerabilidad. Este libro ilumina los márgenes olvidados de la memoria colectiva, demostrando que incluso en las sombras persiste una belleza y humanidad que merecen ser contadas. Así, *Casa de TODOS. Rostros de la calle en Plaza de Acho* se consolida como un ejemplo de trabajo interdisciplinario y ético.

Bibliografía / References

Barrera Camarena H. (2015) Revalorización histórica del patrimonio: La Plaza de Acho a mediados del siglo XVIII [Revaluation of historical heritage. The Acho square mid-18th century], *Devenir: Revista de estudios sobre patrimonio edificado*, vol. 2, no. 4, pp. 91–103. (In Spanish)

Cáceres Álvarez L., Fuller C., Krajnik Baquerizo F., Vidal J. (2020) *Casa de Todos. Rostros de la calle en Plaza de Acho* [Casa de Todos. Faces of the Street in Plaza de Acho], Universidad Peruana de Ciencias Aplicadas (UPC), 285 p. DOI: 10.19083/978-612-318-304-2 (In Spanish)

Rovira B. (2016) *Solo pido un poco de belleza* [All I ask for is a little beauty], Barcelona, Ediciones B, 256 p. (In Spanish)

Фернанду Пессоа: фрагменты общественно-политического наследия

© Мартынов Б.Ф., 2025

Борис Федорович Мартынов, д-р полит. наук, профессор МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Рецензия на сборник: Fernando Pessoa. Páginas de Pensamento Político (1910–1935). Organização, Introdução e Notas de António Quadros. – Lisboa: Clássica Editora, 2024. – 656 p.

Аннотация. В Португалии был впервые издан сборник общественно-политических взглядов знаменитого португальского поэта и философа Ф. Пессоа (1888–1935). В данной рецензии делается попытка проникнуть в мировоззрение этого неординарного человека, применяя его же собственный метод «мистического реализма». В статьях, написанных в период 1910–1935 гг., Ф. Пессоа высказывает неординарные мысли о государстве, обществе, патриотизме, свободе и демократии. Он проводит четкое различие между понятиями «народ» и «толпа» и предлагает свои собственные, оригинальные рецепты переустройства португальского общества на основе национальных, а не заимствованных реалий. Англосаксонская модель общественного устройства, распространившаяся по всему миру, считает поэт, привела к тому, что к власти пришли «внутренние иностранцы» — либералы и республиканцы, которые стали врагами своих собственных государств. При всей неоднозначности взглядов поэта на мир нельзя не согласиться с его мыслью о том, что этот мир находится в постоянном движении, поэтому взгляд на человека и на общество также должен быть подвижен и не останавливаться в развитии. Сам Ф. Пессоа в конце жизни так и не смог предложить какие-то нетрадиционные пути и средства для формирования той самой «меритократической» системы правления («народная» монархия плюс «новая интеллектуальная элита»), необходимость установления которой он отстаивал в своих трудах. Анализируя основные общественно-политические мысли Пессоа, представленные в рецензируемой книге, можно сделать вывод, что взгляды поэта весьма актуальны именно сегодня, когда назрела острая необходимость задуматься о пересмотре многих традиционных представлений в науках об обществе.

Ключевые слова: Фернанду Пессоа, Португалия, общественные науки, история XX века, мистический реализм

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. (2025) Фернанду Пессоа: фрагменты общественно-политического наследия. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 161–172. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-161-172

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Fernando Pessoa: fragmentos do legado político-social

© Martynov B.F., 2025

Boris F. Martynov, doutor em ciências políticas, professor catedrático da Universidade MGIMO. 119454, Rússia, Moscovo, Avenida Vernadsky, 76.
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Resenha da coletânea: Fernando Pessoa. Páginas de Pensamento Político (1910–1935). Organização, Introdução e Notas de António Quadros. – Lisboa: Clássica Editora, 2024. – 656 p.
Resumo. Na sua resenha da primeira edição portuguesa das ideias políticas do famoso poeta português Fernando Pessoa (1888–1935), o autor tratou de mergulhar mais profundamente na filosofia desta pessoa original, usando o método dele, que ele mesmo chamava de «o realismo mágico». Nos seus artigos e anotações, escritos entre 1910 e 1935, o poeta expressava ideias nada triviais a respeito dos temas do estado, liberdade, patriotismo e democracia. Nisto ele procedia mais para frente, tratando de produzir uma fórmula de um estado meritocrático — mistura de monarquia e uma nova democracia das elites. É notável, que o poeta fazia uma distinção qualitativa entre as palavras «o povo» e «a multidão», oferecendo os seus próprios métodos extraordinários de reordenamento dos sistemas políticos em Portugal e em outros países sem intromissões estrangeiras a base das suas próprias experiências. A sua ideia principal consistia em que a ordem política Anglo-saxónica, espalhada em mundo inteiro, fez com que os «estrangeiros internos» — liberais e republicanos — contribuíssem para o reforço da instabilidade em cada um dos países. Sem entrar em mais detalhes sobre as teorias do Pessoa, o autor da resenha tenta de concordar com o poeta que o mundo está em movimento perpétuo, e os tempos presentes o testemunham demais. É precisamente por isso, que para conhecer bem o mundo um ser humano tem que mudar e as suas crenças também não devem permanecer imutáveis. Analisando os principais pensamentos políticos do Pessoa refletidos nesta coletânea, o autor acredita, que os mesmos ficaram sem uma conclusão definida, pois o poeta não propõe nada prático, somente a mera tróvia que fantasia sobre o modo de como «organizar» este tipo do governo meritocrático. Apesar de isto, muitos pensamentos do Pessoa parecem atuais e úteis precisamente nos dias de hoje, quando começamos a pensar na revisão de alguns conceitos e princípios básicos das disciplinas humanitárias.

Palavras-chave: Fernando Pessoa, Portugal, ciências políticas, história do século XX, realismo mágico

Para citar: Martynov B.F. (2025) Fernando Pessoa: fragmentos do legado político-social, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 161–172. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-161-172

Declaração de divulgação: O autor declara que não existe o potencial conflito de interesses.

Fernando Pessoa: Fragments of the Sociopolitical Legacy

© Martynov B.F., 2025

Boris F. Martynov, Doctor in Political Sciences, professor, MGIMO University.
119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76
ORCID: 0000-0002-4013-4199 E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Review of the collection: Fernando Pessoa. Páginas de Pensamento Político (1910–1935). Organização, Introdução e Notas de António Quadros. – Lisboa: Clássica Editora, 2024. – 656 p. (In Portuguese)

Abstract. The first edition of articles reflecting the political views of Fernando Pessoa (1888–1935), a famous Portuguese poet and philosopher, was published in Portugal. Hence, it would be interesting to analyze the worldview of this extraordinary person using his own method of «mystical realism». In his articles, written between 1910 and 1935, Fernando Pessoa expressed rather unusual ideas about the state, patriotism, liberty and democracy. He draws a clear distinction between the concepts of «the people» and «the mob» and makes original suggestions on how to reform the Portuguese society based on the national identity, rather than on foreign values. Moreover, Pessoa maintains that the Anglo-Saxon social order, which is present all over the world, has brought to power the «internal foreigners», i.e. liberals and republicans, who have become enemies of their own states. As controversial as the poet's beliefs may be, one cannot help but agree with his idea that the world is constantly changing; therefore, our view of an individual and society in general should be flexible and subject to reconsideration as well. Even though Fernando Pessoa defended the need for a «meritocratic» system of governance, which he imagined to be a combination of people's monarchy and new intellectual elite, in the end he failed to propose new ways to create such a system. Still, Fernando Pessoa's political views expressed in the book are quite relevant today, since it is high time many traditional concepts in political sciences were revised.

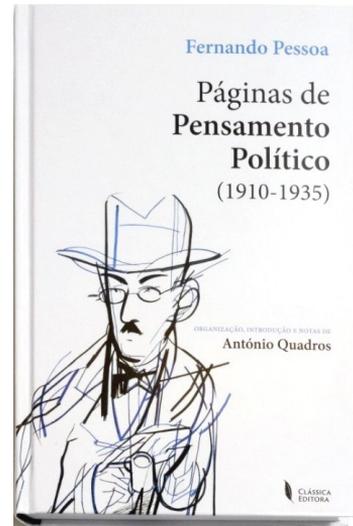
Key words: Fernando Pessoa, Portugal, political sciences, history of the 20th century, mystical realism

For citation: Martynov B.F. (2025) Fernando Pessoa: Fragments of the Sociopolitical Legacy, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 161–172. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-161-172

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В 2024 г. в Лиссабоне впервые был издан сборник статей 1910–1935 гг. выдающегося португальского поэта и мыслителя Фернанду Пессоа, в которых представлены его социально-политические взгляды. Составители сборника — профессора Антониу Квадруш и Жозе Карлуш Сеабра Перейра¹. Этот сборник выбран автором данной рецензии как продолжение изучения феномена этого парадоксального человека, интерес к личности и творчеству которого возрастает повсеместно (если судить по количеству переводов и публикаций). Это одновременно и переключка с аналитическим эссе «Фернанду Пессоа: Португалия в сердце», ранее опубликованным в «Иberoамериканских тетрадах» [Мартынов, 2023: 32–53].

В рецензии на этот сборник предпринята попытка в меру сил и возможностей применить метод самого Ф. Пессоа, который тот называл «мистическим реализмом».

Фернанду Пессоа.
Сборник статей 1910–1935 гг.

* * *

Для начала следует отметить, что *государство*, по мнению Ф. Пессоа, не есть некий социальный конструкт, а метафизическая сущность, которая носит в равной степени рациональный и иррациональный, мифологизированный характер. Патриотизм для него — это исполнение человеком своего морального долга в отношении этой сущности, ибо предлагаемый им расклад по «ролям» таков: «Удовольствия — животному, материальное — рабу, человеку — честь, достоинство и самоконтроль» (с. 69).

Без тени иронии рассуждая о «мистическом» отношении поэта к понятию «Родина», составители сборника тонко подметили у него присутствие некоего «телеологического нарратива, начало которого одновременно скрывает в себе и конечную цель» (с. 67). И к обнаружению этой цели, похоже, действительно сводятся «обществоведческие» изыскания поэта. А они оригинальны и на удивление злободневны!

Начать с того, что «науки об обществе» *не почитаются им за науку*: «Мы до сих пор не знаем, что такое общества и как они формируются, как живут и увядают. У нас нет ни одного твердо установленного закона общественной жизни: есть только разные теории, спекуляции вокруг которых нельзя называть *наукой*». Но поэту как будто этого мало, и он заявляет, что и всякая наука вообще «лишилась своего интеллектуального направления» (с. 216).

¹ Fernando Pessoa. Páginas de Pensamento Político (1910–1935). Organização, Introdução e Notas de António Quadros. Lisboa, Clássica Editora, 2024. 655 p.

Парадокс, свойственный поэтическим натурам? Но не согласимся ли мы с этим, видя, как мельчает наука, переходя на обслуживание бесконечного желания потреблять?

Парадоксы вообще в стиле Пессоа: ведь именно на них, по свидетельству современников, он предпочитал строить общение с окружающими. Так, о революции: «Настоящая революция — это контрреволюция». О традициях: «Традиции — наследие суеверий». О демократии: «Демократия — преддверие тоталитаризма». О женщинах: «Чтобы стать мизогинном, достаточно любить женщин». И, наконец, об алкоголе: «лишняя рюмка — всегда первая».

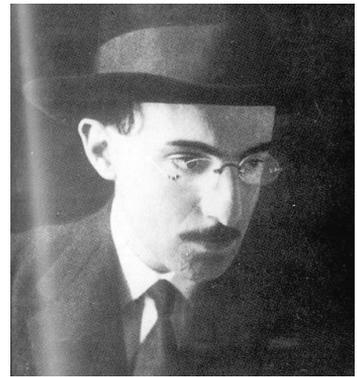
Два последних тезиса нуждаются в проверке на практике, а с первыми тремя все же попробуем разобраться.

Возьмем мысль о том, что на свете нет ничего случайного (с. 86). Случайность, считал португальский мистик, — это инструмент в руках глубинных законов, которые неподвластны разуму. Судьба — «единственная непреодолимая тирания» (с. 302). В жизни поэт призывал быть готовыми к капризам *судьбы* и стараться резервировать для них «особое место» (с. 529).

Итак, «закон» и «случайность» — близнецы-братья? Как это похоже, заметим, на современные рассуждения о «Природно-Стихийном Начале», или так называемой «Синергии Хаоса», которая есть «результат нерациональных (возникших независимо от человеческого разума, но природных) воздействий» [Барановский, Богатуров, 2010: 19]!

И еще одно поэтическое наитие Пессоа, соразмерное сегодняшним «мыслям о главном»: «Экономические причины — это отражение психологических», ибо «всякое общество есть психологический феномен» (с. 234). Теперь сравним: «Культурные характеристики объясняют значительную часть расхождений в уровнях регионального экономического развития сегодня. Природа экономического результата может отличаться из-за разного культурного багажа» — таково мнение и многих современных экономистов [Бёгельсдейк, Маселанд, 2016: 257, 367].

Дальше. Основанное на синергии *судьбы* и *закона* «правильное» государство — это, по мнению португальского провидца, «государство Духа» («*Nação — Espírito*»). Как таковое оно требует от своих граждан единения и самоотдачи. Но как быть, если партийная принадлежность — это «наследие религиозной», а «вступая в партию, человек перестает быть частью народа» (с. 458)? В итоге демократия у него — это «оргия предателей», которые «разменивают социальный инстинкт единения на голоса электората» (с. 322–376). Сильное высказывание!

Фернанду Пессоа

Не будем осуждать поэта за «антидемократизм», тем более не стоит забывать, в какое время он жил. Приход к власти в 1932 г. Антониу Салазара², который покончил с «оргией предателей», периодически прерывавшейся государственными переворотами, не вызвал светлых и радостных чувств в душе нашего провидца. Но даже он не собирался сравнивать «кислое» и «зеленое»:

*... Visão grande! Ódio à minúscula!
Nem para provà-la tal
Tem alguém que ficar triste:
União Nacional existe
Mas não união nacional...*

*...Какие перспективы для ординарных фигур!
Только маюскулы, никаких купюр!
Но кто-то хватится, и станет
грустно:
“Народное Единство” есть,
Единого народа — не густо...³*

До гегемонии столь вожделенной ему «аристократии духа» было далеко, но это не мешало поэту смело развивать свои «общественно не-научные» мысли. За что же он так невзлюбил «демократию»? Только ли за то, что она, согласно его более ранним выкладкам, привела *Португалию* к диктатуре, которая длилась аж 42 (!) года? Нет, не только. В первую очередь — за заимствование чужих моделей, вернее, одной, которая была скопирована «несчастной» Францией у англосаксов и принесена на знаменах Наполеона в Европу. Весь пафос сводится, таким образом, к любопытной формуле: «Что хорошо англосаксу, то португальцу — смерть!» Заметим, не только «португальцу». Наши «славные 90-е» обнаруживают здесь немалую схожесть с португальской историей начала прошлого века.

*... Na estradas, e a grande Estrada
Que a tradição ao porvir
Liga, branca e oçamentada,
E vai de onde ninguém parte
Para onde ninguém quier ir.*

*...Есть много дорог, есть одна, Золотая,
Что чуть ли не к звездам
нам путь предлагает.
Очерчена ровно, красива, пряма.
Ведет ниоткуда совсем в никуда.*

*Nà portos e o porto-maca
Onde vem doente o cais
Sim, mas nunca ali atraca
O Paquete “Portugal”
Pois tem calado de mais...*

*И гаваней много. Одна — Золотая,
Где каждый корабль швартоваться мечтает.
Туда не войдет португальский парог:
Гудок его грустно молчит до сих пор...⁴*

² Антониу ди Салазар (António de Oliveira Salazar, 1889–1970) — португальский государственный деятель, премьер-министр Португалии (1932–1968), создатель и идеолог фашистской диктатуры «Нового государства» (Estado Novo). — *Примеч. ред.*

³ Ф. Пессоа. Из поэмы «Новое Государство...». 1935. Перевод А.В. Племянникова.

⁴ Там же.

Португальская республика, которую учредили в 1910 г. либералы — эти, по определению Ф. Пессоа, «внутренние иностранцы», оказывается, была «не столько португальской, сколько французской» (с. 63, 171). Оттуда, мол, и все ее беды. «Системообразующая» французская революция, как и все последующие, носила, по его мнению, религиозный характер (с. 187), поскольку была основана на вере в привнесенные извне (неважно какие!) догматы. Отсюда и вывод: по-настоящему революционным может быть только то, что национально, т.е. — «контрреволюционно», а «национальных» революций попросту «нет» (с. 376). Революции, по мнению Пессоа, вообще вредны, так как тормозят естественную эволюцию государств (не будем забывать, что, кроме рационального, в любом государстве присутствует иррациональное начало!), а «игнорирование законов эволюции чревато наказанием» (с. 516). «Быть революционером, — заключает лиссабонский затворник, — значит служить врагу» (с. 376). О большевиках в России Пессоа говорит так: «Они отметились ужасающей некомпетентностью, а ставить пьесу с некомпетентными актерами — это самое тяжелое бремя богов» (с. 280).

Сам того, возможно, не ведая, Ф. Пессоа протягивает руку «почвеннику» Ф.М. Достоевскому (1821–1881), а заодно на 180 градусов разворачивает «столик» республиканизма со всеми его привычными мантрами и догматами («Традиции — наследие суеверий»). Республиканизм у него делается избыточным, «революция» превращается в «контрреволюцию», а презираемая им самим когда-то португальская монархия становится ближе и роднее. Но поэт и здесь отделяется парадоксом: «Только очень ограниченные люди имеют твердые убеждения» (с. 128).

Общий вывод «инопланетянина» крайне пессимистичен: «Величайшая беда нашего времени в том, что мы потеряли чувство здравого смысла, но так и не научились мыслить по-настоящему. Отказавшись от анализа прошлого, мы не успели приготовить к будущему» (с. 108).

Жозе де Алмада Негрейруш.
Портрет Фернанду Пессоа. 1964⁵

⁵ Жозе Собрал де Алмада Негрейруш (1893–1970) — португальский художник и писатель, представитель модернизма. Алмада Негрейруш был другом Ф. Пессоа; вместе они работали над литературным журналом «Орфей». Алмада Негрейруш скончался в той же лиссабонской больнице и в той же палате, что и поэт. — *Примеч. ред.*

В своих исканиях Ф. Пессоа обращается к *человеку* как к первооснове социума. В заочном споре Жан-Жака Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712–1778) и Томаса Гоббса (Thomas Hobbes, 1588–1679) он позиционирует себя на стороне последнего. Ибо «как может разглагольствовать о “свободах” какой-то несчастный идиот (так у автора, курсив мой. — Б.М.), который не смог освободиться от собственных комплексов»? (с. 152)⁶.

Так что же? Значит, торжествует Гоббс с его *Homo homini lupus*? Нет, не совсем так, и скоро мы убедимся в этом. Что же до международных отношений, то вот вам мнение поэта: «Существует лишь одно “дружественное” государство, и это — наше собственное» (с. 32). Согласимся, что сегодня эти слова находят понимание в наших душах.

Человек, согласно «учению» Фернанду Пессоа (статус «учения» закрепится за его разрозненными исканиями позднее), «есть комплекс инстинктов и привычек, который очень поверхностно затронут интеллектом» (с. 355). Этот не слишком лестный в отношении *Homo sapiens* вывод помогает ему тем не менее провести необходимую грань между понятиями «народ» и «толпа». Понятиями, которые мы в наших общественных науках (науках ли?) так и не смогли (или не осмелились?) разграничить.

Толпа, согласно лиссабонскому мыслителю, — это «сборище инстинктов, а не умов», ибо «человек разумен только *вне* компании себе подобных» (с. 320, 321). Звучит непривычно. Основой для превращения «толпы» в «народ», считает Ф. Пессоа, может быть только патриотизм как социальный инстинкт: «В отсутствие патриотического чувства человек остается идиотом» (с. 367).

Фернанду Пессоа предельно *элитарен*: он *не* заморачивается с «большими числами» и, в отличие от нас, нынешних, не испытывает пиетета в отношении так называемых «простых людей». Поэт понимает, что и булжник, и избирательный бюллетень в руках «простого человека» могут стать страшным оружием. «Право ли наводнение во Флоренции, // круша палаццо, как орехи грецкие?», — спрашивал поэт Андрей Вознесенский⁷.

Выходом из созданной им же самой дилеммы Ф. Пессоа считает *естественные привилегии*, поскольку «сама природа вынуждает человека их иметь» (с. 220).

Под привилегиями поэт и философ понимает право наделенной врожденными талантами «аристократии духа» свободно мыслить и вести за собой (поднимать до своего уровня) остальных. От «диктатуры *низших*» Пессоа предлагает перейти к «диктатуре *высших*».

«Свобода не может быть “служанкой для всех и каждого”, — вещает поэт. Чтобы избежать «диктатуры низших», свобода должна стать *привилегией*. Вспомним цветаевское: « — Свобода! — Гуляющая девка // На шалой

⁶ Далее см. «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо.

⁷ А. Вознесенский. Пролог («Пес твой, Эпоха...»). 1967.

солдатской груди!»⁸ — и задумаемся над иронией Судьбы, которая поймала в перекрестье прицела двух великих поэтов из таких разных стран. Мысль о свободе как о привилегии, а не как об «осознанной необходимости», проходит рефреном через всё собрание политических воззрений португальца.

Похоже, что тот вариант «свободы для всех», с которым поэт мог бы столкнуться сегодня, вызвал бы у него глубокое отвращение, если не сказать хуже.

Тщательно, несколько раз проштудировав страницы сборника (надо отдать должное его составителям: они нигде не пытались «причесать» мысли Пессоа под свои), я так и не нашел главного: *как, каким образом*, по его мнению, надлежало формировать «аристократию духа», эту «олигархию лучших»? Как организовать такое «Новое Государство», которое было бы «Новым» не на словах, а на деле?

Все способы, которые Пессоа упоминал в своих поэтических и политических сочинениях, сводились к набору несбыточных «мечт»: от реанимации мифа о короле Себастьяне⁹ и «Пятой Империи»¹⁰ до возрождения духа эпохи Великих географических открытий. Типичное «будущее в прошедшем»! Но об этом было подробно написано в упоминавшейся выше статье [Мартынов, 2023: 43, 45–46], поэтому не стоит повторяться.

⁸ М.И. Цветаева. «Из строгого, стройного храма...». 1917.

⁹ Себастьян I Желанный (Sebastião «o Desejado», 1557–1578) — король Португалии из Ависской династии. Без вести пропал после поражения в битве при Эль-Ксар-эль-Кебире. Его исчезновение породило целую череду самозванцев: португальцы ждали, что он вернется и спасет страну от врагов (так появился известный сюжет «Король под горой»).

¹⁰ Пятая империя (Quinto Império) — концепция глобальной португальской империи, объединяющей духовное начало и материальный мир. Подробно раскрыта в работе Ф. Пессоа «Mensagem» 1934 г.

Но вот на что следует обратить внимание на этот раз. Глагол «организовывать», утверждал Ф. Пессоа, происходит от слова «организм», с чем трудно не согласиться. Далее он рассуждает о внутренней гармонии и сбалансированности всякого созданного природой организма и делает однозначный вывод: «Организовываться — значит стараться уподобиться организму» (с. 527). *Разумный баланс и чувство меры* — вот что, по мнению Пессоа, должно лежать в основе отношений между людьми, обществами и государствами. (*Мера* — это хорошо. Тогда мы начинаем понимать, что человек человеку если не «друг, товарищ и брат», то и не совсем «волк».) «Задача создания такого баланса целиком лежит на плечах интеллигенции. Можно, конечно, импровизировать, не зная реального состояния дел, но стабильная организация общества находится целиком в руках просвещенных элит», — утверждает поэт (с. 528).

Но дальше он — увы! — пускается в рассуждения на грани тривии типа: «Организация должна организовывать организаторов». «Каждый руководитель должен подражать руководителю более высокой структуры». «Главная ошибка нанимателя — нанимать людей, которые совершают ошибки» и т.д. На удивление поэт идет еще дальше и предлагает создание для «организаторов» специальных курсов с обустройством каких-то «тренажеров»...

Здесь напрашивается мысль: «А Пессоа ли это? Куда вдруг подевался презиравший клише и штампы, не признающий никаких шаблонов аналитик-парадоксалист?» Известно, что к концу своих дней поэт почему-то перестал писать хорошие стихи и ни с того ни с сего стал кропать примитивные вирши, достойные пера незадачливого школьника. На то же самое время (1935 г.) наложилась тривия насчет «организаторов» и «тренажеров». Даже подумалось: а вдруг «инопланетянин» слишком близко подошел к раскрытию какой-то важной *Тайны* и на всякий случай был отозван назад, куда-нибудь на Сириус? А на Земле осталась только лишенная былого внутреннего содержания его внешняя оболочка, да и та за ненадобностью вскоре прекратит свое существование? Подозрительны в этом отношении были слова, сказанные им одному из своих друзей незадолго до смерти: «Да, я хочу быть таким, как все. Если надо, могу даже писать примитивные стихи... Люди, я с вами!» [Zenith, 2021: 924–925]. А точную причину смерти Ф. Пессоа в лиссабонском госпитале на Байру Алту 30 ноября 1935 г. установить так и не удалось [Simões, 1971]...

Стоит вернуться к любопытной мысли составителей сборника — профессоров А. Куадруша и Ж.-К. Сеабра Перейры, которые в заметках Пессоа обнаружили присутствие телеологического нарратива, «начало которого скрывало в себе конечную цель». На первый взгляд, всё это уже объяснил нам Экклезиаст: «Всё было, всё будет», т.е. история идет по кругу. Так в чем же тогда конечный смысл всего перформанса?

А он так и остался неразгаданным.

В назидание нам, нынешним, «инопланетянин» оставил следующее: «В основе всего — фатальный детерминизм. Судьба каждого общества предрешена. Но, рассуждая практически, мы не должны примиряться с этим. Поскольку будущее нам неизвестно, мы должны верить в плодотворность наших усилий и торжество духа».

* * *

В заключение приведем стихотворение Фернанду Пессоа «Антониу Салазар» в переводе друга автора рецензии, поэта-любителя А.В. Племянникова, впервые опубликованное в 1974 г., сразу после португальской «революции гвоздик»:

António de Oliveira Salazar

*Este senhor Salazar
É feito de sal y azar.
Se um dia chove,
A água dissolve
O sal,
E sob o céu
Pica só azar, é natural.
Oh, çòs diabos!
Parece que já choveu...*

*Coitadinho
do tiraninho!
Não bebe vinho.
Nem sequer sozinho...*

*Bebe a verdade
E a liberdade.
E com tal agrado
Que já começam
A escassear no mercado.*

*Coitadinho
Do tiraninho!
O meu vizinho
Está na Guiné
E o meu padrinho
No Limoeiro
Aqui ao pé.
Mas ninguém sabe porquê.*

*Mas enfim é
Certo e certo
Que isto consola
E nos dá fé.
Que o coitadinho
Do tiraninho
Não bebe vinho,
Nem até
Café.*

Антониу ди Оливейра Салазар

*Странная фамилия: «Салазар»
Распадается на «соль» и «azar».
Представим, что с неба вдруг хлынет вода.
И что, его соль растворится тогда?
«Azar» — неудача, к несчастью транзит...
— Черт побори!
Мне кажется
или уже дождит?*

*Бедненький тиранчик!
— И всё,*

и точка:

Не пьет вина он даже в одиночку.

*А пьет он и ест свободу — вот жесть!
— Он хочет ее до конца всю доесть.
И этот товар без всякой заминки
Стал активно пропадать на рынке.*

*Бедный тиранчик!
Сосед мой — в Гвинее,
А кум мой парится в Лимоэyre.
Никто там не знает: за что? — Почему?
И сам он не в курсе, подлец,
— Чтоб ему!*

В итоге же всем

становится ясно,

Что спорить с тиранчиком —

небезопасно.

*Одна в том отрада,
Что бедный царек
Не пьет ни спиртное,
Ни кофеек...*

Список литературы / References

Барановский В.Г., Богатуров А.Д. (ред.) (2010) *Современные глобальные проблемы*, Москва, Аспект Пресс, 351 с.

Baranovsky V.G., Bogaturov A.D. (eds.) (2010) *Sovremennye globalnye problemy* [Contemporary Global Problems], Moscow, Aspect Press, 351 p. (In Russian)

Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016) *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*, Москва, Санкт-Петербург, Издательство Института Гайдара, «Международные отношения», 464 с.

Beugelsdijk S., Maseland R. (2016) *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in Economics: History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications], Moscow, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, «Mezhdunarodnye otnosheniya», 464 p. (In Russian)

Мартынов Б.Ф. (2023) Фернанду Пессоа: Португалия в сердце, *Иberoамериканские тетради*, № 3, с. 32–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-32-53 (In Russian)

Martynov B.F. (2023) Fernando Pessoa: Portugaliya v serdtse [Fernando Pessoa: Portugal in His Heart], *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 32–53. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-32-53 (In Russian)

Simões J.-G. (1971) *Vida e obra de Fernando Pessoa* [Life and work of Fernando Pessoa], Lisboa, Bertrand, 700 p. (In Portuguese)

Zenith R. (2021) *Pessoa. An Experimental Life*, London, Penguin, 1055 p.

Иллюстрации к аналитическому эссе Я.Г. Шемякина
«Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа»

А.Ф. Кофман. Дама в стиле art nouveau

А.Ф. Кофман. Воспоминание об Испании. 1991

А.Ф. Кофман. Лабиринт. 2001

Imágenes para el ensayo analítico de M. Fernández Calzada «“El hombre no es un lobo para el hombre, es hombre”. Sobre la convivencia de los pueblos en otro orden internacional. Francisco de Vitoria y la escuela de Salamanca»

Estatua de Francisco de Vitoria frente al Colegio de San Esteban en Salamanca

«La Compañía como madre de las Ciencias Sagradas» y la imagen de San Jerónimo en la bóveda del Aula Magna en la Universidad de Salamanca

Sala Francisco de Vitoria en el Palacio de las Naciones, sede de las Naciones Unidas en Ginebra

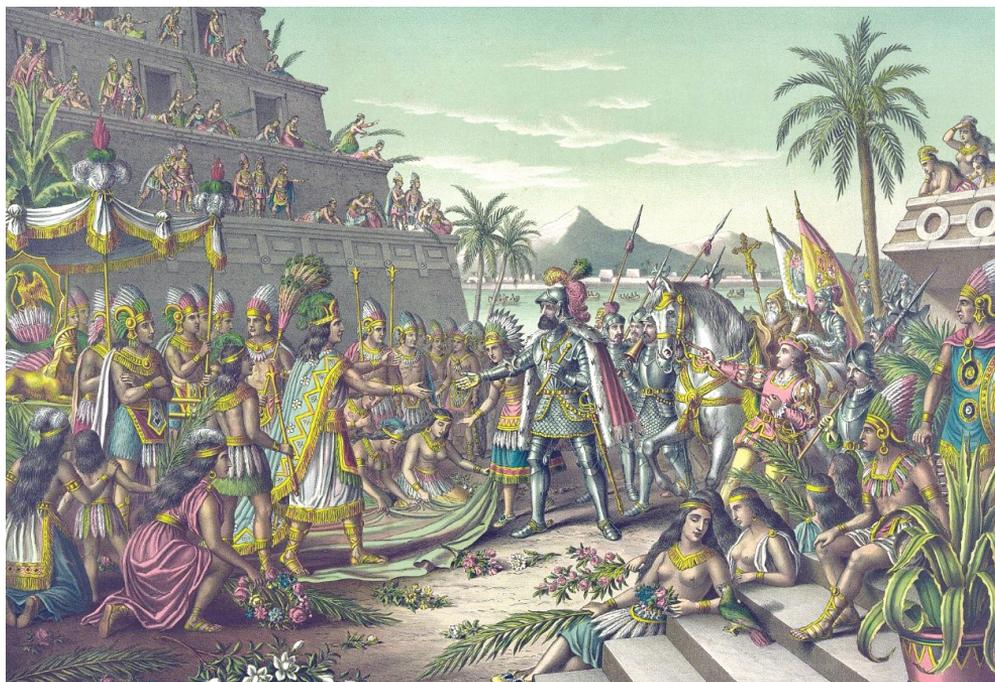

J.M. Sert. La lección de Salamanca. Fresco que decora el techo de la Sala del Consejo de Paz de Naciones Unidas en Ginebra. 1935–1936

Иллюстрации к статье А.В. Садикова «Малинче и покорение Мексики.
Попытка исторической реконструкции»

*Десидеро Эрнандес Ксочитиотцин. Переговоры тласкальтеков с Эрнаном Кортесом.
Мура́л во дворце правительства штата Тласкала, Мексика*

Встреча Кортеса и Монтезумы. Хромолитография второй половины XIX в.

Антонио Руис. Сон Малинче. 1939

Хосе Галофре и Кома. Эрнан Кортес и посланцы Монтесумы. 1854

Даниель дель Валье. Монтесума II посещает могилу своих предков. 1895

Диего Ривера. Фрагмент мурала «Вид на великий Теночтитлан с рынка Тлателолко». 1945

Малинче переводит Кортесу. Рисунок из «Полотна Тласкалы»

Бой на дамбе в «Ночь печали». Рисунок из «Полотна Тласкалы»

**Иллюстрации к исследовательской статье О.Л. Краева
«Трущобы в структуре городов Южной Америки: социальный аспект»**

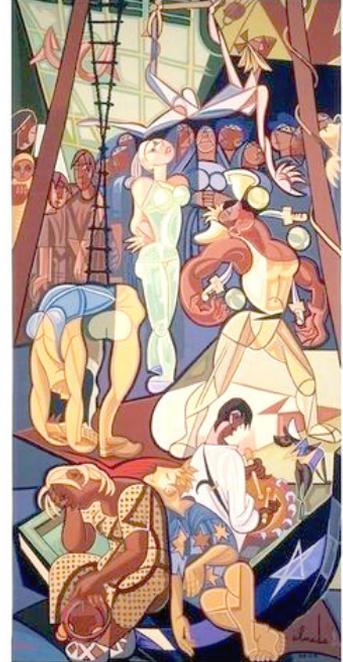

*Фотография Тука Вейра, отражающая социальное неравенство.
Слева — фавела Парайсополис, справа — богатый район Морумби. Сан-Паулу, 2004*

*В рамках благотворительной акции дети из фавелы Парайсополис
получили подарки на Рождество. 2023*

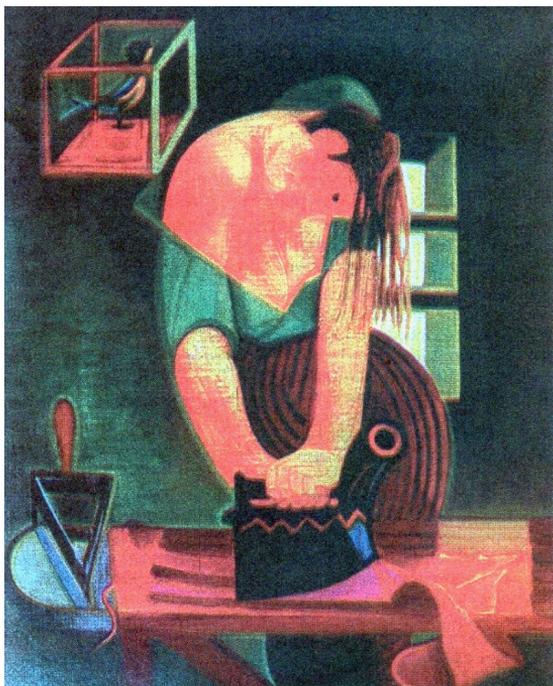
Иллюстрации к рецензии Б.Ф. Мартынова «Фернанду Пессоа:
фрагменты общественно-политического наследия»

Жозе де Алмада Негрейруш. Воскресенье в Лиссабоне. 1979

Жозе де Алмада Негрейруш. Групповой автопортрет. 1925

Жозе де Алмада Негрейруш.
Женщина гладит белье. 1938

Жозе де Алмада Негрейруш.
Без названия. 1940

Жозе де Алмада Негрейруш. Рыбак

Ссылки к иллюстрациям

1. <https://www.sersilito.pt/2024/09/26/fernando-pessoa-paginas-de-pensamento-politico-1910-1935/>
2. https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Fernando_Pessoa?uselang=ru
3. <https://gulbenkian.pt/cam/en/works/retrato-de-fernando-pessoa-139005/>
4. https://es.wikipedia.org/wiki/Historia_verdadera_de_la_conquista_de_la_Nueva_Espa%C3%B1a#/media/Archivo:Historia_verdadera_conquista_Nueva_Espa%C3%B1a_portada.jpg
5. https://en.wikipedia.org/wiki/Juan_de_Grijalva#/media/File:Grijalva_y_Tabscoob.jpg
6. <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/hernan-cortes-copia/aa20745f-5b0c-4fa3-a5c3-4d7bee9a596?searchMeta=salome>
7. [https://es.wikipedia.org/wiki/Ger%C3%B3nimo_de_Aguilar#/media/Archivo:Historia_de_la_conquista_de_M%C3%A9jico_1851_%22Ger%C3%B3nimo_de_Aguilar_es_presentado_a_Cort%C3%A9s_despu%C3%A9s_de_ocho_a%C3%B1os_de_esclavitud_entre_los_indios%22_\(396582244\).jpg](https://es.wikipedia.org/wiki/Ger%C3%B3nimo_de_Aguilar#/media/Archivo:Historia_de_la_conquista_de_M%C3%A9jico_1851_%22Ger%C3%B3nimo_de_Aguilar_es_presentado_a_Cort%C3%A9s_despu%C3%A9s_de_ocho_a%C3%B1os_de_esclavitud_entre_los_indios%22_(396582244).jpg)
8. <https://www.loc.gov/exhibits/exploring-the-early-americas/conquest-of-mexico-paintings.html>
9. <https://www.clublibertaddigital.com/ideas/historia-espana/2018-08-02/ivan-velez-la-malinche-y-la-imposibilidad-de-una-traicion-85723/>
10. <https://www.noticonquista.unam.mx/galeria/363/363>
11. https://es.wikipedia.org/wiki/Militarismo_mexicano#/media/Archivo:Codex_Mendoza_folio_67r_bottom.jpg
12. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tlaxcala_-_Palacio_de_Gobierno_-_Verhandlungen_Spanier_-_Tlaxcalteken_2.jpg
13. https://es.wikipedia.org/wiki/La_Malinche
14. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Felix_Parra_Episodios_de_la_conquista_La_matanza_de_Cholula.jpg
15. https://es.wikipedia.org/wiki/C%C3%B3dice_Dur%C3%A1n
16. <https://memoricamexico.gob.mx/swb/memorica/Cedula?oId=WNXPH0Bktqceg4ExwTL>
17. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%83%D0%BC%D0%B0_II
18. <https://fineartamerica.com/featured/hernan-cortes-la-malinche-and-bartolome-de-las-casas-detail-painting-by-juan-ortega-1885-juan-ortega.html>
19. https://historia.nationalgeographic.com.es/a/hernan-cortes-conquistador-imperio-azteca_6818
20. <https://relatosehistorias.mx/nuestras-historias/el-enigma-del-encuentro-cortes-moctezuma>
21. <https://es.wikipedia.org/wiki/Quetzalc%C3%B3atl>
22. <https://www.britannica.com/biography/Pedro-de-Alvarado>
23. <https://www.noticonquista.unam.mx/amoxtli/1941/1941>
24. [https://es.wikipedia.org/wiki/Noche_Triste#/media/Archivo:The_Sad_Night_\(Noche_Triste\)__\(Conquest_of_Mexico\)_Painting.jpg](https://es.wikipedia.org/wiki/Noche_Triste#/media/Archivo:The_Sad_Night_(Noche_Triste)__(Conquest_of_Mexico)_Painting.jpg)
25. https://historia.nationalgeographic.com.es/a/templo-mayor-tenochtitlan-centro-espiritual-mundo-azteca_18891
26. https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Jose_Vasconcelos_%28cropped%29.jpg
27. <https://www.portalpolitico.tv/cultura/el-polyforum-siqueiros-no-se-mueve-ni-se-destruye-garcia-ccpeda>
28. <https://casacampolima.com/en/aimara-pueblo-indigena/>
29. <https://collections.lacma.org/node/2092283>
30. <https://en.wikipedia.org/wiki/Ejido>
31. <https://www.sfmoma.org/artwork/MM2021.402/>
32. https://es.wikipedia.org/wiki/Polyforum_Cultural_Siqueiros#/media/Archivo:Foto_al_mural_del_polyforum002.jpg
33. <https://repositorioacademico.upc.edu.pe/handle/10757/653738>
34. <https://es.prefeitura.rio/acao-comunitaria/programa-favela-com-dignidade-bate-recorde-de-atendimentos-na-vila-cruzeiro/>
35. <https://educacaoeterritorio.org.br/arquivo/comunidade-do-moinho-resiste-ao-se-reconstruir/>
36. https://t.me/viento_lp
37. <https://www.todocoleccion.net/postales-dibujos-y-caricaturas/postal-aragon-manos-bailando-jota-traje-regional-ed-c-z-cyz-543-b-ilustrador-mrg-anos-50-nueva-x481878627>
38. <https://www.pinterest.com/pin/383509724516754435/>
39. <https://calleartemadrid.com/2021/10/20/el-gato-rojo-de-madrid/>
40. https://es.m.wikipedia.org/wiki/Archivo:Due%C3%B1as_09.jpg
41. <https://www.pinterest.com/pin/428616089540220706/>
42. <https://www.fcbarcelona.es/es/noticias/1645589/el-campo-de-la-calle-de-la-industria-111-anos-de-inspiracion>
43. [https://www.album-online.com/en/search?aiIM=639665&aiMT=32&iSF=3&T=JENARO%2C%20EL%20DE%20LOS%2014%20\(1974\)](https://www.album-online.com/en/search?aiIM=639665&aiMT=32&iSF=3&T=JENARO%2C%20EL%20DE%20LOS%2014%20(1974))
44. <https://www.amazon.in/Yo-charnago-personal-emigraci%C3%B3n-Catalu%C3%B1a-ebook/dp/B084KLHTKM>
45. <https://www.quartagallery.ru/kofman-andrey/>
46. https://libfl.ru/ru/bookscollection/_/priroda-sozdala-menya-perevodchikom
47. <https://www.saatchiart.com/kofman>
48. https://www.ozon.ru/product/terra-adelante-2983711/?oos_search=false
49. <https://www.labirint.ru/books/606739/>
50. https://vk.com/wall-5197510_26201
51. <https://imli.ru/arkhivnye-svedeniya-o-sotrudnikakh-imli-ran/1210-zemskov>
52. <https://biblio.imli.ru/index.php/zarublitra/519-istoriya-literatur-latinskoj-ameriki-t-2-1988?ysclid=m8elaiwzfw842770714>
53. <https://biblio.imli.ru/index.php/zarublitra/520-istoriya-literatur-latinskoj-ameriki-t-3-1994?ysclid=m8elau57bp75230342>
54. <https://www.sciencenphoto.com/media/570735/view/south-america-with-settlements>
55. <https://apintoresyescultores.es/tag/sala-del-consejo-de-la-antigua-sociedad-de-naciones/>
56. <https://americanart.si.edu/artwork/francisco-de-vitoria-25616>
57. <https://arteviajero.com/articulos/fachada-la-universidad-salamanca/>
58. https://es.wikipedia.org/wiki/Mart%C3%ADn_de_Cervera#/media/Archivo:Class_at_Salamanca.jpg
59. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Schnorr_von_Carolsfeld_Bibel_in_Bildern_1860_007.png

60. <https://www.flickr.com/photos/135366745@N08/20348014026/>
61. [https://es.wikipedia.org/wiki/Retablo_de_San_Benito_el_Real_\(Valladolid\)#/media/Archivo:Fachada_Colegio_de_San_Gregorio.jpg](https://es.wikipedia.org/wiki/Retablo_de_San_Benito_el_Real_(Valladolid)#/media/Archivo:Fachada_Colegio_de_San_Gregorio.jpg)
62. <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/isabel-la-catolica-dictando-su-testamento/907d2c98-eb35-4f1b-a39d-65bff0322faa>
63. <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/duelo-a-garrotazos/2f2f2e12-ed09-45dd-805d-f38162c5beaf>
64. <https://mapasmilhaud.com/mapas-curiosos/el-choque-de-civilizaciones-de-samuel-huntington-1996/>
65. <https://rossaprimavera.ru/news/a1b5cc1b>
66. https://fr.wikipedia.org/wiki/Fichier:Salamanca_Francisco_de_Vitoria.JPG
67. <https://diarium.usal.es/chuaix/historia-de-las-universidades-2/historia-de-las-universidades-universidad-de-salamanca/historia-de-las-universidades-universidad-de-salamanca-un-modelo-clasico/>
68. <https://www.turismocastillayleon.com/es/patrimonio-cultura/convento-san-esteban>
69. <https://lacronicadesalamanca.com/209542-realidad-virtual-para-ver-los-monumentos-salmantinos-por-dentro/>
70. <https://viajarconelarte.blogspot.com/2013/02/salamanca-erudita-i-real-colegio-del.html>
71. <https://www.lookphotos.com/fr-fr/photos/71204795-Council-Chamber-The-Palace-of-Nations-The-United-Nations-Office-at-Geneva-UNOG-Geneva-Switzerland-Europe>
72. https://arthive.com/artists/70299~Jos_Maria_Sert/works/559276~Murals_of_the_Palace_of_the_League_of_Nations
73. <https://www.un.org/en/council-chamber>
74. <https://malba.s3.sa-east-1.amazonaws.com/wp-content/uploads/2018/01/17152649/Antonio-Ruiz-El-sueno-CC%83o-de-la-Malinche.jpg>
75. https://es.wikipedia.org/wiki/La_Gran_Tenochtitlan_vista_desde_el_Mercado_de_Tlatelolco
76. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hern%C3%A1n_Cort%C3%A9s_y_los_embajadores_de_Moctezuma_Abril_1519_\(Jos%C3%A9_Galofr%C3%A9\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hern%C3%A1n_Cort%C3%A9s_y_los_embajadores_de_Moctezuma_Abril_1519_(Jos%C3%A9_Galofr%C3%A9).jpg)
77. <https://musal.mx/en/exhibitions/el-arte-mexicano-del-siglo-xix#gallery-2174-3>
78. <https://www.museodelprado.es/coleccion/obra-de-arte/hernan-cortes-el-celebre-conquistador-de-mejico/23911305-81ee-4b9e-854a-ef05b0b73ac1>
79. https://es.wikipedia.org/wiki/Conquista_de_M%C3%A9xico#/media/Archivo:Conquista-de-M%C3%A9xico-por-Cort%C3%A9s-Tenochtitlan-Painting.png
80. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%A2%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%87%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B0#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Leutze,_Emanuel_%E2%80%94_Storming_of_the_Teocalli_by_Cortez_and_His_Troops_%E2%80%94_1848.jpg
81. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tlaxcala_-_Palacio_de_Gobierno_-_Verhandlungen_Spanier_-_Tlaxcalteken_2.jpg
82. <https://www.pinterest.fr/pin/a-sunday-in-lisbon-tapestry-jose-de-almadanegreiros--30047460367781924/>
83. <https://gulbenkian.pt/cam/en/works/auto-retrato-num-grupo-pintura-decorativa-cafe-a-brasileira-do-chiado-self-portrait-in-a-group-decorative-painting-brasileira-cafe-in-chiado-13899/>
84. <https://www.futurismo.org/jose-sobral-de-almada-negreiros/>
85. <https://www.dailyartmagazine.com/almada-negreiros-artworks/>
86. <https://boverijuancarlospintores.blogspot.com/2015/08/jose-de-almada-negreiros.html?m=1>
87. <https://expresso.pt/cultura/2017-05-29-Modernismo-enquanto-problema>
88. <https://elpais.com/internacional/2022-01-22/el-retrato-de-la-desigualdad-detras-de-la-foto-de-la-favela-y-el-barrio-rico-de-brasil.html>
89. https://efe.com/wp-content/uploads/2023/12/OBJ_20231222T225739S0015I_1_1_1_15_3_1.jpg

Уважаемые коллеги! В журнале «Ибероамериканские тетради» публикуются статьи, соответствующие следующим специальностям согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России:

5.6. Исторические науки:

5.6.2. Всеобщая история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филология:

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.4. Фольклористика

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (испанский, португальский)

5.10. Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (театральное искусство, музыкальное искусство, кино-, теле- и другие экранные искусства, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура, хореографическое искусство, техническая эстетика и дизайн)

Все материалы проходят «слепое» рецензирование. Журнал выходит четыре раза в год, статьи могут быть представлены на русском, испанском, португальском, английском языках. Объем статей от 30 000 до 60 000 печатных знаков.

Номера журнала носят как тематический характер, так и посвящаются отдельным рубрикам в соответствии с представленными специальностями.

Подробные требования к регистрации и оформлению статей (правила для авторов) представлены на сайте журнала: www.iberpapers.org.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Подписано в печать 28.03.2025

Формат: В5. Цифровая печать.

Объем: 16,49 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 677

Издается МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

¡Estimados colegas! Les invitamos a publicar artículos que correspondan a los siguientes **grupos de ciencias humanas** (según la clasificación de las revistas de impacto):

5.6. Historia:

5.6.2. Historia universal

5.6.4. Etnología, antropología y etnografía

5.6.7. Historia de las relaciones internacionales y de la política exterior

5.9. Filología:

5.9.2 Literatura

5.9.4. Estudios folclóricos

5.9.6. Lenguas (español, portugués)

5.10. Historia del arte y cultura:

5.10.1 Teoría e historia de la cultura y el arte

5.10.3 Artes (teatro, música, cine, televisión, artes visuales, arquitectura, coreografía, estética técnica y diseño)

Todos los textos se someten a un proceso de *revisión "ciega"*.

La revista se publica *cuatro veces al año* y los artículos pueden enviarse en *ruso, español, portugués e inglés*. La extensión de los artículos entre 30.000 y 60.000 caracteres impresos.

Los requisitos detallados para el registro de artículos (normas para los autores) pueden consultarse en el sitio web de la revista: www.iberpapers.org.

Contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Tel: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Firmado para imprimir el 28 de marzo de 2025

Formato: B5. Impresión offset.

Volumen: 16,49 pliegos editoriales. Tirada: 200 ejemplares

Publicado por la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Impreso en la MGIMO-Universidad, Moscú, Rusia

Dear colleagues! You are welcome to publish articles that correspond to **the following groups of Human Sciences** (according to the classification of the Russian Higher Attestation Commission):

5.6. History:

5.6.2. Universal history

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.6.7. History of international relations and foreign policy

5.9. Philology:

5.9.2 Literature

5.9.4. Folk studies

5.9.6. Languages (Spanish, Portuguese)

5.10. History of art and culture:

5.10.1 Theory and history of culture and art

5.10.3 Arts (theatre, music, film, television, visual arts, architecture, choreography, technical aesthetics, and design)

All articles are subject to a *“blind” peer review*.

They can be submitted in *Russian, Spanish, Portuguese or English*. The length of the articles (without metadata) is to be 30,000 – 60,000 printed characters.

Detailed requirements for article submission (author guidelines) can be found on the Journal's website: www.iberpapers.org.

Contacts of the Editorial Office:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Ph.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Signed to print on March 28, 2025

Format: B5. Offset printing.

Volume: 16,49 printer's sheets. Circulation: 200 copies

Published by MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in MGIMO University, Moscow, Russia